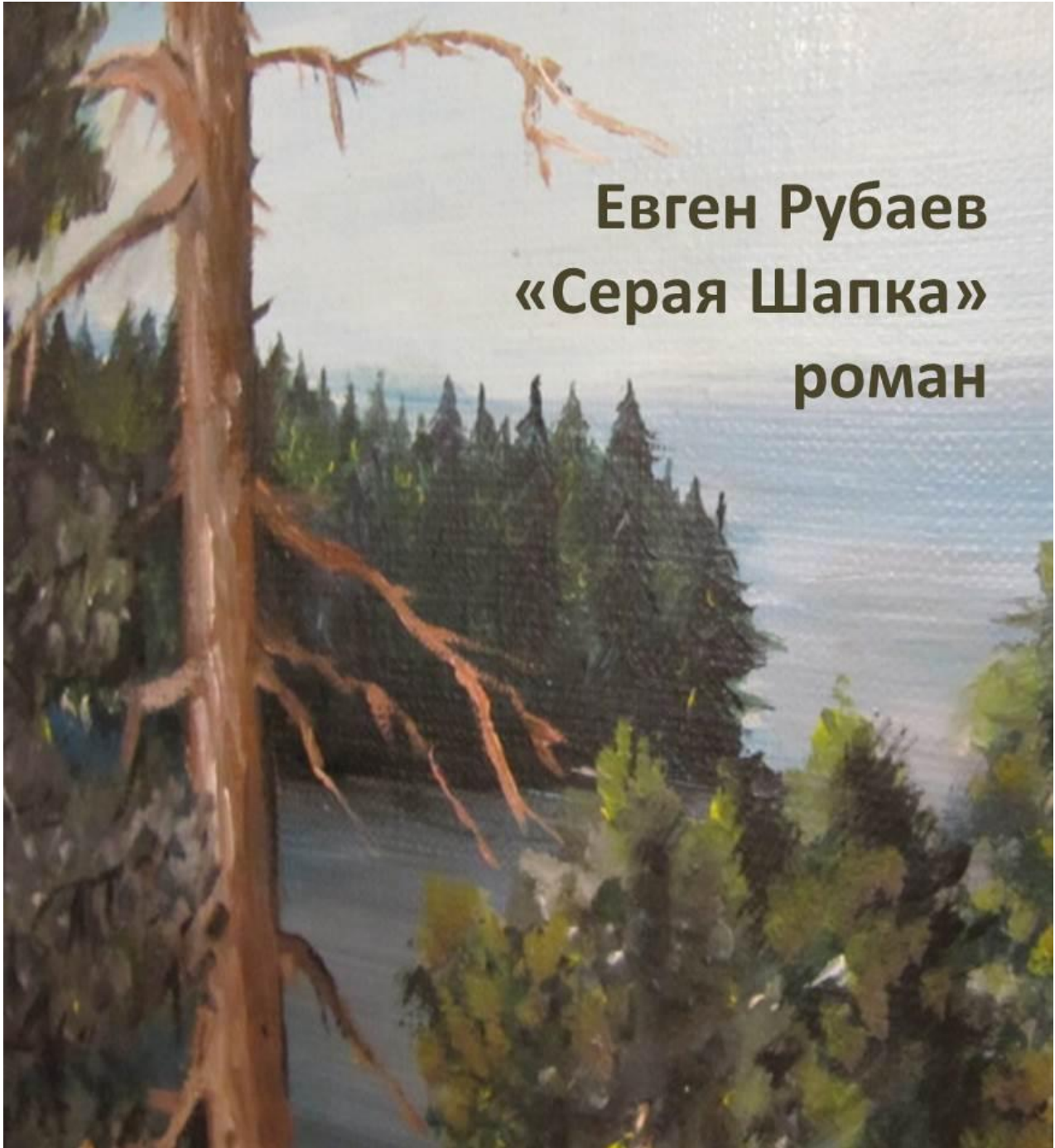

Рубаев Евгений

Серая шапка

Евгений Рубаев
«Серая Шапка»
роман

Этот роман чисто фантастический. Имеет основу с опорой на гипотезу параллельных миров; переход в которые возможен в порядке исключения.

Гипотеза имеет ряд подтверждений: призраки, дежавю, фатума морганы, миражи. На уровне предположения, сновидения тоже можно отнести к таким феноменам, как виртуальное путешествие в параллельный мир.

Начало произведения неожиданное для контекста.

Самолёт главного героя Рэда терпит катастрофу в Арктике. Волею случая Рэд оказывается на заброшенном корабле-призраке. Там-то и начинается его путешествие в другой Мир. С ним происходит ряд приключений различного характера. По ходу которых происходит дивное описание глубоководного Мира нашего океана.

В развитии параллельных сюжетов следует повествование о весёлой жизни в порту Мурманск - какова жизнь моряков и их жён-морячек....

В общем контексте роман очень познавательный, расширяет кругозор, увеличивает мировоззрение.

Читается очень легко, без лишнего напряжения.

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	77
Глава 6	96
Глава 7	116
Глава 8	133
Глава 9	152
Глава 10	175
Глава 11	194
Глава 12	214
Глава 13	228
Глава 14	242
Глава 15	263

Глава 1

Маленький одномоторный самолёт летел над Арктикой. В нём сидел лишь один человек, он же им и управлял. Этот пилот был очень амбициозным, на почве чего и состоялся полёт. Люди такого склада характера обычно невысокие. Но этот пилот, которого, несмотря на русскую принадлежность, звали Рэд, был роста выше среднего, спортивного телосложения, с правильными чертами лица. Такое имя он получил в кругу друзей за цвет своих волос. Самолёт принадлежал ему. Достался он Рэду за долги ещё в конце девяностых годов. Он вначале не знал, куда его сплавить. Потом посоветовали дружественные компетентные люди привести "Як-18" в порядок, чтобы аппарат стал товаром. Рэд в процессе комплектации и ремонта втянулся в авиационное дело. Обрёл новых знакомых из круга людей, влюблённых в авиацию, и, как каждый молодой парень, стал серьёзно заниматься тем делом, в которое он досконально вник впервые в жизни. Так случается с юношами, если таковой изучит какое-нибудь ремесло изнутри.

Жил в то время Рэд в маленьком подмосковном городке, возле которого находился аэродром, а при нём был аэроклуб. В начале двухтысячного, в дни "победившего волюнтаризма", лицензию – подлинную – можно было купить на любую деятельность. Чиновники под лозунгом "Нам мало платят!" продавали любые дипломы, часто даже оптом. Так Рэд и стал пилотом, и очень этим гордился. Имя "Рэд" он получил примерно в то же время, за рыжие волосы и пылкий характер. Конечно, перед этим он взял серию уроков у одного старого летуна, который чисто устно, теоретически руководил технической доводкой самолёта, получая зарплату от Рэда только горючим. "Горючим" он называл водку. За употребление горючего он когда-то поплатился своими лётными правами, хотя значительных аварий не совершал. Просто в одночасье начальству Архангельского надоела дилемма, постоянно возникавшая в пункте лётного медосмотра: "Выпускать или не выпускать?" И Рэдов инструктор оказался на пенсии, переехал на малую родину, в тот городок, где жил Рэд, и от тоски по небу ходил на местный аэродром.

Подвинула Рэда на такие решительные шаги – не продавать самолёт, а стать пилотом, – посадка немецкого юноши греческого

происхождения Руста на Красной площади, прославившая его на весь Мир. Вначале Рэд задумал было совершить ответную посадку в Германии. Но раздумья: "Где сажать, в Бонне или в Берлине?", – затянули принятие решения и, в конце концов, он от этого проекта отказался, вынеся вердикт: "Все эти города – на букву Б."

Когда Россия готовилась к полемике: "Кто будет третьим Президентом страны?", Рэд решил в одиночку слетать на Северный Полюс. Конечно, такая идея родилась не спонтанно, а была навеяна длинными рассказами своего подвыпившего инструктора. Тот временами заговаривался и рассказывал, что в аэропорту Воркуты стоят "дугласы" ещё времён ленд-лиза. И что на "дугласе" можно долететь до Северного Полюса.

Будучи вполне духариком, кипежной Рэд воскликнул:

– Да я на своём "Яке" долечу!

Он был пойман на слове – в момент сказанного их окружали слушатели из местной братии лётчиков-любителей. После долгой подготовки и многократного откладывания полёта Рэд стартовал, наконец, с архипелага Земля Франца-Иосифа, с острова Хейса. Тут располагалась брошенная база геологов, на ней-то и создали запас авиационного горючего в небольших бачках. Этими бачками, как селёдками в бочке, перед полётом было забито всё пространство самолёта, плюс гондолы висели под крыльями. Один Рэд ни за что и никогда не осилил бы этой подготовительной гонки – впряглась одна из свежесозданных компаний сотовой связи.

И вот Рэд летел на север, имея на борту опломбированные приборы спутниковой навигации для регистрации прохождения Полюса. Летел он на радиомаяк Хатанги. Самого страшного – обледенения – почему-то не боялся, а в голове назойливо вертелась история о гибели Валерия Чкалова. Погиб тот от замерзания карбюратора. У Рэда самолёт тоже был карбюраторный. Если бы фирма, рекламную акцию которой Рэд ищачил своим перелётом, ввязалась в подготовку пораньше, мотор можно было переделать под инжектор. Но какой-то деятель – антиквар-знаток – накуковал, что оригинальность машины будет нарушена и впоследствии "Як" не будет считаться настоящим олдтаймером. И Рэд решил не насиловать своё детище.

И вот теперь он думал о чкаловском карбюраторе, и о том, какой же Чкалов был великий лётчик!.. Когда на траверсе уже была Новая Земля, из мотора слышались хлопки, вначале лёгкие, а затем все более уверенные. Это "свидетельствовало об обеднении топливной смеси", проще говоря, карбюратор стал мёрзнуть.

В это время, чтоб вы знали, здесь Солнце не заходит вовсе. Под самолётом были дрейфующие льды, которые, конечно, торосились, но местами встречались и целиковые поля. Хуже было бы, если под крылом был паковый лёд или нилас. А так Рэд стал выбирать льдину для посадки самолёта, всё быстрее теряющего высоту. Когда он выполнил очередной поворот – о, чудо! – увидел во льдах корабль. Раньше, за суетой, он его не замечал, тем более что за кораблём не тянулся, как положено, шлейф дыма от работающих двигателей, который на фоне белого льда был бы прекрасно виден! Кстати, за кормой судна не виделось следа из крошёного льда, который всегда остаётся после корабля ледового класса, пробивающего себе путь. Даже с дальнего расстояния было видно, что корабль затёрт льдами и дрейфует вместе с ледяным полем. Рэд, не имеющий опыта пребывания в высоких широтах, был в состоянии крайней растерянности и совершенно естественно устремил самолёт к этому кораблю, в надежде, что там – люди, которые – обязательно помогут!

Приземление прошло довольно-таки успешно, и вскоре Рэд выбрался из кабины неподалеку от дрейфующего судна. Когда стих чихающий мотор "Яка", удивила тишина, которую не нарушали никакие звуки. А ведь рядом был большой корабль! Его названия Рэд, стоя у самолёта, не смог рассмотреть, лишь на надстройке судна огромными латинскими буквами сияли позывные. Набор этих букв был, как водится, сплошной абракадаброй, но Рэд знал, что латинские буквы позывных не исключают принадлежность судна родному государству. Он исходил из того, что по Северному морскому пути ходят только российские суда.

Погода в Арктике переменчивая и резкий ветер мог дунуть в любую минуту. Поэтому самолёт надлежало привязать к чему-то, заякорить. Такого оснащения, по причине борьбы с лишним весом, на борту самолёта не было. Поэтому за такой помощью он пошёл на судно. Ещё он надеялся найти там рацию, чтобы сообщить о своей

вынужденной посадке. Самолётную рацию, всё по той же причине борьбы с лишним весом, тоже пришлось снять. Впрочем, не было у Рэда ни парашюта, ни резиновой лодки, ни еды, ни... Короче, не было практически всего.

Приятно было обнаружить свисающий со спардека верёвочный штормтрап. Сделан он был по-морскому искусно, и подниматься по плоским ступенькам было удобно. Дверка фальшборта оказалась распахнутой, и Рэд без труда очутился на палубе корабля. Сталь надстройки и палубы были заморожены, обутое в унты ноги скользили. Рэд крикнул:

– Есть кто-нибудь? Люди, отзовитесь!

В ответ из стальных недр слышались лишь лёгкие скрипы и какие-то шлёпанья. Звуки были явно не живого характера. В поисках чего-нибудь, чтобы закрепить самолёт на льду, Рэд не торопясь пошёл по палубе на ют, где могли располагаться всякие боцманские причиндалы. В пути следования его ни на минуту не покидало ощущение, что за ним кто-то неотрывно следит, поэтому Рэд на всякий случай обдумывал ответы на возможные неприятные вопросы типа: зачем поднялся на борт, куда пошёл, что искал.

Несколько раз Рэд резко оборачивался и разглядывал подозрительные места. Никого увидеть не удалось. На носу судна, почти в форт-пике, ему удалось обнаружить кандейку боцмана со всякой всячиной: начиная от линемётов, фальшфейеров, и заканчивая верёвками, которые моряки, все без разбора, называют: "Концы!"

Когда он подбирал подходящие "концы" для заякоривания самолёта, то услышал грубый окрик:

– Куда берёшь чужое!

Рэд выглянул из кандейки, опасаясь, что его задрят в ней навсегда! На палубе он увидел свободно стоящего без оружия человека. Облачён тот был в одежду полярника рядового состава: стёганку, набитую не ватой-хлопком, а верблюжьей шерстью. На голове косо сидела цигейковая шапка, под которой было приветливое молодое лицо весёлого парня. Рэд смутился, стал суетливо объяснять:

– Да я только самолёт привязать, я потом верну!

– Вернёшь! Улетишь, а потом лови тебя в небе! Чего его привязывать? Не корова, не украдут! Давай-ка знакомиться. Сергей Смирнов!

– Рэд! – протянул руку Рэд.

После длинного рукопожатия Смирнов спросил:

– А, чё – Рэд? Американец, что ли?

– Русский. Просто так все зовут.

– А-а-а...

– Серёга, а ты чё, здесь сторожем, что ли?

– Каким сторожем, нет. Долго объяснять. Матрос я, в общем.

Рэд остро почувствовал, что новый знакомый чего-то не договаривает. Причём не договаривает что-то очень сильно важное! Поэтому начал издали:

– Из-за чего судно-то дрейфует? Двигатель встал?

– Нет, гребной вал свернуло, оборвало, – неохотно ответил Смирнов.

– Так в дырку же вода зайдёт?

– Не в дырку, а в дейдвудную трубу. Там остался обломок вала, бакаутные плашки воду держат хорошо. Хотя уже нижний трюм залило в отсеке.

– А где вся команда? – спросил Рэд.

– Ну, в общем... Пойдём-ка в рубку, а то очень холодно!

Они поднялись на ходовой мостик, прошли через штурманскую рубку и оказались в каюте комсостава. Крошечная каюта была неуклюже оборудована под временное жильё. Смирнов стал объяснять:

– Я вначале в капитанской, в двухкомнатной, поселился, но её же не протопишь! Выбрал поменьше. Вот сейчас тебя пуншем потчевать буду, за встречу!

Почти в середине каюты стояла самодельная печка, сделанная из сорокалитровой молочной фляги, алюминиевый бок которой был грубо вырублен, в образовавшееся отверстие была вставлена дымовая труба. Дрова, очевидно, хозяин закладывал в крышку сверху. На

крышке же стоял чайник, явно из каюты капитана, уж больно ярко блестели сквозь копоть его никелированные бока. Из чайника пахивало каким-то ликёром. Бока печки-фляги были обложены шамотным кирпичом, от такой рационализации в каюте было довольно-таки тепло.

– Откуда на корабле кирпичи и дрова? – спросил первое, что пришло в голову, Рэд.

– Шамотный кирпич в котельной лежит, от обмуровки, футеровки котла остался, а может, на запас оставили?! Дрова в твиндеках беру, там мебель примитивная – кровати, тумбочки. Громлю все подряд!

– А пунш из чего варишь?

– Сначала раскассировал представительские запасы капитана. Они быстро кончились. Теперь нашёл в трюме гидролизный спирт, для водолазного комплекса, который на судне есть. Шланги водолазам промывать, в общем.

– Не отравимся?

– Да ты чё-ё?! Я уже полведра выпил и живой!

Рэд хотел вначале отказаться от угощения. Обосновав, что ещё надо самолёт ремонтировать и лететь. Не полетишь же "подшофе"?! Но его распирало любопытство: "Откуда образовался на дрейфующем судне Смирнов? И где команда?" – шлюпки и спасательные плотики "ПСН" были на месте, все в комплекте, заметил наблюдательный Рэд. Судя по заявлению "полведра" – Смирнов здесь давно. "Может, при совместной выпивке расскажет всё?" – подумал он.

Когда выпили по первой, Рэд подивился крепости пунша, и полюбопытствовал:

– Спирт-то с чем бодяжишь?

– У кока нашёл в кухмистерской сироп. Клубничный, вишнёвый, много ящиков. Жвачки всякой, в общем-то – навалом! Правда, мясо и рыба в риферах подзаглохли, температура хранения не та! Режим не выдержан хранения!

Рэд чувствовал, что истосковавшийся по обществу Смирнов будет часами гнать монологи на хозяйственную тему. Поэтому он

начал подправлять течение беседы, пригубив очередную порцию пунша, который, будучи горячим, сразу ударил в голову тёплой волной. Он задал более конкретные вопросы:

– А что, команда судна на тягачах и санях по льду уехали? – такой вопрос был спровоцирован тем, что, как отметил Рэд, судно было оборудовано подъёмными стрелами, которыми запросто можно было вывести тягач за планшир и смайнать на лёд. – Санно-тракторным поездом ушли на Большую Землю?

– Ха-ха! – отреагировал Смирнов неадекватно, – до первой полыньи здесь уйдёшь! Лето же на дворе, лёд слабый!

– Так куда же делись люди? Корабль-то жилой, только машина стоит, а так, вроде, всё жилое!

– Ну-у-у! Это отдельный разговор! Давай ещё по одной!

– За упокой моряков этого корабля? – стал подводить разговор ближе "к теме" Рэд.

– Да живые они все и здоровее нас с тобой! О! Надо лампочку врубить, я от аккумуляторов свет сделал!

За иллюминатором резко потемнело. Смирнов подсоединил, скрутил электропровода, под потолком загорелась лампочка. Смирнов опять стал уводить разговор от темы:

– Дизель-генератор-то не запущен. А вспомогач я запустить не могу. Стоит, видно с тех пор!

– С каких пор? – ухватился за тему Рэд.

– Это потом! Давай вздрогнем!

– Чё ты! Всё вздрогнем, да вздрогнем! Ты бы хоть спросил. Я же забрать тебя

не смогу, если самолёт починим.

– А чё? Секретное задание? Куда ты летишь?

– Рекорд ставлю! Весь самолёт бачками с бензином забит! Как танкер. И не выкинуть их. Все завязаны в систему. Могу только сообщить о тебе на Хатанге. У меня даже рации нет, для облегчения самолёта.

– Во, бешеный! А как тебя искать будут?

– А как тебя искать будут?

За этим спором труба кустарной печки жутко загудела. Смирнов прокомментировал:

– Шквал налетел! Погода сменилась, здесь это резко, в минуты бывает!

Рэд потянулся к выходу:

– Так у меня самолёт перевернёт! Чего ты не предупредил?

– А ты сам не видишь? За иллюминатором потемнело!

Так, пререкаясь, они выбрались на палубу и помчались за верёвками-концами. Ветер-низовик тянул снег с поверхности льда, и на расстоянии вытянутой руки почти ничего не было видно, а за бортом совсем ничего нельзя было рассмотреть. Они, пробравшись в боцманскую кандейку, страшно сталкиваясь, схватили первые попавшиеся верёвки. Смирнов спросил:

– К чему привязывать будем?

– А к чему? – ошарашено переспросил Рэд.

– Надо ледобуром лунки бурить и клинья вбивать! – А есть этот ледобур?

– У боцмана в каптёрке всё есть, только как найти? – несмотря на пунш, Смирнов соображал чётко, – да и где ты сейчас найдёшь самолёт? Надо было подрулить ближе к судну!

– Я думал, возле судна трещины. Я всё равно пойду к самолёту. У меня там документы и деньги.

– Ты чё, деньги везёшь?! – возбуждённо воскликнул Смирнов.

Характер у него, видимо, был авантюрный, и напоминание о деньгах стало рисовать в его воображении, подогретом пуншем, тюки денег, которыми заполнен самолёт.

– Ну, ты дикий! – покачал головой Рэд, – Да там денег – на обратную заправку и пожрать купить по дороге!

Пристыженный Смирнов суетливо стал проявлять заботу о новом знакомом:

– Давай фал от линемёта к тебе привяжем. А то уйдёшь ты "в туманную даль"! – Что же я, как кобель на верёвке буду?

– Если темы не знаешь – не спорь! Места здесь такие: уходят и не приходят! Рэду стало жутковато на душе. Разумом он понимал, что новый его знакомый имеет в виду, что в непогоду человек ориентироваться не может. Да и компас возле Полюса бесполезен, Солнце и то здесь кульминирует, а не всходит и заходит. Жутко Рэду стало потому, что он почти физически почувствовал, что Смирнов говорит о какой-то "точке невозврата"!

– А от чего этот фал? – спросил Рэд, что бы разрядить обстановку непонимания, возникшую между новыми знакомыми.

– А-а-а... Это когда буксировать судно вздумают, если оно ход потеряет. То ведь сразу буксирный канат не перекинешь с судна на судно. Вот и стреляют из линемёта линем, а за линь перетягивают фал, которым, в свою очередь, перетягивают буксирный канат. Уж больно тот тяжёлый! Шпилевой лебёдкой тянут!

Рэд не стал вдаваться в науку буксировки судов, лишь молча обвязался капроновой верёвкой, которая была смотана шлагами у ног Смирнова.

– С богом! – сказал Рэд и стал спускаться по штормтрапу на лёд в белую мглу мельчайших снежинок, перемешанных ветром с разрежённым воздухом Арктики. На льду, встав спиной к борту судна, Рэд сделал, примерно на глазок, как он помнил, доворот в направлении предполагаемой стоянки его самолёта и решительно зашагал, сгибаемый упругим ветром. Преодолевать этот ветер, всё дальше удаляясь от судна, становилось невероятно трудно. Фал, свободно разматывавшийся вслед за ним, вдруг натянулся. Пытаясь освободить натянувшийся фал, Рэд ослабил контроль над порывами ветра и тот его повалил на снег. Пытаясь подняться, Рэд барахтался и вконец потерял заданное направление, которое, как ему казалось, он контролировал. Дышать было трудно. Рэду, из инструктажа по работе мотора самолёта, было известно, что в полярном воздухе не хватает тридцать процентов кислорода. Рэд, держась за натянутый фал руками, перебирал ногами по снегу, казавшемуся из-за мороза сухим. Судна не было видно до тех пор, пока оно не появилось перед самым лицом Рэда. Он стал кричать, чтобы Смирнов перестал тянуть верёвку, это мешало подниматься по штормтрапу. Когда Рэд оказался на палубе, Смирнов, не давая ему отдышаться, всё время спрашивал:

– Ну-у. Как, нашёл самолёт?

– Чего ты смеёшься? Если самолёт унесёт, как про тебя узнают, что ты здесь терпишь бедствие?

– Я ещё не решил, хочу я этого или не хочу!

Это заявление совсем обескуражило Рэда. Поведение Смирнова показалось ему более чем странным. Он стал подозревать его, что тот радуется, что Рэд не нашёл самолёт. Смирнов, сматывая аккуратно фал шлагами, поучал Рэда:

– Если ты левша – то сматываешь под выброску "под левую руку", если правша – то наоборот!

Рэд чувствовал, что Смирнов говорит ему ненужные сведения, чтобы заполнить непонятные места в общении. Рэду даже в голову пришла фантастическая мысль: "Может, Смирнов виноват в гибели всей команды судна? Где все члены экипажа?" И он задал, перебивая педагогические "проходы" обучающего, вопрос:

– Куда делись все люди с судна? Может, и мой самолёт туда "испарился"? Отвечай! – внезапное подозрение посетило его в момент задавания вопроса.

– Ты чё орёшь?! Ты кто такой? Прокурор, что ли? Допросы мне чинишь! А самолёт твой ветром унесло! Он, наверное, уже на Новой Земле в радиации купается!

– В какой радиации?

– А ты что, не знаешь, что в шестидесятых годах на Новой Земле термоядерную бомбу взорвали? Ну, ты совсем дремучий! Тогда весь лёд с архипелага растаял!

– А причём здесь радиация?

– Ты чего дорвался до меня? Сам не привязал самолёт, как требует ваша инструкция, а теперь на меня орёт! Чего заранее паникуешь? Может, стоит твой самолёт, прижало его ветром к торосу и стоит. А ты заранее истерику устраиваешь! Пойдём в каюту. Ты ещё меня благодарить должен, что я тебя фалом привязал. Сейчас бы кувыркался, следом за самолётом!

Рэда стали мучить угрызения совести. Правда, парень вроде как жизнь ему спас, догадался, что Рэд может заблудиться в такую пургу,

и страховал его. Вместе они побрели в помещение надстройки корабля. В каюте было относительно тепло. Парни сняли куртки, Смирнов закурил неприятно пахнущую сигарету "Прима". Для начала беседы Рэд спросил:

– Что, в представительских запасах у капитана не было нормальных сигарет?

– Сигарет полно всяких по каютам. Только я привык к крепкому куреву. Я тебе не сказал, ведь я же геолог, привык в геологических партиях крепкий табак смолить.

– Так как же ты в матросы попал?

– Последние годы работал в морской геологоразведке. Во время перестройки всё финансирование прекратилось. Нас, специалистов, сократили. Что-то делать надо в жизни? Вот и пошёл в матросы. Это судно, в принципе, тоже корабль науки. Построен в восьмидесятых, для гидрографии. Здесь академики плавали, член-коры. Вот их и забрали потому, что они все шибко башковитые, много знают.

– Кто забрал? Американцы? – вскричал Рэд.

– Ну, вот! Опять ты мне допросы чинишь! Ты чего, никогда ничего не слышал о "Летучих голландцах"? Когда находят корабль в море, всё в нём на месте, а команды нет! Никто разгадать не может, а ты меня пытаешь!

– Ну, ты же откуда-то взялся!

– Ты же тоже откуда-то взялся! – огрызнулся Смирнов.

Рэд явно чувствовал, что его новый товарищ чего-то большого не

договаривает. Чтобы смягчить опять напрягшуюся обстановку, Рэд предложил:

– Пойдём вспомогац запустим, чего без электричества сидеть. Радию включим, с Землёй свяжемся!

– Всё одно, морзянку ни я, ни ты не знаем. А вспомогац не заведётся, после "этих".

Смирнов опять заговорил "туманными" фразами и Рэд, чтобы не касаться конфликтной темы, начал тормозить его:

– Пойдём, пойдём! Теперь я знаю, что ты – геолог. Геологи в технике – совсем деревянные.

– Ну, пойдём. Сам убедишься, что дело это не решаемое!

Они оба, друг за другом, прошли на бак, где стоял вспомогательный электрогенератор. Он, неожиданно, оказался, новеньким дизельком "Бокке Вульф". Рэд в восхищении воскликнул:

– Откуда на такой барже такая игрушка?

– Стояла здесь раньше штатная "чашка".

– Что за чашка?

– Так зовут маленькие морские дизельки, которые маркируются: "2-ча", "4-ча".

Дед, стармех, продал его кооператорам. Оформил, как на ремонт, и продал. А эту бздыкалку вроде как спонсоры учёным презентовали. Это что! Ты бы посмотрел в машинном отделении на главный двигатель, у нас "Зульцер" стоит! – с обоснованной гордостью сказал Смирнов.

Рэд осмотрел мотоэлектродвигатель и стал проворачивать его стартером. Дизельное топливо, как он определил, поступало. Но вспышки в цилиндрах явно не было. Сколько он ни осматривал провода, идущие к топливному насосу, понять, почему нет этой вспышки, ему не удалось. К этому времени аккумуляторы иссякли совсем. Рэд, чтобы установить вероятность появления вспышки в цилиндрах, стал проворачивать мотор вручную рукояткой, которая имела в ящике запасных частей. Самозванный механик не ведал, что в иностранном двигателе рукоятка служит не для пуска двигателя, а лишь для его проворачивания при регулировках. Рэд, как положено у русских, стал яростно вращать рукоять. Мотор неожиданно произвёл хлопок, сработал "в обратку", и рукоятка со всей силы ударила Реда по руке – рука мгновенно онемела. Смирнов попросил его пошевелить пальцами раненой руки, но пальцы не шевелились! Он сказал:

– Перелом!

Товарищи поспешили в каюту, где попытались освободить руку от одежды. Чтобы не видеть мучений товарища, Смирнов помчался в каюту, которую прежде занимал судовой док. Там он раздобыл бинты

и даже шину для фиксации руки. Когда он вернулся, Рэд уже освободил руку, но лишь только от верхней куртки. Совместными усилиями они наложили шину, прямо поверх свитера на уже успевшую изрядно опухнуть руку. Смирнов комментировал, как неисправимый оптимист:

– Хорошо, что не наложили повязку раньше, а то рука распухла бы, и теперь повязка давила бы её!

Под эти воркования он мотал бинт, а душой предчувствовал, что с рукой не всё так ладно, как они вслух рассуждают. Помощи ждать было неоткуда, в медицине у обоих познания были весьма усечённые. Смирнов, чтобы разрядить обстановку, приговаривал:

– При переломах очень хорошо мумиё помогает. Да где его взять?! Добывают его в горах, в Киргизии!

– Откуда ты это знаешь? – раздражённо спросил Рэд. Рука у него мозжила, а пальцев он совсем не чувствовал.

– Так я же тебе говорил, что выучился я на геолога. Строение Земли знаю в глобальном масштабе.

– Что значит, "в глобальном"? – брюзжал Рэд.

Что бы как-то утешить болевшего товарища, Сергей заискивающе подтвердил: – Есть такая "глобальная тектоника". Раздел геологии.

– Чем решать глобальные теории, – извращённо съязвил пострадавший, – лучше подумай, как самолёт поведём. У моего "Яка" усилителей нет, одной рукой никак не управиться!

– Ты про самолёт забудь! Гиблые здесь места! Пропал он давно!

– Как это пропал? Не выморозило же его?! Прибило где к торосу!

– Ну, считай, что унесло его в неведомые дали!

Рэд уже давно понимал, что новый его товарищ что-то главное скрывает.

Причём что-то большое, значительное. В силу своей дерзости, он резко спросил, как бы "на прихват":

– А твой дизель-электроход не убывает же в неведомые дали?!

– Да! Нужно им это ржавое корыто?! У них железа хватает! – и замолчал на минуту.

– Кому железа хватает? – стал терзать его Рэд.

Но, Смирнов уже опомнился и понёс какую-то чепуху:

– Зачем мы полезли этот вспомогач дёргать?! Только греха нажили.

– Как зачем? Рацию включили бы, помощи попросили! Да, и просто с электричеством веселее, ходовые огни зажгли бы. Может, какой самолёт заметил бы!

– Ну-у! Ты и оптимист! Какие здесь самолёты? Здесь даже бакланы не летают, за тысячи километров отсюда! Да, и кто тебя спасать будет? Ты что, сын депутата, что ли? А морзянку шпарить ты умеешь? Судовые радиостанции только морзянкой обустроены.

– Так SOS врубили бы на автомат!

– Вот на SOS, да ещё "на автомат", тебя бы и приняли!

– Да кто принял бы?! Говори толком, и так без твоих шарад рука огнём горит!

– Где вся команда с корабля?

Рэд вспомнил, что часто в океане находят брошенные суда, исправные, со следами не завершённых обыденных человеческих дел, но без команды! Пользуясь, что он ранен и имеет право капризничать, он стал доставать Смирнова:

– Давай, признавайся! А то я дам показания спасателям и тебя посадят, как виновного в гибели всей команды!

Смирнов понимал, что у Рэда начинается бред. Рука, видневшаяся ниже запястья, обретала угрожающий бордовый цвет. Сергей думал: "Что-то важное там ему перебило! Может, кость сильно раздробило?"

Рэд стал временами впадать в дремоту, как бы забываться. Смирнов терзая его речами:

– Э-э-э! Давай проснись! Уже буря кончается! Метель стихла! Пойдём самолёт искать!

Они вышли на палубу, замотав руку Рэда шерстяным запасным свитером. Видимость в непогоде всё больше отвоёвывала свои права. Уже видны были дальние торосы и ближняя граница пакового льда. Перейдя с борта на борт, обследовав линию горизонта в морской бинокль, который Смирнов загодя прихватил из ходовой рубки, товарищи остановились на полубаке. Сергей взобрался на лебёдку брашпиля и вглядывался вдаль. Рэд оставался безучастным. Он понимал, что если даже они обнаружат самолёт, то сделать, как пилот, он ничего не сможет! Он был не из тех, кто быстро сдаётся, но в этом случае он явно понимал, что лучше быть просто одноруким, чем с такой грудой боли! Но даже при таких мрачных мыслях и адской боли в руке взгляд его привлёк свинцово-синий столб в атмосфере, идущий от неба до поверхности океана, на линии горизонта, по направлению к юго-западу от корабля. Вид этого явления был зловещий. Рэд спросил Смирнова:

– Что это такое?

От всяких загадок и недоговорок Смирнова Рэд себя чувствовал очень неудобно. Ему было жутковато от такого видения на горизонте.

– А-а-а!.. Не обращай внимания. Здесь часто случается такое.

– Это не радиация от Новой Земли?

– Ну, ты совсем дикий! Это циклон или антициклон рождается. Арктика, это кухня погоды!

От пребывания на холоде Рэду лучше не стало. Он даже закручинился, что его любимый самолёт пропал, наверняка! Товарищи пробрались в надстройку, в обжитую каюту. Сергей начал есть какие-то консервы. У Рэда аппетита совсем не было. Когда наступили ночные часы, он стал уже бредить. Рука его распухла до невероятного состояния. Смирнову казалось, что она даже стала пахнуть гноем, а, может, у него наступило аллергическое расстройство обоняния, от отказа от спиртного. В одиночку он пить не хотел, а Рэду было совсем плохо. За иллюминаторами потемнело, наверное, этот атмосферный столб накрыл их судно. Сергей запалил электролампочку от уже изрядно севших аккумуляторов и стал терзать Рэда:

– Давай, я тебе градусник поставлю! Я прихватил у дока!

Прикосновение холодного градусника привело больного в чувство, и он спросил первое, что пришло в его воспаленную голову:

– Как ваше судно оказалось в этом полюсе недоступности? Ведь это не ледокол, чего вы сюда попёрлись?

Смирнов в начале знакомства хотел разыграть версию, что он так же, как и Рэд, попал на судно "потом". Но врать сильно больному человеку у него не хватило дерзости. Он поведал:

– Да, судно не ледокол, но ледового класса. Мы шли Севморпутём. Впереди прошёл караван с ледоколом впереди. Наш капитан пристроился, на халяву, по-русски. Хотели пройти мимо острова Вайгач, через Карские ворота. Но нас затёрло паковым льдом. Судно частное, за спасение платить было нечем. А ты же видел, что на бланках "Ллойдовского листа" написано: "Без вознаграждения – нет спасения!" Стали мы дрейфовать, попёрло нас на север.

– И, что же, льдом не раздавило?

– Я же говорю, у судна остов ледового набора и ледовый пояс брони. Тем паче, корпус килевой, его выдавливает, но не сжимает. Это ледокол, как плоское корыто. Попробовал бы ты походить на нём по открытой воде. Качает, как космонавта на стенде!

Так разговорами о качке и принципах судовождения во льдах Смирнов пытался отвлечь Рэда от потери сознания. Тот достал градусник, повернулся к лампочке и проговорил:

– Во, бздец! Тридцать девять и пять! – Надо пить таблетки!

– А какие, ты знаешь?

– Ну, аспирин, он всегда помогает!

– С бодуна он помогает, – вскричал отчаянно Рэд. – Ещё день, и тебе придётся отрезать мне руку!

Смирнов от такой перспективы ошалел. Он даже не учёл, что его напарник может бредить. Он начал говорить алогичные вещи в свою защиту:

– Да если бы не этот корабль, ты бы на своём кукурузнике лежал где-нибудь в полынье, перевернутый вверх колёсами!

Рэд очень обиделся на реплику "кукурузник", он всегда гордился своим "Яком" и, когда был один, в хорошем настроении, всегда пел

песню Высоцкого: "Я – Як- истребитель!" Он всем своим взрывным характером попёр на Смирнова:

– Да, ты-ы-ы!!! Загубил команду! Все пошли на Большую Землю, а ты струсил! Трус!

– Да я не струсил, и никуда, ни на какую Большую Землю они не пошли!

– А где они?

Смирнов "вошёл в ступор". Он, как учил его один старый урка, которого уже за количество ходок в дальнее плавание не брали, и он работал матросом в Мурманском портофлоте: "Вначале посчитай "минуса"!" Рэд, чувствуя, что момент истины близится, тоже поутих со своей филиппикой. Наконец, Смирнов решился. Он подумал, что без медицинской помощи парень пропадёт. Руку Смирнов ему отрезать не сможет, эту вероятность он даже не брал в расчёт. От гангрены парень умрёт. На борту будет труп, на труп обязательно придут белые медведи. Они трупы чуют за десятки километров. Белых медведей Смирнов боялся. Неожиданно, даже для себя, он промолвил твёрдо:

– Ладно! Расскажу. Всю команду забрали Руди!

– Что за Руди?

– Здесь, вблизи одного из полюсов, есть портал. Вход в другой мир, как говорят в народе, "кротовья нора".

– Вот отсюда поподробнее! – вскричал Рэд, чувствуя своё спасение. – Что за "другой мир"?

– Подземный Мир. Там, так же как мы, живут такие же люди. И хорошо живут!

– Так, открылся "портал" и Руди за руки увели, как детей из детского сада, всю команду, а тебя забыли?

– Зачем открылся? Зачем увели?! Телепортировали. Всё тихо и бесшумно!

– А ты чего не телепортировался?

– Да и я там был. Но потом, из природного любопытства, стырил шапку в помещении миграционной службы и примерил её. Подумал: "Что будет?" – и вот, оказался здесь. А шапка, вон она, на вешалке!

Рэд покосился на серую шапочку, которая, видимо, всегда висела на вешалке, высоко над полом, и Рэд её просто не замечал.

– Так расскажи, что там за устройство жизни, они что там, в пещерах живут?

И потёк рассказ Смирнова, который временами Рэду казался бредом, который он сам себе наговаривает в горячке. Сергей рассказывал, что там, внизу, люди живут, в отличие от нас, в четырехмерном мире. А время у них двумерное, и они могут его реверсировать, подправляя события по мере решения своего Мирового Правительства. Двумерное время у них от того принято, что при приближении к центру Земли гравитация возрастает и время бежит быстрее. Из-за этого там ты можешь встретить своего двойника, но в другом времени! Раз уж они четырехмерные, они ходят сквозь горную породу, как мы через воздух. А живут они на континентах, которые в свою очередь, обрамляются подземным океаном и морями. Океаны внизу, под нами, свыше тысячи километров – поболее наших. Вся эта поверхность в совокупности отбивается у нас сейсмикой. Расположена она под подошвой Верхней мантии Земли. А к нам они иногда прилетают, как мы летаем в Космос. Поэтому мы временами видим их корабли в атмосфере. Особенно много их кораблей в нашем океане, их часто регистрируют наши подводные лодки. С нами они в контакт не идут. У них существует закон, что-то вроде устава, который запрещает контактировать с нами. Их цивилизация более ранняя, чем наша. Они раньше жили на поверхности Земли. Потом их замучили разные проблемы с астероидами, сменой климата и прочими цунами. Тогда развились техника и наука, в результате изобрели четвёртое измерение. Позже, из-за того, что внизу время идет быстрее от влияния сильной гравитации, они изобрели двумерное время. Бывает, конечно, всякие "любители" нарушают закон. Тогда у нас в некоторых местах появляются привидения. А так же эльфы, кикиморы и прочая нечисть. Но техника у Руди развита сильно! Это они нарезали и помогли установить камни для пирамид. Потом, с помощью всяких своих полей подсказывают нашим соотечественникам разные идеи. Типа, как Менделееву, который шил чемоданы, про Таблицу элементов. Или Энрико Ферми – как бомбу сделать. И прочие неожиданные решения. Они вначале обнаружили,

что кроме гравитационного и электромагнитного, существует в Мире масса других полей. Научились ими управлять. Раскрыли законы связей электронов, нейтронов и основных полей. Бывают, конечно, у них сбои. Поэтому у нас появляются в озёрах динозавры, снежные люди и прочие непонятки. Только лишь осязать мы все эти объекты не можем. А вот они могут забирать иногда наших людей для изучения состояния развития человечества. Опасаются. Вдруг наши перессорятся и рванут термоядерную бомбу! Вообще-то, их можно слышать по радио. Только лишь мы воспринимаем эти звуки как помехи.

Рэд своим сознанием понимал, что эти истории у него в ушах от его сорокоградусной температуры. Поэтому он для контроля переспросил:

– Зачем ты всё это мне рассказываешь? Чтобы отвлечь меня от боли в руке? – К ним тебе надо! А то сгниёшь заживо!

– Да нах...р они мне сдались! Нелюди какие-то. Как у них там жизнь-то устроена? Как я их, а они меня понимать будем?

– Не ссы! У них, основываясь на их полях, понимание двухстороннее! Только голос слышишь, вроде как электронный, а так – нормально! Живут – как мы, отношения в обществе – такие же. Вот, к примеру, подумай сам, сколько существуют письменные источники, за тысячелетия мораль же у людей не изменилась, не мутировала?! Правда, они не заняты выработкой энергии и прочими насущными проблемами. Поэтому от ничегонеделания у них жизнеустройство сильно искажено, в отличие от нормального, человеческого. Все через ж...пу, не как у нас. Там любой начальник, чтобы не делиться благами со своими родственниками, которые его одолевают, выдумывают им разные "дутые" должности, чтобы те мзду брали с других же чиновников. Этот способ обеспечения у них называется "поставил на довольствие". А чиновники, которые покрупнее, выдумывают разные комитеты, подкомитеты. Все воруют и контролируют друг друга, "в круголя". В принципе, удобная система. Справедливое перераспределение матценностей. Отличная схема! Так то, в общем, хорошо жить можно, всё налажено. Только как-то не по-человечески, не нормально это. Но это, возможно, при взгляде со стороны. А так – всё у них хорошо! Есть, конечно, неудобства.

– А какие? – заранее предохраняясь от неожиданностей, спросил Рэд.

– Ну-у! Мелочи! Музыка, например. У домохозяек "башню рвет", они за мзду вылезают на телевидение и лепечут оттуда назойливо всякие детские песенки. Или пишут книги-мемуары. Как, например, она покупала в бутике трусы, а приказчик подглядывал. Остальное – приспособиться можно. Ты же не песни туда слушать идёшь?! И мемуары можно не читать. Не будут же голову обвязывать верёвкой и укручивать палкой: "Читай мемуары тунеядца!" Не хошь – не читай!

– Ну, а другие Руди. У которых нет "тяг" в "верхах", они-то что делают?

– А-а-а! Кому скучно – дома сидит. А если жена с тётшей пилят, тогда они идут работать в охранники. Охраняют друг от друга. Там миллионы охранников. Сидят на стуле в вестибюле в униформе. Как у нас чучела на огороде. Огромные, здоровые парни, а глаза у них как у судака, в никуда смотрят! В общем, у них всё, как не у людей, наоборот!

– А энергию откуда они берут? – зачем-то спросил Рэд.

– Тебе, наверное, не известно, а я, как геолог, знаю: ядро Земли – оно магнитное. Скорость его вращения выше, чем земной коры. Вот они, вернее не они, а их предыдущие поколения, понаставили много огромных индукционных катушек и снимают энергию. Сами они только контролируют. Эти индукционные обмотки неподвижные. С ними ничего не делается. Это же не гидростанция, плотину которой через восемьдесят лет размоет. Только охлаждают их, и всё!

– А чем охлаждают?

– Водой, а горячая вода поступает в наш океан. Слышал, наверное, такие есть "чёрные курильщики"? В океане извергаются на глубине. Полтысячи градусов в них! Бывают, конечно, аварии. Тогда у нас вулканы прорывает, типа Везувия. Все эти индукторы расположены вдоль, так называемых нами геосинклинальных областей. Да зачем спрашивать, чё да как! Одевай быстро шапку, и ступай лечить руку, а то помрёшь!

Рэд думал о себе, что это он бредит. Но всё же спросил:

– А шапка эта не вредная?

– Он ещё кочевряжится! Да это вроде как у наших подводников "спасательная капсула". Только многократного возвратного действия!

Смирнов уже примерял серенькую шапку на голову Рэда. Тому казалось, что это он видит такой сон наяву, но он не сопротивлялся, покорился.

Глава 2

Когда Рэд очнулся, то подумал, что уже умер от заражения в руке. На всякий случай он ущипнул себя здоровой рукой за щёку. И в это же время услышал:

– Здорово, Рэд! Хорошее у тебя прозвище! Только из-за него можно было тебя перевести сюда, телепортировать! Здесь всех так кратко называют и только на "ты".

Рэд видел перед собой весёлого парня, который улыбался и этим сильно располагал к себе. Рэд даже на приветствие не ответил, так он был занят вопросом: "Умер он, или живой, но долго был без сознания?!" – рука сильно болела, поэтому он решил, что пока живой. Но, где он находится – решительно понять не мог! Он вспомнил последнее повествование Смирнова, и подумал, что вроде последний его товарищ на Земле не обманул. Рэд оглянулся вокруг. Он находился в обыкновенной комнате, каких много в офисах класса А у него на родине. Ещё немного осмотревшись, он сказал:

– Здравствуйте!

– Да не говори ты на "вы"! Здесь этого не понимают, всё равно, что у себя в городе ты начнёшь говорить: "Милостивый государь, извольте!". Меня зовут Сэм! Руку не жму, тебе больно, да и это здесь не делают тоже. Считают, что так много микробов переносится!

– Значит, здесь микробы есть! Значит – нормальный мир! – подумал про себя Рэд, который в этот момент мучился в догадках, где он сейчас находится.

– Я назначен на первое время сопровождать тебя, вводить в курс дела!

– А зачем я кому-то нужен? Чтобы ещё сопровождали меня, как VIP-персону? – Значит, нужен! Если бы ты сам самолёт не освоил, а торговал бы на рынке китайскими трусами, был бы не нужен!

– Чё, здесь некому самолётом управлять?

– Не в самолёте дело! Значит, раз сам освоил самолёт – способный, трудолюбивый получается! Ну, достаточно вводных слов! Пошли руку тебе ремонтировать!

– У меня денег на это нет, в самолёте остались!

– Вот чудак-человек! Сделают, вылечат, не беспокойся!

– Что, здесь медицина бесплатная? – Рэд сразу подумал, что если медицина бесплатная, то коновалы-врачи – знатные!

– По закону вроде как бесплатно. Но в натуре – дерут безбожно!

– С меня драть нечего, гол как сокол! – бурчал Рэд, но за новым знакомым поплёлся.

Что он находится где-то на глубине – ощущения не было. Рэд даже не осознавал, что он сейчас в совершенно другом мире. У него складывалось впечатление, что он находится где-то в средней полосе, в мягком климате. Причём вышли они, мимо снулого охранника, на совершенно нормальную улицу. Правда, улица была необычно чистая и опрятная. Сели в нормальный автомобиль, лишь чуточку непривычной формы, и поехали плавно и абсолютно бесшумно по ровному покрытию дороги. Как рассказал Сэм, ехали они на электромобиле, а бензиновых двигателей в здешних местах вовсе не знают. Рэда, невзирая на боль, мучили вопросы, генерированные его любознательным характером:

– Кто же так чисто улицы убирает?

– Понимаешь, весь наш мир устроен так, что в разных странах – поочерёдно – то спад, то подъём. Тебе повезло, ты попал в страну, где начался экономический подъём. Когда в какой-то стране начинается спад, тогда зимогоры устремляются в соседнюю страну, где подъём. И будут так перетекать, пока вся экономика не рухнет в прах! Тогда зимогоры мчатся в другую страну, где подъём. Заодно прихватывая с собой местных жителей, которые, в свою очередь, становятся зимогорами. Вот они- то и начинают всё строить, чистить, выпускать одежду и питание.

– Так. А как же местные жители, им же не выгодны зимогоры? Отбирают у них рабочие места, хлеб, можно сказать!

– Ничего не отбирают! Не беспокойся! Местные жители их охраняют. Видел, в вестибюле сидели "секьюрити"? Вот, это местные жители!

– Так чего же они не учатся? Выучились бы на какого-нибудь специалиста. Стали бы уважаемыми людьми!

– Не хотят. Они придумали себе мульку, что на учёбу принимают за деньги. А учиться это просто: возьми книжку и учи её, пока не выучишь! Зимогоры, те – да! Им за учёбу платить надо, в кассу. И деньги не малые! Ну, потом ещё педели снимут куш с них, в процессе обучения.

– Вот, к примеру, я. Смогу я выучиться, если рука у меня заживёт, конечно?

– Да ради бога! Иди и учись. На кого хочешь!

– Ладно. Давай сначала руку вылечим, а то мозжит, не до учёбы!

Тем временем новые знакомые подъехали к зданию больницы, которая располагалась на набережной. На проходной Сэм показал какое-то важное удостоверение снулым охранникам, которых в комнате-будочке было великое множество. Все они сидели, уставившись в пол, а один из них бормотал какой-то простецкий рассказ на бытовые темы. Им даже в карты играть было лень. Тому, который смотрел на удостоверение, не вчитываясь, Сэм сказал, кивнув в сторону Рэда:

– Это со мной!

Охранник произвел движения головой и руками, как зомби, который страдает цереброспиналом. В процессе пребывания в этой поликлинике Рэд понял, что вместо безмозглых бумажных карточек здесь всё в электронном виде. Причём диагноз ему ставили не субъективным способом "умные" врачи, а все анализы и исследования загрузили в стандартную программу, и через долю секунды компьютер выдал абсолютно точный диагноз. При всём этом действию не потребовались платные консультации, консилиумы и денежные поборы на каждом этапе умничанья каких-нибудь старпёров с подложными званиями "профессор", "член-корр". В финале Сэм отвёз его в больницу-стационар, как потом оказалось – "для лиц без определённого места жительства". Рэда это сильно испугало. Он, основываясь на прошлом опыте, решил, что его свалят где-нибудь в трущобы, и он будет лежать в гнойной подливке, пока не околеет, и его свезут после на пустырь в областной промзоне, где закопают в полиэтиленовом мешке, не поставив даже колышка с номером на могиле. Но, к его удивлению, он попал в чрезвычайно

чистую приёмную, где его обработали по всем правилам и даже не помогались:

– Какая у вас группа крови? Без группы крови вас не примем!

Однако, чаша испытаний "на промер благосостояния" его не миновала. Его, в одночасье заблокировал заведующий отделением, дядька весьма крупногабаритный. Держался он деланно-хамовато. Он панибратски спросил у Рэда:

- Не привёз ли чего ты, братан, из своего мира, что мне бы на сувенирчик?

- А что является для вас ценным?

- Да зови меня запросто, на "ты". Ну, к примеру, камешек драгоценный какой, заветный оберег. Ты же понимаешь, будешь ты с двумя руками или с одной – зависит только от меня!

У Рэда рука была ещё замотана судовым бинтом. Только лишь рукав рубашки отрезали, чтобы эту рубашку снять. Боль, которая от эффекта пребывания в здании, где лечат, утихла, вдруг вернулась вновь с необычайной силой. Рэд весьма естественно понимал, что теперь-то больную руку ему уже точно отрежут! Пальцы под повязкой были толстые и синие, как у трупа, который не меньше двух недель проболтался в воде.

Он вскричал от ужаса:

– Да нет у меня никаких камушков!

– Тчи! Тчи! Тчи! – стал снижать ему звук главврач, делая круги ладонью перед его лицом, периодически поднося указательный палец к своим губам, – Я же просто так спросил, как коллекционер! Ничего мне от тебя не надо! Иди, тебя ждут в палате. О нашем разговоре никому не говори! А то хуже будет!

Он самолично проводил Рэда до палаты, которая была с символичным номером "6". В палате было несколько кроватей. Но, как наблюдательный Рэд определил, он в палате находился только один, без соседей. Вскоре пришла медсестра и препроводила его в операционную. В предбанничке за простецким столом сидел доктор, который представился профессором. Он был в толсто-стеклянных очках, и от него веяло таким интеллектом, что Рэд безоговорочно принял, что перед ним есть настоящий профессор, с неподкупным

удостоверением "доктор наук", зарегистрированным в Высшей Аттестационной Комиссии. По его поведению, по манере вести речь, была видна бездонная пропасть, которая отделяла профессора от завождения. Отвечая на вопросы профессора, Рэд через минуту забыл про приставания завождения на предмет владения какими-либо сокровищами. Две медсестры споро освободили руку от кустарной повязки, предварительно щёлкнув в руку обезболивающим. На голову Рэда надели наушники, к кронштейнам которых функционально были прикреплены какие-то электроды, касавшиеся его лба. Он услышал в ушах успокаивающую, расслабляющую музыку, и всей его сущности стало приятно необыкновенно! Профессор что-то делал с рукой, что – Рэд не видел. Его сознание было занято системой видения, находясь в плену которой, он как бы реально присутствовал в каком-то действии. Сценарий был таков, будто он плыл на гигантской подводной лодке, причём, он мог одновременно как бы взглянуть на лодку со стороны. Как бы имел такую возможность. Рэда с детства увлекало существование живых организмов под водой, на большой глубине. Видеоскоп или анализатор определил эту страсть Рэда, или случайно совпала программа просмотра, сказать было трудно. Лодка плыла на огромной глубине, очевидно, более пары-тройки тысяч метров. Сканеры выхватывали фрагменты глубоководной жизни, увеличивая их и приближая. Рэд отчётливо понимал, что подводный мир этот – мир его океана, океана его Родины. Только лишь человеческие аппараты так глубоко не путешествуют и этот живой мир людям совсем неведом. Показывался он не в световых лучах, но виден был абсолютно отчётливо. Рэд, даже не имея специальных знаний, понимал, что растения и живые организмы, различить которые друг от друга было абсолютно невозможно, живут абсолютно без солнечного света и, возможно, без кислорода. Однако, когда гигантский змей расхватил челюстями какое-то тюленеподобное существо, из ран последнего обильно хлынула красная жидкость. На всё это взирал огромными глазами кальмар, глаза которого были размером с праздничное блюдо, а сам он весил много тонн. Но даже он не отважился отбирать добычу у морского змея. Пролившуюся кровь стала впитывать гигантская медуза, её полупрозрачные формы не давали возможности определить её размер, очевидно, она была со

средний ангар! Это поразило Рэда. Когда быстро кончившаяся, как ему показалось, операция закончилась, он спросил профессора:

– То, что я видел. это были натуральные съёмки, или компьютерная графика?

– А-а-а! Это ты про подводный мир Людей! Конечно, натуральная. Наши корабли постоянно там в походах на регулярном дежурстве. Там, в вашем океане, у нас станции расположены. Планктон перекачивают по трубам, как биомассу. Вам-то он не нужен.

– Как не нужен?! – автоматически возмутился Рэд, отчётливо не сознавая, зачем человечеству нужен планктон.

– Ну-у-у! У вас его много! Так много, что ты даже себе представить не сможешь, никогда! Всё равно он гибнет. Он же не вечный! Вот, возьми особи рыбы. Всё равно гибнут от старости. Рыба, она что? Состарилась и сдохла! Потом разлагается и образуется сероводород. Откуда, думаешь, сероводород? От разложения белка. От сероводорода гибнет всё живое, отравляясь. Людей же уголовно преследуют, даже, если вдруг они рыбу поймают. Пусть даже если она через полчаса от старости сдохнет!

Увлечённый разговором, Рэд только заметил, что опухоль с руки почти спала, а сама рука имеет довольно бодрый вид. Он удивлённо воскликнул:

– Профессор! А гипс?

– Ну-у-у! Батенька, что за средневековье! Я тебе кости уже склеил. Нагрузку, правда, сразу сильную не давай. Но разрабатывать надо! Я тебе пропишу комплексный автотренажёр, для ленивых. Он сам тебе мышцы восстановит. Тебе не придётся себя угнетать, заставлять свой мозг проводить тупую работу с тренажёром.

– Профессор, за всё спасибо огромное! Только позвольте вам ещё пару вопросов задать, про жизнь в нашем океане!

– Хоть три! Но во времени я очень ограничен. Способность рационально мыслить и время находятся в обратно пропорциональной зависимости. Чем продуктивнее мыслит Руди, тем меньше у него времени и наоборот!

– Я не займу у вас много времени! Скажите, а ваши подводные корабли сталкиваются, я имею в виду визуально, с нашими атомными подводными лодками?

– Сталкиваются, и не только визуально! В том-то и стояла проблема десять лет тому назад. Как сказал один ваш писатель: "Иногда усердие превознемогает рассудок!" – профессор сделал паузу, поднявши свой указательный палец вверх. – Стали ваши лодки гоняться за нашими кораблями. Пришлось, нашему высшему правительству вмешаться и устроить у вас "перестройку". Ваши правители не понимали, что ваши атомоходы засорили ваш же океан радиоактивными отходами. Да, ещё по Севморпути атомные ледоколы барражировали, в турпоездки в том числе! Это только с первого взгляда атомная энергия самая дешёвая. Если перемножить все затраты на захоронение и перезахоронение отходов тысячами лет, то получается не так уж дёшево! Пришлось вас немного прикрутить с помощью перестройки. А то весь планктон пришёл бы в негодность. Мы же из него получаем почти всю необходимую пищу. Это как для вас хлеб с колбасой! Оттого существует запрет для вас, чтобы вы не проникали на большие глубины. Вот вы летаете на Луну, а водолазы ваши только на десятки метров ныряют, если свободно. Были прецеденты, нырял батискаф на километры. Но это "вслепую", ради рекорда! Видимости-то при этом никакой! Было, один раз. Спускали ваши видеокамеру на шесть километров. Но ничего в неё не увидели, только, что спустили!

– Так можно же было договориться! Покупать планктон, например, за энергию!

– В том-то и парадокс! Океаны-то ничьи! Это всё равно, что на Марсе руду покупать. Кому платить? Да потом пока пройдут переговоры, уже все с голода помрут! Знаешь же, сколько времени ваши правители договариваются! Типа, как бы вступить вам в ВТО, это "сказка про белого бычка". Десятилетиями договариваются об очевидных вещах!

– Господин профессор.

– Всё! Всё! Всё! И нет у нас никаких господ, все разговаривают на "ты"! Иди, езжай в стационар, руку разрабатывать. Если у тебя будут вымогать деньги какие-нибудь медсёстры или ординаторы – то

ничего не давай! Скажи, допустим, что ты мой родственник! Они все этого очень боятся!

– Так у меня и нет никаких денег! Все остались в самолёте!

– А-а-а! Ты ещё не был у миграционного комиссара! Ну, ничего! Быстрее привыкнешь всех на три буквы посылать! А то эти хапуги у новичка быстро всё вытрясут! Потом тебя в миграционной службе оформят, оргномер присвоят, дадут инструктора и денег, на первое время. Все! Иди! До свидания!

– До свидания, профессор! Спасибо Вам, огромное! Я вас потом отблагодарю!

– Не надо меня благодарить! Самое главное, чтобы у нас встречи больше не было! Встреча потребуется лишь в одном случае, если у тебя будет осложнение. Но ты, я вижу, парень крепкий и у тебя всё будет хорошо. С рукой! – добавил он.

– Прощайте, профессор! – искренне сказал Рэд.

За дверью его ждал Сэм. Они сели опять в автомобиль. Со второго раза Рэд разобрал, что автомобиль без колёс и идёт он над поверхностью этой идеальной дороги, как объяснил Сэм, с помощью антигравитационного и электромагнитного полей. Рэд восхитился:

– Вот это да! Вот у вас дороги, так дороги!

Сэм, усмехнувшись, сказал:

– Это только в одном городе. По всей остальной стране, в городах в том числе, ездят только на гусеничном ходу, да и то вездеходы-амфибии!

Рэд не стал вдаваться: "От чего такая дорожная градация? И зачем по городам ездить на гусеничных амфибиях? Может, это культура такая. Экстрим?!" Очень быстро они добрались до здания, где находился стационар. Там Рэда приняли уже по всем правилам, с раздеванием, мытьём и всякой дезинфекцией. Выдали ему и пижаму, из какого-то странного материала типа вискозы. В больнице всюю шёл обед. В помещении столовой тётка с раздачи, с распаренным лицом диабетика, потыкав толстым пальцем в какой-то список на дисплее, прокаркала ему в амбразуру, причём её карканье перемежалось всхлипываниями и чваканьем:

– Рэд! Без оргномера! По диете диабетиков!

– Да, это я! Но я никакой не диабетик! У меня рука сломана!

– А я почём знаю?! Тут написано! Что, у диабетиков руки не ломаются?

Рэд сильно спорить не стал, рассудил: "Причём здесь раздатчица? Напутали что-то!"

Тётка плеснула ему в миску тёплого супа серого цвета, с воплем:

– Второе потом! Может, ты ещё есть откажешься, привередливые очень вы все!

Рэд устроился за пластмассовый стол, за которым сидел уже угрюмый мужик, спросив у того разрешения. Прихлебнув первую ложку супа, Рэд сразу понял, что присутствие вкуса у этой пищи добиваются лишь с помощью соли, до того похлёбка была пересолена. Но отсутствующий доселе аппетит воспрянул у него с необычной силой, и он выхлебал ложкой весь суп. Подошёл за вторым. Тётка метнула ему в тарелку черпак липкой массы и сбоку уже более аккуратно уложила котлетку, опасаясь, чтобы та не рассыпалась. Узрев в судках другие блюда, Рэд спросил:

– А гуляш с пюре нельзя ли?

– Диабетикам не положено! – всхлипнула тётка.

Рэд спорить не стал. Он философски подумал: "Потом доктора разберутся, всё равно, эта Мотя чалая ничего не изменит, только на матерки нарвёшься!"

В это время, в течение его размышлений, ворвался нудный голос мужика, соседа по столу:

– У них здесь все "диабетики". Эта больница социальная, на неё отпускается конечное количество продуктов, плюс пожертвования. Начпрод пилит всё это с главврачом и прочей шайкой, а чтобы сильно не тратить харчи, всех, кроме шершавых, записали в диабетики.

В подтверждение его слов тётка дала ему не компот, а чай без сахара. Чаем называлось пойло цвета урины и с запахом тряпок для мытья котлов. Отконтрастированный чаем обед напомнил специфический для столовых запах, генезис которого был, как у всех обедов общепита. Запах еды общепита рождался таким образом: все

моющие средства для посуды выкрадывались личным составом кухни. Котлы же, которые для варки, замывались с помощью хозяйственного мыла, которое всегда было на кухне в избытке. После замывания посуда плохо прополаскивалась, поэтому общий запах всей пищи из общепита – хозяйственное мыло. Когда Рэд побрёл в свою палату, путь его лежал через холл, в котором уже собрались страждущие посмотреть телевизор. Телевизор включали перед "мёртвым часом" днём и перед "отбоем", перед ночным сном. Заинтересованный Рэд, в предвкушении вновь увидеть подводный мир, присел на стульчик сбоку от основной массы больных, смотрящих телевизор. Вначале он осмотрел всю сидящую публику. К его величайшему изумлению, среди пациентов был великое множество, большой процент, людей с отрезанными руками или ногами. Много было больных, которые сидели не на стульчиках, а в инвалидных колясках. Внимание Рэда привлёк один "колясочник", который был почти "самовар". У него оставалась в наличии лишь одна левая рука, да и то с двумя пальцами. Позже Рэд в курительной комнате видел, как этот "почти "самовар" курил сигарету, держа её этими двумя пальцами. В голове Рэда пронеслось: "Что же им так нещадно конечности отрезают? Ведь у них такие мощные технологии по склеиванию костей?" Ответ на этот вопрос он получил позже. Он узнал, что ему руку тоже бы отрезали, если бы он прошёл общим планом. Но за него заплатил миграционный комитет из бюджета и косточки ему склеили, да ещё при этом он посмотрел отличный натуральный фильм про подводную жизнь. Эти же бедолаги, с отрезанными руками, а особенно ногами, стали жертвой своей же пагубной привычки к курению. Сами сигареты из натурального табака здесь стоили очень дорого. Во всех торговых точках продавались эрзац-сигареты. Которые делали незаконные иммигранты, локальной национальности, руководимые главарями из так называемых "пентад". Делали сигареты из водорослей, пропитанных синтетическим никотином и альдегидной смолой. Жертвы с только что отрезанными ногами с удовольствием затягивались в курилке этим эрзац-табаком, который приводил к закупорке сосудов в конечностях. Специалисты объясняли им это, но объясняющие не учитывали, что сосуды закупориваются и в головном мозге, поэтому их объяснения отскакивали, как от стенки горох! А

пока Рэд смотрел телевизор. Пультом владел огромный мужик – больной. Больше всего Рэда поразило, что большую, основную часть передачи, на экране шла реклама. В основном пропагандировали лекарство от всего и вся! На экране показывали людей в белых халатах, большинство из них имели статус академиков. Они вели диалоги друг с другом, иллюстрируя движущимися картинками то, что всех без исключения Руди не минует чаша сия, страшной, (какой-нибудь очередной) болезни, абсолютно неминуемо смертельной. Спасти каждого может лишь ежедневное принятие какого-либо препарата, который предлагается в очень красивой упаковке и употребление его безвредно! Многие больные записывали названия и болезни, с их симптомами, от которых эти таблетки и капсулы помогают. В перерывах между рекламой, чуть- чуть показывали фрагменты фильмов, и модно одетые люди пели песни. Большинство песен исполнялось очень красиво одетыми женщинами, которые наряды меняли через десять секунд, успевая за две минуты песни показать весь свой обновлённый гардероб. Правда, пели они на двух нотах, в одну из которых постоянно не попадали. Причём звукооператор и самая дорогая аппаратура были не в силах заглушить придыхи, которые издавала каждая певица своим слабеньким голосом. Все фильмы были о том, что какой-то герой стрелял непрерывно с двух рук, а бандиты падали, как скошенная трава, кровь лилась ручьями! У Рэда мелькнула мысль: "Вот бы этому герою на скотобойню, бойцом коров. Огромные деньги бы зарабатывал парень!" Оператор телевизионного пульта, больной, непрерывно переключал программы, с целью поиска рекламы лекарств. Случайный сосед Рэда, видя, что он новенький в этом мире, рассказал быстро историю:

– Вот тот академик, был раньше цирковым клоуном. Потом ему повезло. Он упал по пьянке и сломал себе кость в заднице. Во время лечения "въехал в тему" и стал лечить тех, у кого задница больная. Большой авторитет стал. Везёт же людям!

– Так, что же, академиком так легко стать? – взволнованно спросил Рэд, тяга которого к знаниям была безграничной.

Сосед-рассказчик, видимо, был человеком искушённым, поэтому он поведал авторитетно:

– Всё зависит только от суммы, которую ты готов пожертвовать на обучение. Кто попримитивнее, но хочет быть дипломированным специалистом, тот распоряжается на диплом "Управление государством". А если амбиции выше благосостояния, то поступают в наивысшие заведения!

– Наверное, вы глубоко разбираетесь в этом деле, – отлил "лоща" Рэд.

– Да уж, не без этого! – промолвил сосед.

На экране телевизора продолжали мелькать сценки, как какой-то больной почти чуть ли не умер от геморроя, но ему чудесно помогли таблетки в красивой, солидной упаковке, которые презентовал очередной профессор, делающий при этом трагическое лицо. На его угрюмое состояние страшно подействовала сумма, которую ему пришлось уплатить за полторы минуты рекламы. Абсолютное число сумм очень помогало участникам проекта какой-нибудь рекламы соорудить серьёзную мину. Если бы с оплатой всё было бы так просто, то демонстраторы таблеток веселились бы при игре "в доктора" и всё выглядело бы не так правдоподобно.

– Скажите мне, как человеку не искушённому. Можно ли выучиться на хорошего специалиста, зря не переплачивая деньги. И, конечно же, не на "управление государством"?

– Можно! – кратко сообщил сосед. И добавил, – Только лишь при этом надо усердно учиться, причём на другом континенте. Предварительно сдав экзамен, конечно.

– Я понимаю, что я вас донял своими вопросами. Только скажите мне последнее: что надо изучить для сдачи экзаменов, и сколько стоит, какая сумма, за оплату этих экзаменов?

– Стоит, не больше, чем хапуга-зав этого отделения слупит или попытается слупить с тебя. Учить для сдачи экзаменов надо простейшие арифметические и геометрические задачки. Нет даже алгебры. Только вычисление разных периметров, соотношение прилежащих углов и прочая простейшая математика!

Рэд слабо поверил случайному соседу. Но надежда у него забила, в его постоянно ищущей душе. На экране продолжала мелькать реклама, иногда слабым полушёпотом, очередная модно

одетая тётя в макияже, переходящим в боди-арт, начинала лепетать полудетские, нелепые песенки, но больной с пультом грозно прекращал эти поползновения, ища рекламу лекарств. Все зрители упорно слушали только передачи, которые восхваляли различные лекарства. Собеседник Рэда оказался его соседом в палате, поэтому, когда наступил "тихий час", их разговор легко продолжился. Его звали Кол. Он объяснил эзоповским языком, намёками, что данная больница чисто социальная, содержится на средства правительства, пациенты здесь абсолютно неимущие граждане. Но Кол заплатил лично с рук на руки верзиле заведующему, и тот принял его на лечение. Взятая промыть Колу сосуды ног каким-то дефицитным раствором, чтобы очистить их. Иначе у него боли адские и ноги отнимаются. Рэд, в силу своего инфантилизма, спросил:

– А чё ты не пошёл в простую больницу, где ты приписан?

– Если я туда пойду, то мне ноги миглом отрежут, обе. А если за деньги-то можно промыть! – ответил Кол. И продолжил. – Здесь тоже, которые не заплатили – все сучки им пообрубали! – применил Кол лексику садоводов, – это, конечно, тоже неплохо, можно хорошее потом пособие по инвалидности получать. Пожизненно!

Рэд не разделял таких упаднических мировоззрений, по инерции он спросил:

– А что, в этой лечебнице только сучки обрубают? А другие операции?

– Ну, ещё много тёток есть, ты заметил, они жир срезают, пластами. Срезают, он у них через год нарастёт – они опять срезают. Может, кайф от этого ловят, как парашютисты. Те ведь тоже: прыгнут один раз, а потом их опять тянет, как лудоманов в автоматы играть!

– Ну, это шизанутые, а ещё какие операции делают?

– Есть ещё дорогие операции, их заведующий редко делает.

– Это какие?

– Пол переделывает трансвеститам. Только это очень дорого стоит.

В это время в палату заглянула медсестра. Это была мощная тётка мясояровой породы. Свой невысокий рост она компенсировала огромной башней- колпаком. Выглядело это весьма

комично, так как это сооружение визуально укорачивало и так короткие ножки – калачиком. Она, прикрыв дверь, стала шантажировать разговаривающих:

– Мальчики, вот сейчас "тихий час", а вы нарушаете! Только подарка от вас никогда не дождешься! Мне же за вас попадает!

Кол суетливо полез в тумбочку, вытащил от туда деньги и подал в рулончике, с видимостью, что это скрытно, как гаишнику, несколько купюр. Медсестра сунула свёрточек в карман и, насупив брови, посмотрев строго на Рэда, покинула палату.

– Почему ты ей дал деньги? – удивлённо спросил Рэд.

– Да-а-а! Ещё наступит заведующему, какую-нибудь докладную напишет. Вообще, они мало получают. Пусть.

– А ты? Ты много получаешь?

– Я – мало. Но я квартиру тёщи сдаю постояльцам.

– Может, медсестра две квартиры сдаёт, откуда ты знаешь? Тёща у тебя умерла, что ли?

– Нет, со мной живёт, съехались два года назад. За эти два года забодала своими криками. Только вот в больнице от неё спасаюсь. Даже на дачу уеду, бывает. Она следом мчится и орёт. Тесть был, так он раньше удар держал. От нервов умер. Всё перенеслось на меня!

– На даче у тебя цветы растут?

– Нет, картошка.

– А чё, в магазине картошки нет, что ли?

– Полно. Это есть прошлая политика правительства. Раньше, когда с другими континентами у нашего континента была напряжённая обстановка, тогда боялись бомбардировок. Раздали населению участки и стройматериалы. Чтобы все рассредоточились. Вот с тех времён привыкли, обустроиваем свои домики. Строили- то, как не умели. Лепили, как попало. Теперь же то фундамент просядет, то стену перекосит. Всё лето перекосы ликвидируем. То кто-то дохлую кошку в колодец бросит, опять морока!

За разговором "тихий час" закончился. Рэд пошёл в коридор. Его любопытная натура заставила его познакомиться с толстой молодой женщиной. Через полчаса разговора он выяснил, что кроме вырезания

жира, здесь можно вставить импланты груди. Но "высший пилотаж" – это когда имплантированные вставки один подпольный специалист, который тайно работает в городе, проталкивает от груди на живот. После этого, счастливая, преобразившаяся особа, идёт получать пособие. По беременности. Пособие – это очень большая сумма. Уже, когда пособие получено и потрачено, особа попадает к верзиле – заведующему, который ей за большие деньги устанавливает импланты на место, на грудь.

– Куда же заведующий столько денег деваает? – невольно воскликнул Рэд, у которого не было даже мелких купюр, которые следовало бы сунуть поварихе, чтобы не такой жидкий суп ему наливали в тарелку.

– Да разве это для него деньги? – воскликнула сведущая бабёнка, – Заведующий отделением основные деньги получает от фармацевтических компаний. Они ему перечисляют вроде как за консалтинг, а на самом деле за оптовый закуп лекарств, откат.

– Постой, постой! – воскликнул Рэд, – а мы разве за лекарства платим?

– Нужны ему наши копейки! Он по программам правительства знаешь, сколько на отделение денежных средств получает?! И все на закуп лекарств списывает, клиника, сам знаешь – социальная!

От всего этого бардака: тёщи, трансвеститы, импланты... у Рэда голова пошла кругом. Вернуло его к действительности оклик дежурной медсестры, которая зло проквакала из-под марлевой своей башни на голове:

– Рэд! Иди в приёмный упокой! Там к тебе брат пришёл!

У Рэда от удивления аж кожа головы зашевелилась: "Какой брат? Может я с ума сошёл и лежу в психбольнице дома, а это мне только мерещится?"

Глава 3

В славном городе Мурманске радиовестей от Рэда ждали уже давно. Штаб, организованный компанией, которая инвестировала в перелёт Рэда значительное количество денежных средств, после долгих консультаций постановил всё же обосноваться в этом заполярном городе. Самым веским аргументом было, что в Мурманске существуют радиостанции для связи со всеми кораблями, находящимися в акватории Ледовитого океана, а также со всеми метеостанциями и портами: Амдерма, Диксон, Хатанга и любим, где может приземлиться самолёт Рэда. Вся информация об Арктике сначала стекается в Мурманск.

Руководителем штаба был PR-менеджер компании, рекламу которой осуществлял самолёт "Як". Сам штаб состоял всего из двух менеджеров. Вернее, менеджера и его помощника. Еще к ним пристала девушка Таня, которая по сценарию "была невестой" Рэда, которая его ждёт" и, вроде как, у них назначена свадьба. Перед стартом, во время церемонии проводов Рэда на перелёт, Таня вошла в роль и впрямь влюбилась в Рэда. Уж очень героическим и романтическим человеком он ей показался. Таня не в шутку пообещала его ждать после перелёта. Однако, после скучаний с застольем в мурманском ресторане "Полярное Утро" при гостинице, в которой они жили, ненастным вечером Таня отдалась телом начальнику штаба. Но этот акт не помешал ей и дальше ждать Рэда, ведь начальник, которого прозаически звали Толик, был женат и, несмотря на молодость, имел двух детей. Таня стонала:

– Если бы у тебя был хотя бы один ребёнок, я бы тебя от жены отбила бы. Но два... – В этом месте Таня, не искушённая в юриспруденции, судорожно подсчитывала алименты, которые предстояло бы выплачивать Толику в пользу оставленной им жены, в случае женитьбы на Тане.

На эти тезисы Толик резонно отвечал:

– Так в армию не берут только с двумя детьми. С одним-то берут! Если бы был у меня лишь один, ты бы меня и не знала!

– Не говори глупостей! Я тебя так люблю!

– Был бы я солдатом из стройбата, представляю, сильно бы ты меня любила! – Ах, не говори глупостей, ведь ты бы не изменился, если бы тебя забрали в солдаты!

– Ну, не скажи! Я никогда не слышал, что бы модель любила – в половом смысле – солдата!

– Всегда ты говоришь пошлости! – махала в его сторону рукой Таня.

Так за порожними разговорами они коротали время. Большую часть рабочего времени Толя проводил за составлением отчётов по расходованию денег компании. Эти деньги они просиживали в ресторанах, которых в Мурманске было великое множество. Только в которых играла музыка – было штук эдак двадцать пять. Потом Толик сочинял липовые отчёты, якобы по оплате услуг радиосвязи и транспорта. Фармазонил, одним словом. Если брать по степени понтов, то жить им логичнее было бы в гостинице "Арктика". Но, в те годы она была в запустении. Гостиницу же "Полярное Утро" поднял норвег-инвестор. Однако ходить коротать вечера было потешнее именно в "Арктику". Эта гостиница лидировала по нашествию финнов-туристов, которые приезжали на пару дней, чисто попить водки. Забавность шоу состояла в том, что местные путаны, под руководством бригадиров сутенёров, выжимали с пьяных финнов деньги. Происходило это примерно так. Финн, нагрузившись по самую ватерлинию дешёвой, в понимании иностранцев, водкой, устремлялся в номер, чтобы подремать пару часов мёртвым сном алкоголика. Этот момент девицы старались не пропустить. Вслед за засыпавшим на ходу иностранцем к нему в номер впихивалась девочка, чья очередь наступила. Очередь соблюдалась ревниво, как у таксистов. Пробыв в номере пару мгновений, за которые она не должна была дать жертве заснуть, она освобождалась бригадиром, который, ворвавшись в номер, грозно требовал с туриста деньги за секс услуги. Турист жалобно пищал:

– Секса ноу! Секса ноу!

Но при виде грязных, невымытых кулаков сутенёра быстро сдавался и платил сто долларов. Среди туристов бытовало мнение, что бьют здесь больно и без синяков! Таким образом, водка для

путешественников выходила не такой уж дешёвой. Зато было что потом рассказать друзьям-лесорубам.

После вечера в этом бедламе штаб хорошенечко высыпался. После бритья Толик обзванивал всех подкупленных и подпоенных радистов на большинстве радиостанций флотов, кроме военного. К военным радистам "ключа" пока он не нашёл. Радисты рыбных и ледокольных флотов бодро докладывали, что в эфире никаких сведений о самолёте "Як" не проходило, и Толик подводил резюме:

– Надо пробивать пропуск в Североморск и наводить там контакты!

Его помощник кидал реплику:

– Да туда за блок сигарет проехать можно. Дал на КПП солдатам сигарет и катись, хоть боком!

– Тебе хорошо рассуждать, иждивенцу! А как поймают, это же если ты прокрался к жене моряка, который в дальнем плавании, тогда особисты твою причину поймут. Но, если тебя поймают с умыслом проникнуть на объект связи со стратегическими подлодками, то считай, тебе пятнадцать лет парикмахером работать обеспечено!

– Новобранцев стричь, что ли?

– Тайгу под Архангельском! – радостно завопил Толик избитую шутку. Помощник Толика был парень не злобный. Розовощёкий, кучерявый брюнет.

На его тонких косточках вырос жирок, но высокий рост как бы скрадывал эти дефекты развития. Черты лица его были привлекательные, и блуждающая улыбка располагала к нему морячек, возраст которых был близок к критическому. Так же их привлекало его имя, Аркадий. Это напоминало им Одессу, Аркадию. Вообще-то, все думали, что он попал на эту бездарную халявную должность "по-родственному", как это принято в России. Но он помалкивал и хранил тайну, что он "сдобрил" возрастную жену зама генерального директора головного предприятия, а та замолвила словечко в надежде самой откомандироваться в Мурманск в одночасье. В один из разгульных вечеров в ресторане "П.З.", как называли во все века и все "Полярное Утро", его на "белый танец" пригласила высокая – ростом и возрастом – особа. Она была в

джинсах, парике и без талии. После танца она его увлекла за свой столик, за которым сидели ещё две её подруги, и поведала, что они все из города Североморска. Угнетённый утренними упрёками начальника штаба Толиком, Аркадий быстро заручился пьяными обещаниями, что его познакомят с "самым главным начальником" североморской радиостанции. Проезд Элеонора, как представилась высокая особа, взялась организовать немедленно! Аркадий, увидев обилие на столе коньяка, шампанского и даже чёрной икры, быстро среагировал:

– Сейчас, только лишь друзьям за столиком скажу, чтобы не беспокоились! – он подбежал к Толику и сказал. – Шеф, я сейчас уезжаю пробивать тему в Североморск!

– Ну, лады!.. А как тебе удалось выйти на "нужников"?

– Босс! Ты же знаешь, я всегда там, где трудно!

Толик, даже стал невольно уважать своего помощника, про себя подумал: "Ну, парень – ураган!"

Он и Таня, оставшись одни, даже как-то заскучали. Таня вдруг вспомнила сон: – Анатолий, – начала она томно, – мне привиделся нынешней ночью сон,

будто как я работаю сестрой в госпитале. И к нам поступает срочный больной. Я стала его оформлять, а это оказался Рэд! Представляешь, у него рука была сломана, и он, вроде как, не мог управлять самолётом, поэтому приехал к нам подлечиться! Мы с ним общались, как наяву!

– Ты, если бухать будешь каждый вечер, скоро ещё не то увидишь! У нас один в университете чертей гонял, в общежитии. Мы его еле за ноги поймали у открытого окна. Он кричит: "Вот же он!" Мы его спрашиваем: "Саня, да кто же он?" "Пузо белое, сам зелёный!" – сам вскакивает и устремляется опять к окну. – "Вот же он!" Я потом, когда он уже отошёл, через два дня спрашиваю: "Саня, что же ты так запил?" Он мне отвечает: "Толян, горе у меня! Письмо плохое из дома получил!" Сам он был из деревни, из большой семьи. Я, чтобы выразить сочувствие, спрашиваю: "Что за горе?" Он отвечает: "Поросёнок умер!"

Таня с презрением посмотрела на Толика, который мало, что не хотел на ней жениться, а ещё какие-то двусмысленные намёки предъявлял, выдохнула ему:

– У меня жених пропал в Арктике! А ты мне ерунду какую-то городишь! Пошляк! Лучше бы ты мне, наконец-то, имя подходящее придумал бы. Как ты считаешь, если для прессы я назовусь Консуэлла?

– Лучше будет, если ты будешь – Консоль! Вроде, как по самолётному!

– Дурак! Рассчитывайся, давай! И спать я пойду к себе! А то мне по ночам жених снится, а рядом этот невоспитанный хам лежит!

– Ты! Давай полегче! А то я быстро поменяю сценарий! И Рэда будет ждать мать-старушка, а не невеста-потаскуха!

– Ах, так?! Я всё расскажу генеральному директору, как ты заставлял меня в подложных чеках расписываться!

– Так расписывалась же! Значит, факт подлога совершала!

Так, препираясь, они продвигались к своим номерам гостиницы. Таня – Консуэлла, распалённая ссорой, оказалась в номере Толика – так ей хотелось высказать ему до конца свою позицию в сфере подделки платёжных документов. В конце концов, она попыталась бить Толика рукой по голове, он обхватил её в охапку, и они оказались на кровати. Там их губы слились в поцелуе, и они спешно начали раздевать друг друга. Когда всё кончилось, Таня закурила и глубоко философски промолвила:

– Как сразу хорошо стало! Нет, я наверное, без этого дела уже жить не смогу совсем!

Но Толик уже её не слышал, он спал, так и не сняв носки. Таня брезгливо посмотрела на бывшие белые, много раз стиранные под умывальником носки, слегка оделась и ушла в свой номер. Она была уверена, что сегодня она опять увидит Рэда во сне. Ей очень хотелось узнать, всё ли у него благополучно, удачно ли прошла операция на руке...

А Аркадий мчался с морячками в лихом "Жигуле-копейке", управляемым не менее лихим шабашником. Водитель, за годы походов в море в дальнее плавание в качестве палубного матроса,

сумел скопить чеки ВТБ, на которые и купил этот "Жигуль". Для приобретения опыта в вождении автомобиля, он стал подшавивать на извозе и перепродаже водки. Особенно он преуспел, когда в его "Жигуль" садился пьяный матрос тралфлота. Шавашник-водила требовал рассчитаться сразу. Потом, по мере катания, матрос забывал, что расчёт уже был и второй раз платил за тот же путь. По мере набора опыта, шавашник сделал себе пропуск в Североморск, это уже был как бы дальний рейс, хорошо оплачиваемый. Когда морячки принялись его принуждать заехать куда-либо и купить блок сигарет для солдатиков на КПП, чтобы те пропустили Аркадия без пропуска, шавашник сказал:

– Накиньте мне за риск, и я его провезу в багажнике!

Всем, включая Аркадия, идея понравилась. Они остановились в районе, называемом Роста, Аркадий залез в тесный жигулёвский багажник, и они миновали КПП. Когда подъехали к дому, Аркадий сорвал с шавашника обещание, что тот заберёт его назад через три дня.

В квартире Элеоноры на втором этаже многоквартирного дома, кроме неё самой, оказались ещё две её подруги, мужья которых тоже были в дальнем плавании. Подруги по очереди представились Аркадию:

– Эльвира! Элизабета!

Но, по наблюдению Аркадия, он приврали – когда они общались за столом в ресторане, то называли друг друга совершенно простыми именами. Причём вульгаризируя их. Как они друг к другу обращались, Аркадий точно не помнил, лишь смутно брезжилось типа "Людка, Надька!" Но здесь, ничего не поделаешь, приходилось играть на чужом поле и принимать предлагаемые правила. Все эти Э... стоношили на стол сервировочку. Причём было обилие хрусталя и коньяка, а из закуски – только коробка шоколадных конфет. Когда в стену постучал сосед, требуя уменьшить музыку, все порешили, что пора ложиться спать. Кровать от импортного гарнитура была столь широка, что они все уместились на ней. И пошла кутерьма! Распаленные морячки не давали покоя Аркадию до утра. Наутро, когда он проснулся, подружек не было, на столе валялась записка: "Мы на работе. Опохмелитесь в холодильнике!"

Аркадий открыл могучую дверцу высокого импортного холодильника, названия которого он не смог даже разобрать. Написано было, очевидно, по-фински. В огромном чреве стояла початая бутылка коньяка. Закуски не было никакой! Аркадий с отвращением отодвинул коньяк, хорошо рассмотрел пустоту холодильника, даже заглянул в морозилку. В морозильной камере сиротливо стояли ёмкости для льда и более ничего! Он подумал: "Ладно, сварю кашу или макарон!" Но ничего, из чего можно варить пищу, в доме не существовало! Консервов тоже не было! Попив воды из-под крана, Аркадий стал смотреть по телевизору попеременно два скучных канала. Приличных книг в доме не было. Очевидно, хозяин дома был помполит на судне. Вся литература была какого-то учебно-политического характера. Что самое удивительное, телефон тоже не работал! Он хотел было выбраться на улицу через окно – перспектива, учитывая, что этаж был лишь второй, была. Но, во-первых, он не знал, куда идти в этом закрытом для въезда посторонних городе. Во-вторых, даже если он попытается пересечь КПП на автобусе, его непременно арестуют, так как никакого разрешения на въезд сюда он не имел. Поэтому оставалось только одно: ожидать своих тюремщиц. Он смотрел нудное телевидение, дремал иногда. Время тянулось очень медленно.

Но всё когда-то кончается, наконец, в двери раздалось шепуршание, и в квартиру стайкой ввалились шумные и весёлые вчерашние знакомые. Все трое были в комплекте! Не обращая внимание на возгласы приветствия, Аркадий ринулся к их сумкам, выглядевшим подозрительно скромно. В сумках были сигареты, коньяк и какие-то предметы женского туалета. Возгласы подружек были примерно такого рода:

– Арно! Мы тебе курить принесли, хороших сигарет!

– Я не курю! – простонал пленник.

– Разве? – почти хором удивились подружки. – А нам показалось, что ты любишь курить!

– Я жрать люблю! – простонал пленник, – Элеонора, давай отправляй меня назад, в Мурманск!

– Арник! Мы же договорились о встрече с начальником радиостанции! Проказницы не уточнили, что договор был только

лишь между ними и Аркадием. Он же понял, что они договорились с самим начальником, поэтому обречённо промямлил:

– Ну, это меняет расклад. А, пожрать могли бы принести, хотя бы!

– А вот!

Эльвира развернула пропущенный страдальцем пакет, и компания набросилась находившиеся в нём пирожки из общепита. Пирожков оказалось неожиданно мало. Аркадий с голода заглотал большой кусок. У него начала развиваться икота, но пока он бегал на кухню и совершал судорожные глотки, с пирожками было уже покончено. Он выжидающе пошуршал пакетом и разочарованно стал смотреть на хозяйку квартиры. Та не преминула отреагировать и воскликнула:

– Что же мы медлим! Давайте выпьем, вы, что, сюда жрать пришли?

Пока пили коньяк, несчастный Аркадий пытался выяснить перспективы ужина, но он был резко прервали:

– Не будь таким плотоядным! Мы будем сыты любовью!

Началась вчерашняя кутерьма. Секс царил прямо по масштабам запрещённых порнофильмов! Лишь изредка участники оргии прерывались на распитие коньяка. Эльвира приободряла:

– Пей, Арлекино, коньяк поднимает потенцию!

Сон от усталости, наконец, свалил героя-любовника. Он уже не ведал, что там подружки выдывали с ним, пока он спал. Но сны снились ему суперэротические!

Когда он проснулся, на столике была новая записка, но с тем же содержанием. Аркаша обречённо выглянул в окно. Там всё было по-старому. Небритая щетина начинала чёсаться. День прошёл точь-в-точь похожий на предыдущий. Голод, вроде бы, стал даже привычным. Он уже не пытался искать съестное в этом доме. Всё время, в отупении, он смотрел с лоджии на открывающийся взору пейзаж. Дом стоял на окраине, хотя, судя по размеру города, здесь всё было окраиной, пейзаж представлял собой лысые сопки Заполярья, то есть был весьма унылым и навевал дикую тоску. Надежды, что

шабашник на "Жигуле" вернётся и перевезёт его в багажнике назад, становилось всё меньше. Настроение у пленника было хоть вой!

К вечеру замок в двери опять зашебуршал. Истощённый Аркадий плохо реагировал на всякие изменения во внешнем мире. Однако, ворвавшиеся подруги источали радость и веселье. Так ведут себя домашние собаки, когда хозяин возвращается после долгого отсутствия. В сумках подруг был опять коньяк и масляные пирожки. Других яств Аркадий не надеялся увидеть... Так же, как и в предыдущий раз, подружки съели почти все пирожки сами и принялись терзать свою жертву. Аркадий пытался задавать им вопросы о начальнике радиостанции. Взамен ему предлагали посмотреть дефицитный тогда порножурнал. Когда вконец изможденный герой-любовник забылся во сне, подружки продолжали работать над его плотью.

Наутро всё повторилось вновь. Эльвир и других Эльз в квартире уже не было, а была опять же новая записка, но с прежними словами. Уже безразличный ко всему Аркаша просто вышел на балкон, даже не вглядываясь в унылый пейзаж, который никогда не менялся. На сопках лишь кое-где торчали клочки кустов и где-то по гребню шли столбы то ли ЛЭП, то ли связи. Вдруг слух Аркадия заострился – с соседнего балкона послышался лязг защёлки. После этого дверь балкона отворилась и на свет вышел свежесбрившийся мужчина, весь вид которого являл высокую харизму.

– Здравствуйте... – робко проблеял невольный пленник амурных дел.

– Здравствуйте! – с высоким достоинством промолвил гладко выбритый сосед. Аркадий, увидев в лице этого благородного мужчины надежду на своё спасение, заискивающе попытался завязать знакомство:

– Прекрасная погода, не правда ли?

– Погода, в нашем понятии – это когда ветер крепчает! – загадочно ответил аккуратно одетый в спортивные одежды гладко бритый сосед.

Аркаша не стал вдаваться в тайный смысл чужих понятий. Осмысливая дальнейшие ходы, он стал соображать: "Блатной, может?"

Уж больно повадки у него как у пахана!" – судорожно думал он. Но, похоже, это был единственный шанс вырваться из заточения. Ему, как не имеющему возможности посоветоваться с кем-либо, приходили порой фантастические мысли: "Может, Эльвира с подругами, мстя в его лице кому-нибудь, решили высосать его, как паучихи, а жалкую оболочку похоронить где-то?"

Аркаша решил "заблатниться", чем, как ему казалось, он приглянулся бы соседу, как собеседник:

– Зусман Колосовский! – выкрикнул он отчаянно первое пришедшее на ум, как ему казалось, блатное выражение.

– Вы, что, поляк? – заинтересованно спросил сосед.

"Есть контакт!" – ликовал в душе Аркаша, но от блатного сленга стал отгребаться и сообщил, как ему казалось, с налётом интеллигентности:

– Да в некотором роде!

– Зашло в торговый порт намедни польское судно. Встало под загрузку апатита! Вы, часом, не с него? – сосед явно ориентировался на небритость собеседника.

– Почти! – цеплялся за малейшую возможность продолжить знакомство Аркадий, поэтому продолжил бессвязно. – Я имею отношение к пропавшему в Арктике самолёту!

Сосед стал поглядывать на небритого Аркадия уже с уважением. Как потом оказалось, гладковыбритый был капитаном атомной подводной лодки и как истинный моряк с уважением относился ко всяким катастрофам, всегда был готов к участию, к помощи терпящим бедствие. Это чувство локтя присуще на генетическом уровне всем истинным морякам. В биографии любого из них обязательно есть факты пребывания в катастрофе, сильном шторме, или загадочных явлениях на море, явно угрожавших жизни и плавучести корабля. Также в памяти моряка всегда живы погибшие товарищи и родственники. Моряк всегда придёт на помощь любому, даже врагу! Поэтому после сообщения Аркадия о пропаже самолёта, разговор пошёл совершенно в другой плоскости.

– Так что же вы его не ищите? – вскричал хорошо побритый сосед.

– Хозяева квартиры ушли, дверь захлопнулась, а я выйти не могу! – бессвязно молотил Аркаша.

– Сейчас мы что-нибудь придумаем! – принял решение сосед.

Раз уж он был капитаном, он мог только руководить. Вскоре сквозь не притворённую дверь слышались команды, отдаваемые по телефону:

С концами бегом ко мне!..

Через четверть часа – Североморск город крошечный – на балконе появились ещё два молодых мужчины офицерского вида. В руках у них был кусок фала толщиной со взрослый палец. Один, который был постройнее, вскарабкался на перила и увязал фал за низ прута перил верхнего балкона. Который был поздоровее – страховал его за ноги. Бритый отдавал резкие чёткие команды. Вскоре концы фала были перекинута Аркаше и он получил распоряжение:

– Подтянись на руках и прыгай к нам!

Аркаша, утомленный голодом и сексом, незамедлительно сиганул с балкона на балкон. Он больно ударился ногами о перила, но это было ничто на фоне общего спасения! Наконец, все участники операции стали знакомиться, скрепляя сей акт рукопожатиями. Сосед, капитан подводной лодки, оказался Егором Бриттовым. Виртуозный верхолаз представился его первым помощником Сашей. Третий, который был на страховке, назвался Азевым Жорой. Служил он на той же лодке старшим помощником. Когда возбуждение компании после акции спасения стало проходить, благоразумный Жора поинтересовался, что вообще-то делал Аркаша на чужом балконе? В глубине его замполитовской души бродили сомнения, уж не квартирному ли воришку они спасли, став, тем самым, соучастниками преступления?

Аркаша долго и витиевато объяснял все свои коллизии, даже назвался родственником неизвестного ему хозяина. Здесь понятливые подводники стали хохотать:

– Конечно, после проведённой ночи ты стал Лапину действительно родственником! Знаем мы похождения его шалопутной жены!

– Да, – вставил Жора. – Зовут её не Элеонора, а Машка!

– Я знаю! – смущённо вставил Аркаша, – Мне бы поесть что-нибудь!

– Сейчас организуем! – мгновенно отреагировал Бриттов. – Сашка, беги за коньяком, выпьем, отметим спасение счастливчика, а то у меня только "шило".

– Шило лучше теперешнего коньяка! – дружно загомонили моряки-подводники. Напрягшийся при слове "коньяк" организм Аркадия – причём сразу всплыл в памяти запах горелых пирожков – подвергся жестоким конвульсиям.

Моряки дружно собирали на стол, воодушевлённые результатом спасения, а сплочения между собой им хватало, даже через край! Друг за друга они готовы были жизнь отдать, не задумываясь! Вскоре на столе стояли открытые консервированные огурцы – универсальная закуска, имеющаяся в ассортименте-минимум каждого северного магазина. Бриттов даже открыл заветную литровую банку печени трески кустарного производства, подаренную товарищем, капитаном рыболовецкого траулера. Жора резал хлеб. Саша колдовал над спиртом – шилом. Особое искусство ваять шило заключается в том, что при растворении в воде спирт нагревается и пить его трудно, а у Саши он оставался холодным! После первого тоста "за спасение" пошли тосты другие, более приближённые к плаванию под водой. Во время непринуждённого застольного разговора Аркадий вдруг был приобщён к военной тайне: друзьям скоро предстоит идти на своей атомной лодке в дальний поход, в глубокий океан. Сам он от спиртного отказался, только жадно уплетал всё, что было съедобного на столе. Внезапно под окнами отчаянно засигналила автомашина. Бриттов воскликнул:

– Какой м-мудак бибикает? Застолью мешает!

Когда дружно выглянули во двор, Аркадий узнал водителя-бомбилу, того самого, что привёз его сюда и обещал забрать через три дня.

Провожать его друзья-подводники вышли всей компанией. Встречать и провожать – профессиональная традиция моряков и относятся они к ней очень трепетно. При расставании капитан Бриттов пообещал слушать эфир на частоте Рэда. Он говорил:

– Я дам распоряжение радисту слушать. Сам я его звать не могу – мне сложно объяснить тебе все наши условности, но если мы услышим его позывные – придём ему на помощь!

Жигулист-бомбила, увидев небритого, с кругами под глазами Аркадия, воскликнул:

– Брат, как они тебя!..

Больше у него комментариев не было!

КПП в Росте они миновали без приключений. Вскоре Аркаша предстал перед членами своего штаба. Все приключения рассказывать начальнику Толику он не стал, только поведал, что "звать" Рэда военная радиостанция не имеет права, а слышать – пока ничего не слышали. Но обещали теперь слушать внимательнее! Умело воспользовался Аркаша знаниями, полученными от капитана Бриттова – Толик внимательно посмотрел на плачевный вид Аркаши и спросил:

– Ты заболел, что ли?

– Нет! – быстро соврал тот. – Дежурил на военной радиостанции, не спал!

– Ладно, иди, спи.

Немного отоспавшись, побрившийся Аркаша с тревогой прислушался к своему желудку. После североморских приключений у него, одновременно с панической фобией, явно развивалась ещё и булимия. Как ему казалось. Поев, он уже через минуту вновь становился голодным. А фобия в том и заключалась, что имея лишний вес, он постоянно что-то ел! Начальник Толик, который на любой счёт всегда имел своё неопровержимое мнение, выдал тезис:

– Надо хорошо выпить водки и эта мания пройдёт!

– Так давай же действовать! – вскричал Аркаша, как утопающий хватается за соломинку.

– Мы и так превысили все лимиты на представительские расходы. Потом – подозрительно, что мы всё время представляемся в ресторане "Полярное Утро". Вот придумай, что-нибудь оригинальное, кроме пьянки в чёрную в номере, и считай – ты излечен!

Аркаша, терзаемый свербящим чувством голода, помчался в холл гостиницы. Там, проявив недюжинную коммуникабельность, он разговорил швейцара. Тот поведал, что его, как он загадочно выразился "сводный" сын, работает официантом в ресторане "Рваные Паруса". И этот сын может состряпать какой угодно оправдательный документ для бухгалтерии. После недолгих разъяснений терзаемый голодом Аркадий уяснил, что "Рваные Паруса" – это не что иное, как ресторан "Якорь", который находится на Морвокзале. Через полчаса весь штаб спасения мчался на лихом шабашнике на Нижнюю дорогу Мурманска, которая и вела в сторону восьмой проходной Рыбного порта. Вся эта территория называлась загадочно "Петухи". Значения последнего названия объяснить не мог никто, даже лихой шабашник. Он тоже был из матросов, но только не "Тралфлота", а "Северпромразведки". Названий рыбных флотов, вместе с живописными названиями рыбных колхозов, было достаточно много, и Толик в них хронически путался. Чётко он знал лишь одно: самое большое предприятие это "Тралфлот", а главное предприятие – "Севрыба". Дальше наступала путаница. Этих флотов было столь много, что их число ассоциировалось с количеством траулеров, стоящих борт к борту, когда первый стоял у причала, а десятки других швартовались к борту рядом стоящего судна. При такой расстановке моряки ходили на своё судно через палубы соседей, стоящих ближе к причалу. При этом они водили собутыльников, девушек лёгкого поведения, и носили спиртное авоськами. Моряки проходных судов при этом сидели в своих кубриках и не роптали, даже когда какая-нибудь девица начинала артачиться в середине пути и бурные уговоры происходили на палубе чужого судна. Бывало, дело доходило до рукоприкладства и девицы падали за борт, в студёные воды нечистого, в санитарном смысле, воды Кольского залива. Свежий ветер надувал подола плывущих девиц, придавая им крейсерскую скорость. Девицы злобно ругались на своих обидчиков матросов, но случаев утопления не было.

Ресторан "Рваные паруса" представлял собою стандартный привокзальный кабачок, но минимальная живая музыка в нём всё же играла. Всю партию песен вёл брюнетистый клавишник с манерными подусниками, остальные музыканты подбрякивали на гитарах, а барабанщик лупил в свой "Премьер" палками весьма самозабвенно и,

как ему казалось, не хуже самого Чамберса. Единственным недостатком своей игры, как он сам считал, была не очень крутая ударная установка, и сам себе, если глядеть как бы со стороны, он очень нравился. Клавишник с подусниками, заполучив очередной Парнас, объявлял очень громко в микрофон:

– А сеча-а-а-а-а-с! – он сильно делал акценты на последние слоги. – Для наших друзей с "Беломорской базы гослова" звучит пес-с-ня "Ах, гостиница"!

Барабанщик начинал счёт палочками, к этому таинству он относился очень рачительно, и весь вокально-инструментальный ансамбль начинал грохотать и брякать некое подобие мелодии, под которую можно было спеть почти любую попсовую песню. Клавишник выкрикивал в свой громкий микрофон незатейливые слова песни, и всем было ужасно весело. Через годы из таких вокалистов вырастут и станут "заслуженными" и даже "народными" разные мэтры отечественной эстрады, про них будет писать жёлтая пресса, и потом, уже умудрённые сединами, и они будут писать-рассказывать мемуары, почти все на одну тему: как тяжело жилось при большевиках и как они вот таким образом боролись за демократию!

Толик быстро отыскал шустрого официанта, которого, оказалось, тоже зовут Толик. Тот враз въехал в тему, обговорил свои чаевые "за риск" и пообещал вместо водки записать в счёт торт и прочие дорогие продукты. Когда члены штаба спасения угнездились на креслицах, покрытых грязно-вишнёвым дерматином, то увидели, что официант Толя усадил их за общий стол, за которым сидел уже целый банкет. Прямо как в советские времена, когда любого могли поселить в гостиничную комнату, где уже жили постояльцы – народ приближался, таким образом, к коммунизму. Стол в основном занимали разновозрастные женщины. Но два персонажа, по виду тралфлотовцы, были явно не из их компании. Более того, по национальности они были украинцы. Который помоложе, в модных джинсах и валютном джемпере, уговаривал старшего по возрасту:

– Нэ розмовляй по нашому! Нехай дивчата думають, шо мы москали!

Старший нехотя с ним соглашался.

Но вот музыка стихла и который помладше куда-то умчался. Гул в ресторане усилился, и тогда старый тралфлотовец обратился к женщинам, сидящим за общим столом:

– А шо, дивчата, давайтэ заспиваемо "Галю"?!

Когда младший, джинсовый, примчался, весь стол уже хором пел:

– Ой ты, Галю, Галю молоденька!..

Джинсовый, отчаявшись, махнул рукой и умчался вновь куда-то.

Когда Толик произвёл лавинный заказ водки и закуски с целью излечения Аркадия от начинавшейся булимии, заболевший оглядел зал и удивился! Столик неподалёку занимали его новые североморские знакомые, но в значительно расширенном составе, а рядом с ними за столом восседали ещё человек восемь. Умилённый встречей, Аркадий подошел к ним поздороваться. Капитан Бриттов стал знакомить его с другими участниками застолья. Все имена Аркадий не запомнил, он лишь уяснил, что это почти весь старший комсостав атомной лодки Бриттова. Они по пьяному настойчиво усадили его за свой стол и с русским радушием стали потчевать водкой. Отнекиваться было бесполезно, Аркадий выпив первую рюмку залпом, чем притупил бдительность ревниво наблюдающих за процессом возлияния, но остальные рюмки стал лишь пригубливать. Тем временем, первого помощника Сашу совсем развезло, и он стал, горячо дыша водочным духом, поведывать на ухо Аркадию очередные страшные государственные тайны. Оказывается, застолье было "за отход". Лодка Бриттова должна была заменить на боевом дежурстве аварийную лодку, которая сейчас снялась с боевого дежурства в Южной Атлантике. Саша после очередной рюмки назвал даже точное время отхода. Но самой страшной тайной было: дежурившая лодка попала в аварию! При упоминании об этом Саша подносил палец к вытянутым губам, говорил: "Ш-ш-ш!" – и добавлял: "Ты меня понял?"

Все тосты, в основном, были обращены к Бриттову, обращались к нему: "Капитан!", хотя все собравшиеся за столом были капитаны, с той лишь разницей, что Бриттов был капитаном первого ранга, а остальные, (кроме Аркадия) – второго и третьего. Но – капитанами!..

Вскоре музыкант с подусниками стал объявлять об окончании вечера. Он громко и раздельно вещал в фонащий микрофон:

– На! Этом! Дорогие! Друзья!.. Наш! Ансамбль! Прощается! С вами!.. – это явно был сигнал, что в оркестр надо нести деньги, чтобы они продолжили свою какофонию. Но деньги нести никто не торопился, так как в это время тралфлотовцы уже затеяли лёгкую драку.

Кто-то кого-то держал, а удерживаемый, не сильно вырываясь, выкрикивал:

– Урод! Я тебя урою!

Сидевший в дальнем углу азербайджанец, которому надоели крики – они мешали ему уговаривать морячку провести с ним романтический остаток вечера, – кинул пустую бутылку в сторону орущих, наугад – лишь бы они заткнулись!. Среди удерживающих тралфлотовца был армянин, с которым азербайджанец всего полчаса назад случайно познакомился, при этом они обнимались, говоря друг другу: "Кавказ есть Кавказ! Неважно, кто ты есть! На чужбине весь Кавказ – братья!" И прилетевшая бутылка угодила этому армянину прямо в угол лба и рассекла кожу, со лба обильно хлынула кровь.

Теперь удерживали уже армянина, тот вспомнил Нагорный Карабах и кричал: – Между нами кроф-ф-ф!

Но подводникам было не до этих мелких эксцессов – они всей толпой удерживали Сашу, который упорно нёс деньги оркестру, чтобы музыка продолжалась. Остановила его только внезапно начавшаяся бурная дискуссия – кто-то из капитанов выдвинул тезис:

– Они, – он имел в виду оркестрантов, – когда-нибудь станут великими музыкантами!

Половина стола возразила:

– Великие музыканты рубли не сшибают!

Дискутирующих вполне объединило утверждение, высказанное Бриттовым:

– Вот мы – русские офицеры! А гаишники – тоже офицеры? Рубли сшибают, бывает, что даже у женщин-водителей. Разве русский офицер станет у женщины деньги кланчить?!

Все единодушно решили, что гаишники – не офицеры.

Водки им больше не дали, буфет уже был закрыт. Аркадий при расставании напомнил друзьям про позывные самолёта "Як". И вовремя. К толпе прощающихся подтянулся Толик, а Жора, старший помощник Бриттова, тоже стал выдавать военные тайны:

– Мы сейчас с перешвартовки. Лодка стоит в Гаджиево, завтра отход!

– Что такое Гаджиево? – дилетантски спросил Толик.

– Ну-у-у, брат! Если ты и этого не знаешь. Это же база, возле Полярного!

Где город Полярный, Толя, к сожалению, тоже не знал, поэтому от прощания

быстро перешёл к расставанию, он, Таня и Аркадий направились в сторону "Полярных Зорей", а подводники быстро поймали сразу два такси и помчались в своё Гаджиево. На крыльце ресторана армянин, перевязанный как вышедший из катакомб партизан, продолжал синкопически вопить:

– Между нами кроф-ф-ф!!!

Глава 4

В приемном покое Рэда действительно ждал мужчина. Причём он был очень представительный, в какой-то красивой форме. Потом уже Рэд узнал, что это мундир капитана судна внешнего сообщения – фэна, которое ходит в океаны землян, во владения людей. Мужчина при виде Рэда встал со стула и радушно открыл объятия:

– Ну, здравствуй, брат!

Рэд смутился. Он думал, что слово "брат" мужчина применяет в расхожем смысле, как обращение к индивиду одинакового рода. Но тот представился:

– Арс. Тебе мама, наверное, рассказывала о твоём старшем брате-моряке?

Рэду сразу вспомнилось. Когда он ещё был маленьким ребёнком, мама рассказывала, что его старший брат, восемнадцатилетний Арсен, погиб в Тихом океане. История была трагическая. Траулер, на котором Арсен ходил матросом, попал в осенний шторм. Обледенение судна было страшное. Экипаж целую неделю выходил на палубу скалывать постоянно намерзающий лёд. Матросы обвязывались фалами. Их периодически смывало за борт, и команда вытаскивала несчастных из ледяных волн обратно на палубу. Через неделю силы у людей иссякли – в те времена по призыву партии суда ходили с уменьшенными вдвое экипажами. Обледенение победило. Центр тяжести из-за наросшего льда оказался наверху, и судно сделало оверкиль. Обычно люди, оказавшиеся в таком случае внутри судна, находят страшную смерть от удушья. Но после того, как шторм утих и траулер нашли, на его борту не обнаружили ни единого человека. Ни живого, ни мёртвого. Умные головы посчитали, что экипаж по сигналу "SOS", видимо, снял американский линкор. Но достоверных сведений об этом как-то нигде не нашлось, ведь шла "холодная война". Родным объявили, что их близкие пропали без вести вместе с траулером, а траулер в военном доке перекрасили и переименовали. Как бы то ни было, мать Рэда за погибшего сына пенсии не получала.

Рэд промолвил, пожав руку:

– Рэд. А как ты меня нашёл?

Арс посчитал, что имя "Рэд" брату дали уже иммиграционные власти и радушно сказал:

– Здесь всё узнаётся просто и быстро. Стоит только захотеть!

У Рэда сразу мелькнула мысль об учёбе. Но он решил пока об этом помолчать, лишь спросил на земной манер: – Ну, и где ты сейчас?

– Командую кораблём внешнего плавания, фэном по названию "Джерфикл". Ходим под флагом Руди.

– А в космос на нём ты тоже выходишь?

– Принципиально моё судно пригодно для хождения в космическое пространство. Только для этого надо гораздо больше энергии. И пройти кое-какие регистрационные формальности. Допуск у меня лично есть. А я по характеру романтик. Люблю ходить по океану, поближе к малой родине, так сказать.

При всей своей правдивости Арс умолчал, что для плавания в водах океанов фэны переводят в лидерные. Те, которые исчерпали регламент в Космосе по ресурсу времени эксплуатации. Принципиально его "Джерфикл" мог подняться даже за пределы земной стратосферы. Он был для этого приспособлен и сконструирован.

– И чем вы там занимаетесь, во внешних водах?

– Ты уже слышал, что основным сырьем для пищевой отрасли здесь является планктон. Вот, мой экипаж ищет новые места скопления планктона для последующей установки там насосов по откачке его на наши промпредприятия. Планктонная разведка, так сказать!

– Так нечестно! – воскликнул Рэд, молодость которого склонялась к справедливости.

– Так людей же планктон не интересует! – стал успокаивать его Арс. – Вернее, наши учёные регулируют дело так, что планктон никого не интересует! "Кроме нас." – про себя добавил он.

– Ага! – вскричал усмотревший проблеск победы в споре Рэд. – Всё-таки регулируете!

– Да успокойся ты! Скажу более. Наши учёные регулируют, чтобы ваши "умные головы" совсем не уничтожили планктон!

– Как это им удаётся?

– Много чем как. Ну, допустим, устроили у вас перестройку, чтобы прикрутить чуть-чуть милитаристов. А то ваши атомные лодки совсем озверели. Выкидывают радиоактивные отходы прямо в океан! Вначале их пугали всякими "квакерами", пугалами, по-нашему. Но это оказалось полумерой. Даже взрывали лодки, чтобы люди задумались. Не помогает!

– А-а-а! Ты наших моряков взрывал!

– Да успокойся ты! Никого я не взрывал! Давай собирайся, я за тобой приехал! – Никуда я с тобой не поеду! Предатель.

– Кончай бузить! – как старший брат прикрикнул Арс. – Всё равно, если не пойдёшь ко мне, под мои гарантии, отправят тебя в адаптационный центр. Будешь там, если по минимуму, целый год пыхтеть, как в тюрьме. Охота тебе? Неизвестно, чего ты там ещё наберёшься?!

Немного поостывший Рэд стал готовится к выписке. Вещей особых у него не было. Только серая шапка. Он стал требовать её возврата. Но пришёл строгий интендант, у которого, видимо, были тайные полномочия госбезопасности. Он суконным языком объяснил, что серая шапка – это имущество строгого учёта. Она пропала год назад и числилась в разыскиваемых предметах. Нахождение этой шапки во внешнем мире – очень опасно!

Рэду надоело слушать эту галиматью, которую интендант перемежал номерами законов, подзаконов и извлечений из них. Он махнул рукой и отвернулся от говорившего. Вскоре монотонная речь этого невзрачного человека затихла, и он сам как-то незаметно исчез. Пожитков у Рэда более не было, и они с Арсом вышли наружу налегке. Арс непрерывно расспрашивал брата:

– Как там мама? – и, тут же сам говорил. – Ах, да! Я же знаю!

Из этих монологов Рэд понял, что Руди абсолютно осведомлены о том, что творится на Земле. Он подумал: "Странно. Мы же, в свою очередь, о них абсолютно ничего не знаем!"

Он спросил об этой проблеме Арса. Тот популярно объяснил ему:

– Очень просто! Руди регулируют этот процесс. Кто мельком прикоснулся к этой тайне, у вас записывают в умалишённые. Раньше, в средние века, ещё хуже было, сжигали на костре, как ведьм. Инквизиция, мой брат, инквизиция! Теперь же генная память не даёт людям ковыряться в этой проблеме!

Тем временем, они на прекрасном экипаже Арса "подплыли" к дому, в котором, кроме хозяина, жили его жена и трое детей, которых представили Рэду:

– Знакомься, это твои племянники!

Радужную женщину, жену Арса окружали трое разновозрастных детей, от младенца до подростка. Все они были так похожи друг на друга, что трудно было понять, где мальчик, а где девочка. Залпом названные имена тоже трудно было запомнить, и Рэд не стал напрягаться. Он лишь сказал:

– Извините, дорогие родственники. Я без подарков, как-нибудь в следующий раз!

-У нас, у Руди, подарков не дарят! Это, в принципе, хлам, который хозяевам трудно потом куда-либо пристроить! Ведь люди, они дарят подарки "вкруговую", ему подарят ненужную вещь, а он уже передаривает кому другому. Руди лишены этого в своей сущности. Подарок – это способ скрыть свою сущность. Человек со злыми намерениями может подарить красивый подарок и скрыть тем самым свою чёрную сущность!

Похоже было, что традиции застольничать у Руди тоже не было. Жена, предупредив мужа, повела куда-то детей, и братья остались в квартире одни. Рэд огляделся, пока Арс переодевался, меняя парадный мундир, очевидно одетый в честь встречи с братом, на домашнюю одежду. Квартира походила на жилище землян-холостяков. Комнаты были очень пустынные. Как потом убедился Рэд, вся нужная, в конкретном моменте, мебель выдвигалась из стен или спускалась с потолка. Это было очень рационально, но непривычно. Как потом окончательно убедился Рэд, к пище здесь относились весьма хладнокровно. Эта необходимость жизни

рассматривалась как все другие естественные потребности. Из еды никогда не делали шоу и предмет удовольствия. Арс пригласил Рэда за стол и спросил:

– Что твой организм требует?

Рэд среагировал дежурной фразой:

– Пива!

– Всё ясно, – сказал брат, – Витамин "В" и "Е"!

– Что это за игра? – изумлённо спросил Рэд.

Последовала очередная лекция. Пока братья употребляли пищу.

– Понимаешь, – начал Арс, подбирая подходящие для неискущённого Рэда выражения, – Земляне, вернее, их производители пищи – предприниматели, для продвижения своего товара используют великое множество усилителей вкуса, один из которых глюкамат, красителей, ароматизаторов, вплоть до лёгких наркотиков. Нормальный организм сам знает, что ему требуется в данный момент. Производители со своими усилителями вкусов сбивают прицел и организм начинает испытывать разные недостатки в одном питании и избыток в другом. Оттуда все ваши болезни и укороченная жизнь.

Порции еды Арс доставал из стальных шкафов, которые Рэд вначале принял за холодильники, но это оказались пищепроводы. Вроде как подведена вода к дому, а здесь подведена пища. Все остатки, вместе с одноразовой посудой, выбрасывались в огромный унитаз, который всё засасывал и, как сказал хозяин, никогда не засорялся.

– А от чего вы получаете кайф? – любопытно спросил Рэд.

– Кайф нужно получать от чего угодно, но только не от пищи. Слишком дорога система, чтобы использовать для кайфа. Да и по животному это как-то. Всё это от вашей бедности. У Руди нет проблем с едой. Её столь же сколько угодно, как питьевой воды в России. Вода и пища – необходимые субстанции. Недостаток того или иного приводит к дефициту демографии, к войнам. И, в общем-то, аморально обжимать человека с пищей! У нас даже в тюрьме не наказывают лишением пищи.

– А у вас что – войн не бывает!

– Были, но у нас с тобой ещё много времени будет, ещё успею рассказать. Сейчас надо ковать тебе судьбу. Ты кем хотел бы стать?

У Рэда глубоко в душе сидела мечта, чтобы бесконечно учиться разным наукам. Но его сознание подсказывало, что много желаний недопустимо, а в душе его и памяти стоял тот фильм, который он видел во время операции на руке. Эта память даже затмила ему воспоминания о сгинувшем самолёте. Он, не задумываясь, выпалил:

– Хочу, так же как ты, путешествовать в океан людей.

– Если ты задумал побег, то не надо городить сложности. Просто скажи в эмиграционном центре, что хочешь назад. Тебя вернут за секунды, правда, память на период пребывания внутри Земли сотрут. Так много тысяч раз делалось, проблемы никакой нет. Все желающие, вернее, не желающие остаться, были возвращены целыми и невредимыми. Долго потом жили после этого, на вашей любимой Земле. Также наших Руди, которые вели несправедливую жизнь здесь, телепортируют на поверхность Земли, но уже в виде младенцев, чтобы они прошли путь исправления.

– Ну, а кто правильно себя ведёт, тех куда?

– Тех отправляют в нирвану!

– А-а-а...

– Хорош, хорош! Хватит на сегодня вопросов! Легализовать тебя надо, как моего брата!

Через некоторое время они закончили все формальности в эмиграционном центре. Арс письменно дал клятву, что обучит Рэда Правилам в индивидуальном порядке. Арсу была эта миссия приятна вдвойне. У него совсем недавно вышел срок ценза, и он стал стопроцентным Руди. Арс хотел эту возможность реализовать, для самоутверждения, поэтому он с такой большой охотой взялся за эту работу. Рэда оформили стажёром на корабль Арса. В результате появления таких серьёзных обязанностей поток инструктажа старшего брата не иссякал. Уже дома, за ужином, когда каждый вынул себе еду из раздаточных шкафчиков, напоминавших холодильники, инструктаж вспыхнул с новой силой. Арс менторским тоном наставлял:

– Пищу надо предпочитать горячую! А ты берёшь из холодной раздаточной! Бери из горячего шкафчика!

– Я привык в Арктике! – вилял Рэд.

– Что ты там привык, за три дня!

– У нас там спирт – шило – был! – бравировал младший брат. – А у тебя шило есть? Ты же получаешь на фэн, куркуешь дома, наверное?!

– Ну, ты совсем дремучий! Руди совсем не кайфуют от химии и прочего зелья! – А, как же они кайф ловят, релаксируют?

– Так, вон одень колпак на голову и релаксируйся! Никакой химии! Колпак воздействует на соответствующие центры волнами и пассажир ловит кайф! Зато никакого отравления внутренних органов, и ломки – соответственно!

– Ну-у! Что за кайф! Хорошо, когда в компании! А так что? Как алкоголик, в одну харю!

– Компанией все вместе одевают колпаки и оказываются хоть в стрип-баре, хоть в тусе, где хошь! Хоть на фуршете нобелевского лауреата!

– А в кильдыме, где пьют по чёрному, без закуси, можно?

– И в кильдыме можно, и в отряде на зоне, между нар одеколон из горлышка пить можно. Всё, что пожелаешь! Мысленно выстрой программу – и всё!

Рэд подумал о перспективах, как покайфовать. Он сразу стал возражать Арсу:

– Нет. Арс, в процессе кайфа, главное, это встретить неожиданно друзей. Потом определить место вечеринки, потом добыть "горючее".

– Да поставь режим "случайный выбор"! Там и случайных, и приятных друзей найдёшь. Можешь даже фингал под глаз заказать!

Рэд ещё посомневался над перспективой покайфовать и сказал:

– Нет. Слишком прагматично! Это всё равно, если на Земле спирт инъекцией в вену вкалывать!

– Ну, как хочешь. Давай спать. Завтра отход. Ещё много что надо на "Джерфикле" проверить. Количество топлива там. За помощниками тоже надо проверять!

– Арс, а что является топливом для фэна?

– Я же тебе говорил. Ещё предыдущие поколение Руди соорудило во всех подходящих местах индукторы, они снимают энергию прямо с ядра Земли. Потом энергию транспортируют, а объекты потребления преобразуют в капсулы-заряды. Энергии нам, то есть фэну, две-три капсулы по килограмму на весь поход хватит!

– Арс! – не давал заснуть брату любопытный Рэд. – А тех предков, которые строили индукторы? Их, наверное, чествовали, в благодарности за такой подвиг?

Засыпающий после напряженного дня, брат бормотал сквозь дрему всем известные истины:

– Они, предки, ещё до установки индукторов выиграла страшную Великую войну с коалицией десяти держав. Больше половины их, самых храбрых, погибло на полях сражений. Которые пришли – победители, начали "вечный праздник Победы". Ну, их всех согнали в трудлагеря, там они и строили всё и вся! В том числе и волноводы энергии от индукторов до городов, сквозь горы пробивали тоннели, вручную, можно сказать.

– Так, наверное, их дети, наверное, почивали на лаврах родителей?!

– Какие дети? Дело в том, что в этих трудлагерях они ели из посуды и ложками из сплава алюминия. От этого сплава, после перехода его из посуды с пищей в их организмы – никаких детей! Один аутизм!

– Так, а от кого современные Руди?

– А, от вохровцев, вертухаев и прочих охранников, которые победителей охраняли! У них чрезвычайно крепко сидит генная память. Они все работают охранниками, выучиться ни на кого не способны! Работать – тоже не хотят! Говорят: "Батя у меня не работал и я тоже не буду!" – так и сидят вахтёрами, вместо бабушек! Генетика, это великая сила!

– А мы будем телепортироваться вместе с фэном? – мысли и вопросы возбуждённого Рэда скакали из рубрики в рубрику.

Сонный Арс на такие скачки по темам плохо реагировал, так как наполовину уже спал. Он резко произнёс:

– Спи давай!

Этим выражением он напомнил Рэду их родную мать. Поэтому, он заканючил, как маленький:

– Ну-у!.. Арс! Телепортироваться?

– Такие большие объекты не телепортируются. Только в крайнем, аварийном случае! В таком режиме уходит очень много энергии! Примерно до десяти капсул. Это человека – он органический, его "вжик" и всё, он там! Мы будем подниматься по восходящему потоку тёплого морского течения, в районе Бермудских островов. А телепортируются по червячному переходу.

– Если восходящий поток на Бермудах, то червячные переходы где?

– Аварийные – они везде. Но опять энергии затрат требуют. Есть благоприятные. Это в Антарктиде и в Арктике. Там вместе с кораблём не очень затратно.

– Арс, а мы в Арктике.

Но Арс уже спал. Рэд тоже заснул. Ему опять стали сниться сны о том, как он жил на Земле. Причём сны были очень реалистические. Рэд временами просыпался и думал про себя: "Странно, на Земле мне снилось что-то такое, что я вижу здесь! Как будто всё наоборот!"

Утром братья проснулись и быстро позавтракали. Во время завтрака Рэд окончательно убедился, что Арс его родной брат. Тот тоном, абсолютно идентичным интонациям их родной матери, ворчал:

– Бери еду из горячего шкафчика! Питаешься всухомятку! Испортишь желудок – спишут с флота! Кто же мороженым завтракает?

– У меня новый метод. Я мороженым охладю. то есть, охлаждаю желудок, он и не будет просить еду. Ведь когда ещё пообедаем!

– Ты про обед не думай! Не твоя это забота! На "Джерфикле" кок нормально кашеварит, голодным не будешь, как бы не разжиреть лучше заботься!

Рэд с теплотой подумал: "Арс, когда переживает, "тъякает", совсем как мама!", только напоминать об этом Арсу не стал. Они быстро добрались до порта. Арс довёл Рэда до двери кабинета и поспешил на фэн. В кабинете Рэда уже ждал солидный чиновник. По его осанке и манере разговаривать было видно, что это номенклатурный работник. Как потом разъяснил Арс, этот чиновник своим решением может разрешить многие крупные проблемы. В противном случае Рэду долго и нудно пришлось бы таскаться по инстанциям. Чиновник, после взаимного приветствия, сразу приступил к делу:

– Рэд, – обратился он к нему. – Перед тобой стоит выбор. Ты можешь выразить желание и пойти учиться стационарно. Тогда перед тобой, в случае успешного окончания школы, лежит весь мир. Можешь даже быть послан в длительную командировку на Землю. Но за тебя на сто процентов поручился Арс, и он берётся индивидуально обучить тебя, согласно твоему желанию стать капитаном. В этом случае, после защиты диплома, ты по карьерной лестнице выше капитана не поднимешься, будешь всю жизнь ремесленником, так сказать. Ну, конечно, ты можешь выразить желание и мы тебя вернём на Землю, в какой-нибудь пункт, со стёртой памятью. разумеется.

– Не, нет! – заверещал Рэд.

– Что, "нет"? – подтрунивал над испытуемым номенклатурщик. – Не хочешь стажироваться у Арса?

– Хочу! Хочу учиться на капитана индивидуально, у Арса!

– Так и скажи! А то "нет, нет". Ведь я могу так и записать! – продолжал подшучивать важный дядька.

Рэд в глубине сознания боялся, что вдруг, при всём языковом мастерстве Руди, этот его превратно поймёт и запишет не в ту графу. Он стал настойчиво повторять свои принципы. Номенклатурщик успокоил его:

– Ну, хорошо, хорошо! Я вписал тебя в приказ о зачислении на "Джерфикл"!

Рэд, вроде успокоился, но про себя подумал: "Как это он вписал? Даже ручки в руках не держал!"

– Да ты не беспокойся! Я телепатически связан с электронным секретарём! Оставь здесь свой отпечаток пальца и всё! Данные медосмотра мы перевели уже из клиники, где ты лечился.

"Когда это они успели?" – подумал Рэд, – "Пока мы спали, что ли?"

– Ты не мучай себя загадками! Твой мозг тебе ещё пригодится в учёбе. Пока мы с тобой беседу вели, всё уже было переведено и разнесено по всем анкетам!

Попрощавшись, уже выходя из важного кабинета, Рэд подумал: "Вот дела! У нас бы, если своим паром медкомиссию проходить, то дней пять надо по кабинетам смыкаться! Или деньги платить главврачу, чтобы быстро оформил, заочно. И всё равно две ходки минимум надо делать, даже если за деньги решать проблему со справкой! Живут же люди!"

На пирсе подготовка к отходу шла полным ходом. Арс, как он выразился после, имел вечную проблему со старшим механиком Васом. Тот был не так давно телепортирован с Земли и был слегка приклатненный. За дурной характер ему как-то дали по голове, и он теперь всегда ходил в каске, хотя правила этого требовали, лишь когда лодка стояла в доке. Вас, еще живя на Земле, отсидел срок за какое-то хулиганство в порту. Эта отсидка наложила отпечаток только на его речь, в ней проскальзывал блатной жаргон. А человек он был весьма способный и быстро стал стармехом и, как на всех флотах, имел кличку "дед". Арс разорялся на него:

– Сколько тебе по смете полагается питания главных двигателей? – Два с половой аккумулятора, век воли не видать!

– А ты погрузил только два!

– Они округлили в меньшую сторону, лярвы!

– Не выражайся! Что, не мог им презентик подогнать? Зажлобился?

– Хотел, намекал. Они из оглобель полезли: "Ты нас прошлый раз костерил, грозил глаз на ж.пу натянуть!"

– Так грозил же! Да не в этом дело! Вдруг случись что, задержка, питание кончится. Опять спасатель вызывать? Холку-то мне потом подставлять, а с тебя, как с гуся вода!

– Ну, Арс! Ты меня гусём-то не зови! Петушатиной попахивает!

– Кончай на блазоту съезжать! Лучше говори, что делать? Через полчаса отход, как я требование переоформлю?

– Да спокуха, капитан! У меня в загашнике парочка аварийных с тех времён припасено!

– Ты свою фамильярность брось! Разводишь здесь амикошонство! – Я вашей феньки не понимаю, чиф!

В это время к нему с дурным вопросом подсунулся Рэд:

– Арс, а чем отличается пирс от причала?

– Не путайся под ногами! Без тебя дел невпроворот! Иди к боцману, он тебя к швабре приставит, чтобы не приставал!

Хотя приказы командиров не обсуждаются, эту команду Рэд пропустил мимо ушей. Арс в запарке забыл про это своё распоряжение. Погрузка произошла как-то бесшумно, по рукавам, как в современных аэропортах грузят пассажиров в самолёты. В это время у всех в ушах раздалось Арсово:

– По местам стоять!

Пошли тестовые проверки. Всё оказалось в норме. Вскоре Арс получил "добро" на отход. Пребывая в ходовой рубке, Рэд обратил внимание на группу Руди, явно отличавшихся от других. Рэд и раньше замечал эти типажи в городе и порту, но как-то не вдавался, чем эти Руди какие-то не такие. Но сейчас, присмотревшись, Рэд вдруг отчётливо понял, что они похожи друг на друга, как кажутся похожими на Земле все китайцы. У этих Руди головы были, как бы свёколкой и без волос, абсолютно! Вроде как все они страдают аллопецией. Где должен быть корешок свёколки – у них был остренький подбородочек, рот почти без губ, глаза как у кошек, только, в отличие от последних, узко посаженные. Нос был как штепсельная розетка. Как потом понял Рэд, разговаривали они, не открывая своего безгубого рта. Все были одеты, и как вспомнил Рэд – все виденные им до этого персоны, в одинаковые серебристые комбинезоны. Видок у них был subtilный, без видимых признаков

физического развития, даже хуже астенического. Временами казалось, что если им дать щелбана по лысой головке, то она лопнет и из неё вылетит облачко серой пыли, как бывают пылят некоторые грибы, когда их пнёшь, идя по лесу. Главное, все они были серенькие, без признака цвета и оттенка.

Когда фэн набрал крейсерскую скорость и лёг на курс, Рэд улучшил момент и спросил Арса:

– Что вот это за Руди? Странные какие-то! Иностранцы, что ли?

– Я тебе ещё не рассказывал. Это – Посвященные. Мне сейчас некогда. Я тебя приставлю к инструктору, к старпому. Он тебе всё разъяснит! Вил! – обратился он к своему помощнику, с такими же нашивками на погонах, как и у Арса, только возрастом постарше. – Разъясни юниору, что, да как. Введение в специальность, так сказать!

– Ну, пойдём, – радушно позвал старпом. Они проследовали в его каюту, по обстановке и размерам не хуже Арсовой. Там Вил стал потчевать Рэда чаем и рассказал:

– Посвящённые – это аборигены здешних мест. Мы – тоже Руди, но примкнувшие позже, переселенцы. Формально – все равны. Но Посвящённые всегда держатся особняком, предпочитают общаться преимущественно друг с другом. Они выполняют всегда задание правительства.

– Так назовём, что это особая каста, – уяснил себе Рэд. – А откуда они появились?

– По одной теории, перешли с Земли в очень древние времена, когда Земле угрожала опасность космического масштаба. А способность двигаться в четвёртом измерении у них была изначально. По другой теории, они зародились и развивались здесь, внутри Земли. Трудно сказать. Можно лишь сказать с уверенностью, что по закону – все равны!

– А физически они чем-то отличаются от нас? – Рэда грела мысль, что он зачислен в когорту какого-то особого общества.

– Они абсолютно владеют телепатией, телекинезом и прочими "теле". Они слышат, как разговаривают другие Руди, и в то же время могут селективно отключать мысленно эти разговоры для себя. Читают мысли. Мы тоже читаем некоторые мысли, но с трудом!

Главное, они не смешиваются генетически с переселенцами. Вернее, мы не ассимилируемся в их Стране, – закончил Вил.

– А в чём их работа?

– Ну, в данном проекте они ищут новые скопления планктона в океанах Земли, для пробной, а потом и промышленной его откачки на пищевые комбинаты Руди. Выполняют попутные задачи.

– Что это за попутные задачи?

– Например, мелкий случай – отключают программу мозга китов. Ведь киты это основные пожиратели планктона. Они лёгким движением мысли вырубает им участок мозга – и стая китов выбрасывается на берег, чтобы воду продуктами гниения не заражать. На берегу их растаскивают падальщики и перерабатывают в удобрение. Это исключительная мера применяется лишь для участков, где планируют откачивать планктон. Одно время практиковали применять для этого людей, втерев им идею заниматься китобойным промыслом. Но от этого больше вреда, чем от регулирования популяции китов, ведь раненные киты тонут и гниют у заборников планктона. Всем людям на Земле гринписовцы давно уже втирают идею не травить океаны. Ведь дело то того дошло, что под водой, в Тихом океане, стали испытывать термоядерные бомбы. Это надо же было додуматься!

– Объясните мне. Планктон качают же вместе с водой. Куда потом воду девают?

– Так воду качают и без планктона тоже! Всю её используют для охлаждения индукторов, которые вырабатывают энергию. А также для охлаждения помещений и технологических процессов, И вообще, для охлаждения всего, что надо охлаждать, ведь на глубине температура гораздо выше, чем на поверхности! Так же, как на Земле борются с холодом, устанавливая везде отопление, так у нас борются с теплом, его у нас излишек.

– А горячую воду куда?

Вил уже начал томиться: "Какой пытливый парень попался!". Он телепатнул своё недовольство Рэду и сказал:

– Ну, это же просто! Поднимают наверх. Образуются тёплые течения, типа Гольфстрима!

Рэд взмолился:

– Последний вопрос! Пообщаться с Посвященными, в принципе, можно?

– Да хоть сто тысяч общений! Только после того, как слегка общнёшься, он отфутболит тебя, чтоб больше не приставал! Это же не поп-звёзды на Земле! Они охрану не нанимают – поставят защиту и подходить к ним больше не захочешь! Ты лучше пообщайся с нашим биохимиком Оксом. Он умный мужик. Всё тебе достоверно поведаёт. Я же – дилетант во всех науках и инженер человеческих душ! – шуткой закончил Вил их диалог.

Неутомимый Рэд помчался на поиски биохимика Окса. Тот сидел в своей лаборатории в фортпике судна. Большая часть стены была выполнена из стеклоподобного вещества, но в отличие от последнего, оптически прозрачного на сто процентов, а уж о прочности и говорить не приходилось. Рэд быстро представился, он и в Земной жизни не был робким юношей, а здесь у него образовался какой-то нахрап. Ему радушно протянул руку красивый юноша, по возрасту не многим превосходивший Рэда:

– О-о-о! – приветливо протянул он руку. – Наслышан, наслышан! На капитана стажироваться направлен, как гласят слухи?!

– Так уж и на капитана, – засмутился Рэд. – Попробую через годик сдать на судоводителя! – скромно пояснил он.

– Похвально, похвально! Может быть, и под твоим командованием плавать придётся, – абсолютно без иронии произнёс Окс. – Чем могу быть полезен?

– Живой мир интересует, подводный мир!

– Ну-у-у... Это не по судоводительской части!

– Так это я вроде как хобби!

– Значит у нас родство душ? Чем смогу – тем помогу! – весь засветился приветливостью Окс. – Для начала садись в кресло, какое тебе больше нравится, устраивайся поудобнее.

Рэд долго, как цыган, менял кресла и каждый раз ему казалось, что следующее расположено лучше с точки зрения ракурса. Хозяину

лаборатории стало жаль своего нового знакомого, и он порекомендовал:

– В любое время можешь место сменить. Здесь, кроме меня, редко кто бывает. Правда, в этот рейс киношники с нами пошли. Так что пара персонажей ещё, возможно, будет.

– Что за киношники? – сразу среагировал Рэд.

– Да тебе это не интересно. Это более интересно, как экономическая составляющая, чем естественнонаучная.

– А что "экономическая"? – любопытство Рэда во всех направлениях зашкаливало.

– Как тебе сказать... Боевики, войны всякие перестали интересовать Руди. Уже как Руди мочат друг друга – не интересно. Вот киношники и удумали новый брэнд – про морских чудовищ. Сейчас эти чудовища сражаются, иногда с Руди, врукопашную.

– И что, артисты будут резать акул?

– На этой глубине акулы не водятся, больше кракены, октопусы и прочие гады. Но они более хищные, чем акулы! У киношников камеры установлены, внешние. Им главное, заснять облик этих чудовищ, а потом они с помощью компьютерных программ такие бои устроят, уже с участием Руди!

– А, в чём же экономика?

– Ну, киношники списывают деньги, вроде как бои снимались вживую и дают долю малую в наш флот. Заодно и от налогов уходят. Говорят, например: "Вот, мол-де, застраховали артистов от съедения их октопусами!" – а на самом деле страховые деньги переводят на разные левые компании.

Рэду после таких повествований сразу стало скучно. Он стал энергично переводить разговор на всяких обитателей моря:

– А что, где идёт разведка планктона, водится много осьминогов?

– Нет, но ради съёмок этих спрутов мы и пойдём в котловину, где они в данный момент обитают. Капитан знает те места. Всплывать будем возле Бермудских островов, а там недалеко и места обитания всех этих морских гадов. Средних и мелких, их везде полно.

Крупные же мигрируют. Выжрут котловину и перемещаются в другую.

– Что же, они стадом живут?

– Нет. Они, даже особи разных видов, только тусуются всегда вместе, друг за другом, как люди. Есть такое чувство – конформизм называется. Каждый завидует, что другой сожрёт кусок пожирнее. Вот и толпятся стаей.

– Ответь мне на вопрос. Почему тогда Руди не заготавливают этих гигантских моллюсков, китов, наконец! Это же биомасса!

– Так они же жрут друг друга от малого к большому. От этого концентрация ядов накапливается по восходящей! А планктон – он исходная субстанция, биологический чистый! Образован из микроэлементов и Солнца.

– А люди, они почему планктон не употребляют для приготовления продуктов?

– Людей для того и поддерживают Руди, стимулируют, чтобы они уничтожали пожирателей планктона!

– Как это, стимулируют?

– Просто. Возникает проблемка, сразу телепортируют одного-двух индивидов... Вотрут идею...

– Да-а-а... Как бы Циолковский в деревне догадался бы до ракеты?.. Там ведь даже библиотеки не было!

– То я и говорю. Всё регулируют. Вначале численность людей регулировали войнами, вирусами. Теперь принялись сеять в умах асексуализм.

– Это ещё что такое?!

– Тебе ещё рано знать! Давай, напрягайся! Вон уже подходим к пучине...

За стеклом по курсу "Джерфикла" всё чаще стали попадаться всякие осьминоги, медузы. В одну гигантскую медузу, размером с многоквартирный дом, фэн просто врезался и завяз. Пришлось давать задний ход, как орудует ледокол во льдах. Кальмары становились всё крупнее. Как пояснил Окс, начиная с некоторого размера – это уже зовётся "кракен". В лабораторию ввалились два киношника. Они вели

себя, как хозяева жизни, у Окса не спросили позволения войти, даже не поздоровались с Рэдом, разговаривали друг с другом, тыкали пальцем в сторону обзорного стекла и кричали, не слушая друг друга:

– Вон, вон! Красавец!!! Смотри, смотри! Захватил за лофофор!

Они были возбуждены до крайности, как дети играющие на компьютере. Рэду было неловко даже переспросить, что такое "лофофор", он решил не уподобляться возбужденным представителям богемы. За смотровым стеклом развивались действия, напоминающие последний бой Спартака с римлянами. Центральными фигурами были октопусы. Все их восемь рук были покрыты присосками и заканчивались когтями, которыми они захватывали проплывающих морских змеев, как самолловом ловят на Волге осетров. Вначале коготь впивался в тело гигантского змея, проделав в шкуре и теле дыру. Затем присоски, которые сплошь покрывали огромные, длиной десятки и диаметром несколько метров, щупальца намертво присасывались к телу жертвы. Когда октопус начинал рвать своим гигантским клювом жертву, от неё отваливались, а иногда и отрывались, куски плоти, которые захватывались чудовищами поменьше и растаскивались прочь от места схватки для поедания. Змей, ставший жертвой октопруса, даже будучи разорванный на несколько частей, продолжал быть опасным. Достать своего обидчика он не мог, поэтому он хватал замешкавшихся морских пауков и раздирал челюстями их компактные тела, отчего ноги пауков отваливались или отрывались в ходе схватки ракообразными хищниками. Отскакивающие мелкие куски поглощались губками. Остальные щупальца октопруса тоже не простаивали, так как этот хищник имел не один мозг, Другими щупальцами он хватал спешащих на пир гигантских кракенов – кальмаров величины трудно описуемой, размером с большой карьерный самосвал. Щупальца кракенов были толщиной с винную бочку, а свирепые глаза – как колёса грузовика! Клюв октопруса был занят поглощением кусков морского змея, который явно был деликатесом, поэтому он не спешил поглощать захваченных кракенов. И те в бессильной ярости, не имея возможности освободиться от смертельных тисков октопруса, хватали и поглощали спешащих на пир огромных моллюсков. Кишащие вокруг спруты, рискуя быть схваченные кракеном или самим октопрусом, всеми щупальцами хватали разлетающиеся куски

и спешили в близлежащие пещеры, где прятались после поглощения шматков плоти ради дальнейшего разрастания своего тела! Мелкие обрывки, мало интересующие хищников, падали как снежинки на дно, где исчезали в створках гигантских моллюсков, лежащих на дне. Муть, образовавшуюся из жидкости и плоти разорванного змея и мелких гадов, впитывали огромные медузы, плоть которых никого не интересовала, будучи эфемерной массой, не привлекательной для хищников. Вся эта кутерьма хищных тел рвала, хватала и поглощала друг друга.

Рэд быстро устал от созерцания этой живой мясорубки. Он вдруг вспомнил, что не рассказал Арсу о произошедшей в России перестройке, а потом приватизаций! Оторвавшись от просмотра природы для фильма, он поспешил в ходовую рубку, куда попал беспрепятственно.

Глава 5

В ходовую рубку "Джерфикла" Рэд переместился без приключений, хотя после увиденной картины подводных баталий – всех этих октоптусов, кракенов и морского змея, он находился в заторможенном состоянии. В переходах между отсеками он двигался как зомби, к нему кто-то обратился, встретившись на пути, но он не обратил на это внимания. В ходовой рубке царило время кофе-тайма, и все находились в благодушном настроении. Первый помощник Арса Бэд подтрунивал над киношным режиссёром:

– Ну, что? Намыли натуры? Теперь развезёте на компьютере серий на восемьдесят! Будете шинковать "капусту", как на кухонном комбайне! Рекламы навсаживаете туда, как бородавок на жабу. Да! Не забудьте на клювах кракенов написать про гигиенические прокладки!

– Бэд! Будь корректнее! – постоянно одёргивал его Арс.

Но тот, видя, как режиссёр и его помощник смущённо хрюкают какие-то оправдания, наседавал на них. Рэду, ничего не понимающему ни в кино, ни в экономике, был весьма интересен разговор, он даже к кофе не притронулся, тем более, он знал, что кофе делают тоже из водорослей. Он пытался вникнуть в речь Бэда, которая лилась уже как обвинение:

– А что! Взяли чёрные инвестиции у хапуг, теперь нарисуют картинок ужасов, отчитаются перед налоговиками: "Видите, какие мы сложные декорации построили и взорвали, устроили битву морского змея. Как трудно это было сделать!" А сами откатят половину средств инвестору чёрным налом, списав на зарплату актёров. Миллион за день съёмки!

– Ну, вы тоже не такие уж пушистые! Рейс за счёт народа, а вы с нас за заход на место гнездования чудовищ тоже не три копейки взяли. И тоже налом, больше половины!

Арс вмешался:

– Это не к нам! Мы за зарплату судовождением занимаемся! Что вы там в Управлении флота тёрли – не наше дело! И вообще, покиньте ходовую рубку! Сеанс окончен!

Киношники примирительно попросили не обижаться и всё такое, но из рубки всё-таки вышли и побрели в свой кубрик. Бэд продолжал разоряться:

– Вот, деятели! Полчаса посмотрели, как кракены сражаются, оператор один у них пашет, теперь пошли в карты играть весь рейс!

– А ты не лезь в чужое бельё! Тебе своих дел мало? А то я тебе прибавлю! – развернул на Бэда свои грозные речи Арс.

– А я что? Я ничего! Мне народные деньги жалко! Наснимают халтуры, потом из Министерства культуры бюджетные деньги качают!

– По поводу "качать", – переключил своё сознание Арс. – У тебя к пробной откачке планктона всё готово?

– А что ты ко мне? Стармех же отвечает за постановку откачки! Вот с Васа и спрашивай!

– Ты по уставу здесь отвечаешь за всё! Одинаково со мной, параллельно! Вдруг я завтра умру? Ты что, скажешь, что покойник во всём виноват?

– Капитан, кончай глупости молоть! Мы в море всё-таки! Не надо плохих слов говорить! Вон, рулевой аж чуть с курса не сбился!

– Не спекулируй рулевым! А твой стармех нам уже с аккумуляторами свинью подложил, не догрузил один комплект, в расчёте на резерв!

Рулевой матрос, который удерживал джойстик управления лодкой, молча ухмылялся, его забавляла перепалка командиров. Но он никогда не пересказывал разговоры командиров в матросской среде, и казалось, что ему эти баталии безразличны. Рулевой любил своего командира, как, впрочем, и Бэд, но в этом споре он внутренне был на стороне первого помощника. Он тоже считал киношников бездельниками и страстно желал, чтобы, если с их судном случится какая-нибудь морская передряга, чтобы киношники в ней немного поучаствовали!

Кстати, командира "Джерфикла" любили все. Эта была слепая, на религиозном уровне, любовь. Так в сектах любит своих преподобных отцов паства, ведомая законом конформизма. Были, надо сказать, и исключения, но Арса было за что уважать. Он был на

редкость мужественный и отважный капитан. За членов своей команды он стоял горой, часто в защиту матрос заявлял: "Тогда и меня увольняйте!".

А исключением был как раз стармех, который любил выпить, причём всегда. Если от него не исходил запах виски, значит, он чем-то удачно зажевал. В этот момент Вас, сохраняя свои неприкосновенные запасы, искал их у других. Внезапно спросил второго механика:

– Сер, спирт есть?!

– Дед! (На море некоторые должности среди команды имеют свои, вторые названия: капитан – кэп, стармех – дед, боцман – шкура...). Вот точно... нет ничего!

– Забожись! – вдруг вспомнил Вас своё блатное прошлое.

– Век воли не видать!

– Верю! – умиротворённо произнёс Вас.

Он последовал дальше, допрашивать остальных потенциальных владельцев

спиртного. Вас опасался, что владельцы заветного напитка втихаря всё выпьют, не пригласив его на свой банкет. Все технические стороны, за которыми он обязан был следить, его мало интересовали. Он так устал от всей работы и жизни вообще, что ему казалось: работа – она сама произойдёт, без его участия! Так оно и обычно и происходило, некоторые обязанности выполняли вторые помощники механика, что-то делалось в авральном режиме. Но всё это было как-то нерадиво и извращённо, и Арс давно подумывал о списании старшего механика. Неровён час – отбалластирует судно неправильно, и жизнь всего экипажа, да и сам "Джерфикл", окажутся под угрозой. Останавливала Арса только его природная любовь к людям вообще. При всей своей внешней суровости, в душе он был человек мягкий. В молодости, в моряцкой драке он, бывало, жестоко избивал противников, потом оказывалось, что это тем шло только на пользу. Избитые получали урок и в дальнейшем не лезли на рожон, где они могли бы получить смертельную рану. Арс и Рэда взял под свою ответственность, хотя многим рисковал при этом. Своих родных детей от жены-Руди он как-то не понимал. Это была ответная реакция

его души на их непонимание. От душевного вакуума у него всё время пылала в душе тоска по прежней, земной жизни. Его память плохо стёрлась, что нередко бывало с переселенцами, если они не были выкрадены Посвященными, а телепортировались в результате какой-либо катастрофы. И, хотя здесь, в Стране, была его семья, которой он в земной жизни не обзавёлся, любимая работа, старый лидерный фэн, – он тосковал по матери, брату.

Но вот теперь брат был здесь, и Арс мог заняться его подготовкой. Передать ему всё искусство, которым он овладел в течение всей своей жизни – искусство судовождения. В этих условиях оно отличалось от земного, где надо было знать лоцию и навигацию, да ещё кое-как международное право и устав. Фэн в критической обстановке, несмотря на то, что он уже был лидерный, мог даже телепортироваться в нижний Космос. Если энергии в аккумуляторах было достаточно и рядом был червячный переход.

Рэд стал одолевать Арса сразу грудой вопросов:

– Почему Руди не заготавливают в качестве провианта кракенов, гигантских моллюсков и прочих осьминогов-гигантов?

Арс устало в который раз объяснял:

– У них в мясе после поедания себе подобных накоплено столько всяких нуклидов, дуста и прочих фенолов, что это не белковое тело, а аккумулятор ядохимикатов! Ты думаешь, что на Земле ты съедаешь стейк и приносишь себе пользу? Очень ошибаешься. За время подготовки к биологической войне человечество накопило столько антибиотиков! А от антибиотиков стремительно растёт мышечная масса. Вот мясопромышленники и догадались. Скупают со складов эти таблетки и кормят животных. Те пухнут от этих таблеток, а эти лекарства по биологической цепочке потом передаются в организм человека!

– Ну, нет... – не унимался предприимчивый Рэд, – всё-таки такое количество деликатеса пропадает!

Здесь в разговор вмешался подошедший следом биохимик Окс. Он решил просветить Рэда не дозированно, а "как ушат на голову":

– Ты просто не знаешь. На больших глубинах, на нескольких тысячах метров, во всех океанах существует ещё одна цивилизация.

По развитию даже ниже человеческой. Этакие человеко-рыбы, типа, как их называют люди, русалки. Вот они- то и поедают эту гадость. Они – просто охотники. Но иногда и на фермах этих моллюсков содержат. Я сам видел, как одна сирена ловила морских змей на наживку, на крючок наживляла людей, утопленников. Один лайнер затонул, и они разобрали трупы на наживку.

Здесь Арс не выдержал и стал прикручивать Окса:

– Кончай свои натуралистические гадости говорить! Привыкли у себя на учёбе потрошить трупы, думаешь другим это тоже в кайф?

Окс замолк, и Рэд не мог от него больше ничего добиться. Тогда он стал доносить старпома Арса:

– А как они там живут? У них тоже корабли?

– Да живут, как люди в средние века. Дворцы у них там, пирамиды. Бронзовый век, в общем.

– Так что же их люди не видят? Ну, после их случайной гибели, допустим. Вынесло, скажем, кого-нибудь на берег?

Здесь вмешался Арс:

– Вот людей после случайной гибели не выносит же в стратосферу!

– А что же Руди-то не общаются с людьми? Помогли бы им!

– Так помогают, – вмешался циник Окс. – То эпидемию им подкинут, то мировые войны, то фашизм. Регулируют популяцию.

– Это не гуманно! – неожиданно для себя выкрикнул непривычное слово Рэд.

– А люди регулируют популяции ворон, волков! Всё гуманно! А мы людям подкидываем идеи с революциями, перестройками. Люди сами определяют свой выбор. Мы даже не провоцируем их. Всё идёт своим чередом!

Здесь Окса перебил вновь Арс:

– Ты кончай парню голову канифолировать! Иди, пиши отчёт про своих монстров. Сколько весил тот октопус?

– Триста сорок две тонны. Морской змей тоже был двести восемьдесят, но этот клювастый хищник разорвал его на ужин, как

собака колбасу! Другим тоже ошметки достались! Хотя это не самый большой экземпляр был, но киношники довольны!

Рэду эти прозектурные подробности были неинтересны, он стал пытаться Арса про червячные переходы:

– Арс, а Арс! А почему фэн может телепортироваться только по червячному переходу?

– Ты плохо внемлешь сказанному! Перейти он может в любом месте, но с квадратичной затратой энергии. Энергия – она не дармовая! Ещё Посвящённые её тратят, и дисколёты, когда в разведку ходят к землянам кого-нибудь выкрасть или идею кому втереть про новые технологии. У них программа, задание правительства. Они перед нами не отчитываются, дают команду, допустим: "Уничтожить подлодку атомную!" и устраивают в ней маленький взрыв, например, топлива в торпеде.

– А зачем? Ведь лодки людей не ныряют глубоко, не мешают даже сиренам!

– Ты спроси Посвящённых! Наверное, когда наиболее инициативный командир лодки проявляет лишнее любопытство, или команда раскрыла нашу экспедицию, о чём-то догадываются, допустим...

– А червячный переход, он для всех доступен? Что это вообще такое? – мысль Рэда скакала, и он задавал вопросы, как следяки на перекрёстном допросе.

– Червячные переходы существуют со дня сотворения Земли. Это, вроде как, бутылка Клейна. Ты знаешь про бутылку Клейна?

Рэд не успел ответить.

Арс, который во время разговора участвовал в управлении лодкой, вдруг дал команду по внутреннему переговорному устройству:

– Приступить к постановке пробных откачивающих насосов!

Вся команда "Джерфикла" зашевелилась, отовсюду слышались рапорты об успешно выполненных операциях. Последним доложил оператор планктонового насоса:

– К пробной откачке приступил!

Арс обратился к Рэду:

– Ты сейчас меня не беспокой. Наблюдай. Я, по возможности, буду комментировать. Эта часть операции самая рискованная. Для оперативности при пробной откачке не ставят завесу невидимости, и с кораблей на поверхности океана люди могут увидеть наши "колёса", они крутятся под водой светящимися огнями и очень привлекают моряков. Был случай, когда один ретивый служака закидал наших разведчиков планктона глубинными бомбами!

Ходовая рубка наполнилась отрывистыми командами. Рэд быстро настроился на общую деловую волну. Он пока не все термины понимал, но по общему умиротворяющему настрою деловых переговоров по внутренней связи "Джерфикла" в общем видел, что вся процедура разведочного забора планктона в водах океана землян идёт без особых отклонений от нормальной технологии. Такое понимание смысла бывает, когда собеседник не до конца понимает иностранный язык, но общее направление беседы улавливает.

Когда откачка пробы, как чувствовал Рэд, была в самом разгаре, вдруг раздался тревожный голос наблюдателя-сигнальщика:

– Замечена атомная подводная лодка землян!

Ранее, лишь через строго определённый интервал времени сигнальщик вмешивался и докладывал, что во внешних водах всё нормально, теперь же он перебивал голоса старших по званию резкими репликами:

– АПЛ над нами, интервал тысяча метров... девятьсот метров!.. Первый помощник ровным успокаивающим голосом прокомментировал:

– Спокойно! Его глубина погружения не позволит приблизиться к нам. Вся обстановка под контролем!

Но общая тревога на борту фэна нарастала. Очевидно, всех преследовало предчувствие чего-то плохого. Это предчувствие умножалось и суммировалось при распространении тревожного сигнала среди членов команды. Но вот, перекрывая общий информационный обмен, вмешался высокий, без интонаций и тембровых окрасок, голос. Рэд понял, что к разговору подключился Посвящённый:

– Они нацелили на нас торпеды!

Арс среагировал мгновенно, следуя расписанию по тревогам:

– Сбросить всё навесное оборудование откачки! Перевести его в режим

невозможности всплытия! По возвращению дисколётов срочно уходим на базу! Здесь Рэд не выдержал и высказал очевидную догадку:

– Посвящённый предупреждал с дисколёта!

– Он там не один и не на одном дисколёте!

– А оборудование откачки? Ты его бросишь в океане?

– Мы вернёмся и легко найдём его по маякам. И вообще, перестань мешать мне своими вопросами. Нашёл время! – взорвался Арс.

– Я же для обучения, – обиженно пробормотал Рэд. – Подумаешь!..

Через несколько минут посыпались доклады: "Все, кто вписан в судовую роль, уже на борту! Все члены экипажа в комплекте! Все дисколётчики на борту!"

Арс скомандовал экстренный отход и через несколько минут докладывал на базу:

– Из течения Гумбольдта ушли. Мы в безопасной зоне наших внутренних наших вод. Оборудование временно оставлено в стриме Перуанского течения.

Неугомонный Рэд осторожно спросил:

– Так мы были возле Перу?

– Не Перу, – раздраженно прервал его Арс, – а Перуанского течения, или его

ещё называют течение Гумбольдта! – в этот момент Арс, позабыв о Рэде, прокричал стармеху, – Вас, доложи о запасах энергии!

В ответ длилось долгое молчание, потом прерывистый голос Васа, с протяжными "м-м-м..." и "э-э-э..." – между фразами, доложил:

– Номинальный запас энергии аккумуляторов почти израсходован! Через короткое время перехожу на резерв!

По выражению лица Арса Рэд понял, что если бы они сейчас находились среди земных людей, то Арс изрыгал бы только совсем нецензурные выражения. Но Арс только произнёс:

– Вот тебе Вас, и твоё "энергии хватит, в прошлый поход было с избытком"!

– Ну, – оправдывался стармех, – раз на раз ведь не приходится!

– Тебе "не приходится", а мне за сорванный рейс теперь отписки составлять несколько дней! Если бы ты побеспокоился о лишнем аккумуляторе вовремя, сейчас бы вернулись и работали! – потом он объявил по общей связи:

– Возвращаемся на базу вне графика! Оборудование готовить к осмотру инспектирующих лиц!

Вскоре "Джерфикл" отшвартовался в своей гавани. Инспекторы быстро составили необходимые при срочном возвращении судна документы, пошушукались с "серенькими" Посвящёнными. После их недолгого совещания поступила команда о стоянке под погрузку новых запасов, всего необходимого для дальнейшего похода. Членам экипажа, не стоящим вахту, было разрешено нанести визит в свои дома. Арс и Рэд тоже поехали на отдых, но ещё по пути домой Арсу поступил вызов в штаб. Он быстро принял решение по поводу Рэда:

– Есть у нас база отдыха – поедешь вместо меня. Вот тебе карточка набора услуг. Там меня хорошо знают, я сообщу, что ты будешь релаксироваться вместо меня!

– Так как же я туда доеду?

– Я выйду у штаба, ты возьмешь этот мой кар, – предвосхищая дальнейшие вопросы Рэда, Арс продолжил. – Я наберу код базы отдыха на круиз-пилоте. Он тебя доставит до места, парковщик там его примет, а назад – нажмёшь кнопку "возврат действия", поставишь коррекцию "дом" и приедешь назад завтра. Пора тебе привыкать действовать самостоятельно, не буду же я тебя всю жизнь за руку водить!

Рэд даже с радостью воспринял такое предложение. Кар был предметом его восхищения, настолько тот плавно, бесшумно и

быстро перемещался по дорогам города! Он даже попросил разрешения и самостоятельно набрал код пилот-круиза, выбрав в предложенном списке пункт назначения "база отдыха". На прощанье, прежде чем Рэд нажал сенсор "старт", Арс напутствовал своего бесшабашного брата, видя бесовский огонёк в глазах того:

– Заблудиться не бойся, линейная служба здесь работает, как служба швейцарского банка!

Но Рэд уже не слушал его, он мечтал: "Куда бы ещё смотаться, чтобы поездка проходила дольше?"

Вопреки всем его мечтаниям, через несколько минут он был у ворот базы. Рассудительный Арс, привыкший экономить энергию, ездил в щадящем режиме. Рэд же "газанул", как стрит-рейсер в последний раз!

Разместили его быстро. База отдыха представляла собой систему кемпингов и большое административное здание у входа на территорию базы. Что отличало эту базу от земных кемпингов земных – это отсутствие всяческих подсобных помещений, каких-нибудь сарайчиков, прачечных и других малопонятных по назначению вагончиков, в которых на Земле жили малопонятные по функции люди. Но там можно было догадаться, что это родственники дирекции базы отдыха. Здесь такого не было, всё существовало функционально и лаконично. Ничего лишнего. Только этот фактор напоминал Рэду, что он находится внутри литосферы.

Коттедж, куда его поселили, был на два крыльца, два входа с противоположных концов. Получалось, что за стенкой жил сосед. Вскоре на общем крыльце он с ним познакомился. Соседа звали Эдди. Он был очень коммуникабельный, доброжелательный Руди. Как он представился, по профессии он – морфолог. Что это такое, Рэд не знал, а спросить было неловко. Он лишь сделал выражение лица, которое обозначало: "О-о-о! Это круто! Я очень уважаю морфологов!"

На самом деле Рэд подумал, что это такой учёный человек, который знает всё! Поэтому, сразу признавшись, что он недавно прибыл с поверхности Земли, стал заваливать нового знакомого ворохами вопросов. Эдди, будучи деятелем науки, которая предполагает уединение, очень истосковался по простому общению.

Поэтому он очень охотно отвечал на любые вопросы Рэда. Ответы его, порой, были на уровне догадки, так как он сам плохо знал суть причин, до которых пытался докопаться Рэд. Диалог их был сумбурным, но тренированное сознание Эдда выдерживало всякие перескоки.

– Как так получается, что мы находимся внутри камня и его не замечаем? – вопрошал Рэд.

– Да так же, как люди не замечают сопротивление воздуха, тумана. Не различают, находясь в горах, когда перешли из зоны тумана в зону облаков.

– А как же температура, давление?

– Ты сразу же был переведён в другое измерение. Более того, ты не спрашиваешь главного. Параллельно с тобой, рядом с тобой, существует другая жизнь. Тысячи, миллионы других людей, животных, растений. Ты их не замечаешь, но они рядом с тобой, внутри тебя. Иногда пути пересекаются, и ты можешь встретить человека, с которым дружил много лет тому назад, а он будет в том же облике. Или встретить своего сына, который родится через много лет, и ты его увидишь уже подростком! Эти возмущения называются интерференцией, но природа их не до конца исследована.

– Так что же люди делают на поверхности! Зачем их посылают туда?!

– Только с одной целью. Узнать, по какому пути идёт развитие сознания индивида, а потом растасовать его в нужный слой эпохи. Здесь, внутри, можно попасть в среду инков, майя. Или попасть в средние века, с тебя могут содрать кожу или посадить на кол!

– Как это – "посадить на кол"? – опешил Рэд.

Воображение Эдда было натуралистическим, и он взахлёб стал рассказывать: – Представляешь, у наказуемого надрезают чрево, возле ануса...

– Какое чрево? – удивился Рэд. далёкий от знания анатомии.

– Ну, делают колоректальный надрез!

Рэд, сраженный "до упора", замолчал, а Эдди продолжал возбуждённо:

– За ноги наказуемого привязывают верёвки, тянут за них "на диагональ". Осиновый кол смазывают бараньим жиром и колотушкой вбивают в разрез, между копчиком и кишечником! Потом, когда кол хорошо укрепится внутри, начинают поднимать, подтягивая за верёвки. Затем кол вкапывают в землю, и наказуемый сидит на колу несколько суток, пока не умрёт от заражения крови или отсутствия воды, там, к примеру!

Восклицание "там" было произнесено Эддом, как слово паразит, как сорная добавка к тексту. Но это отрезвило Рэда, он вдруг ясно понял, что это "там", а не "здесь", и ему ничего не угрожает!

– А-а-а!!! – радостно завопил он. – Так это "там"! И мы это никогда не увидим!

– Пойми! – увещевал Эдди. Это может быть здесь, сейчас! – он протянул руку, указывая на ближайший куст. – Но это в другом измерении.

– Нас это волновать не должно! – убеждённо воскликнул Рэд. Он продолжил опрос. – Так, а зачем же горячую воду качают на поверхность Земли?

– Отводят тепло. Раньше, несколько веков тому назад, потребление энергии было гораздо меньше. Индукторы в столь большом количестве установили чуть более полувека назад. Вот и стали отводить больше воды для охлаждения. Теперь поверхность Земли нагревается. Тоже проблема! Пойми, чем больше воды откачивают, тем больше энергии для насосов требуется! На индукторах аварии учащаются. Происходит выброс энергии и на Земле, это проявляется в виде извержений вулканов и землетрясений. За ними, как следствие, идут цунами и разные торнадо.

– Так планктон всё равно качать надо! – проявил свою осведомлённость Рэд.

– Надо-то надо... Только его откачивают больше, чем требуется. Происходит девальвация продуктов питания, они становятся доступнее, и Руди уже не борются за выживание. Баланс нарушается, Руди становятся ленивыми, склонными к веселью. Планктона так много, что из него уже биотопливо делают. Для ретро- машин. Для забавы!

– А где эти машины? – переспросил Рэд, его захлестнула волна ностальгии.

– Если хочешь, завтра можем съездить на экскурсию. Это включено в пакет отдыха.

– У тебя есть кар? – озабоченно спросил Рэд.

– Кар-то есть. Только он не требуется. Путешествие ведь ретро! А пока пошли на дансинг!

Свежеиспеченные друзья, даже не поужинав, потянулись в сторону парка, где уже звучала музыка. На пяточке за деревьями, покрытом каким-то композитным материалом, имитировавшим древесину, выплясывали несколько разрозненных групп. Остальные участники танцев теснились по периферии пяточка, исподволь поглядывая на танцующих.

– Так, наверное, во все века и во всех измерениях! – невольно подумал Рэд.

Они с Эдди "устаканились" в карманчике между лавочкой и группкой дамочек и стали тоже наблюдать за танцующими. Внимание Рэда привлекла одна молодая особа, которая выплясывала отдельно от других, сама по себе. Лет ей было не мало и не много. Как бы старше Рэда, но ещё не "тётя". Фигура у неё тоже была подходящая – Рэд ужасно не любил дамочек, находившихся в пограничном с анорексией состоянии. Приплясывая на ходу, Рэд двинулся к одиноко танцующей дамочке. Совместно танец у них получился более зажигательный, чем порознь. Они восприняли друг друга как партнёры по танцу, и вскоре Рэд отрекомендовался:

– Мэд! – неожиданно для себя искажил он своё имя.

Так было принято среди всех пацанов – не говорить истинную фамилию и имя, с заделом на будущее: "Вдруг будет искать для претензий по алиментам?" В советские времена, чтобы для государства не было обузой платить пособие матери-одиночке, достаточно было указать на перспективного в плане работы партнёра, и суд принимал молниеносное решение. Бедолага платил, как "медный котелок", восемнадцать лет за семена, которые он не сеял!

– Мэй! – неожиданно ответила партнёрша по танцу.

Рэду даже в голову не пришло, что она врёт так же, как и он! Через пару минут совместного размахивания руками и выделывания ногами кренделей, Мэй неожиданно предложила:

– Пойдём сходим в кемпинг, курить охота страшно!

– Пойдём! – либерально согласился Рэд.

В кемпинге Мэй они уселись на широкий топчан, (иначе эту странную, широкую и жёсткую кровать назвать было невозможно), и стали курить в сумерках. Со времён больницы, с первого дня своего пребывания среди Руди, Рэд впервые видел курящую особу женского пола! В больнице курили все медсёстры, прямо на рабочем месте, но больных гоняли, даже если те шли по коридору с сигаретой. Сам Рэд никогда не курил, и на "Джерфикле" курящих не было, даже анонимных! Курящая женщина – это было так непривычно для Рэда, что стало его как-то возбуждать. Он приблизился к Мэй, и через мгновение они стали целоваться. Мэй при этом не гасила сигарету. Она сказала:

– Я сейчас! – и прямо с сигаретой удалилась в душевую кабинку.

Из кабинки она вышла уже без сигареты и без одежды. Рэд стал судорожно раздеваться, его всего трясло от возбуждения. Наконец, они слились в поцелуе...

Когда всё закончилось, Рэд очнулся. Он вспомнил, что забеспокоило его, когда Мэй пошла в душ: по всей комнате были развешаны и разбросаны мужские вещи. Возможно, одежда девушек здесь подходила под разряд унисекс, но размер кроссовок и трусы-боксеры были явно мужского размера. В паузе между поцелуями Рэд спросил:

– Ты отдыхаешь вместе с братом?

– А-а-а! – вдруг рассмеялась Мэй, – это вещи моего мужа! – махнула она рукой в сторону разбросанных брюк и маек.

В голове Рэда шевельнулось подозрение. Он уже попадал в ситуации, когда жена, желая отомстить мужу за что-либо, приводит в дом первого попавшегося любовника. Скоропостижность их с Мэй романа очень подходили под данную ситуацию. Рэд отчётливо понимал, что в такой ситуации, при таком раскладе любовного

треугольника, он явно попадает "на буфер". Это как в вологодской деревне. Когда разгулявшиеся сельчане идут друг на друга стенка на стенку. А какой-нибудь случайный гость, приезжий, пытается разнять, как ему кажется, разлюбленных друзей. Он отчётливо помнил, что это были милейшие люди, и в пьяном умилении они целовались друг с другом. Приезжий пробует разнять дерущихся кусками заранее припасённых оглобель, при этом бедолаге достаётся больше всех. Позже, когда пострадавшего отпаивают брагой и обкладывают капустными листьями от ушибов, ему примирительно и назидательно говорят:

– Это ты, браток, между стенками попал! Самое несчастное это дело!

В голове Рэда роилось самое опасное предположение, что муж на танцах, сейчас, в данную секунду, заканчивает тур танца и завалится в кемпинг, чтобы уличить распутную жену. Та будет произносить мстительные восклицания, типа:

– Ага! А как ты, в прошлый раз?

Мстительный "Отелло" будет месить соперника огромными кулаками, вкладывая всю ненависть всех на свете обманутых мужей, доставшуюся ему и воплощённую (в испуганном воображении Рэда), в могучее боевое тело...

Так вот, опасаясь, что он попадёт "между стенками", Рэд воскликнул вопросительно:

– А где же этот самый муж?

Мэй спокойно ответила:

– Уехал с дружками пить эль. Сегодня какой-то важный для них матч транслируют!

Это спокойное заявление не прибавило потенции враз охладевшему либидо Рэда, и он стал поспешно собираться со словами:

– Меня ещё товарищ ждёт! – в его испуганной голове рисовался образ Эдда, весь искажённый мучительным ожиданием, Это образ казался Рэду спасительным.

– Все вы мужики такие. Сделали своё дело и в кусты!

Вдруг в голову Рэда пришла неожиданная мысль: они с Мэй никак не предохранялись! Он вдруг подумал, что Мэй хочет завести ребёнка, а муж её не способен это сделать, вот она и выбрала его, Рэда, в качестве донора. Он резко спросил её:

– А ты не забеременеешь после нашей встречи. Ведь мы не предохранялись? На что Мэй ему спокойно ответила:

– Женщины Руди беременеют, когда этого сами хотят. И только не от партнёра. Приходишь в женскую клинику, описываешь, каким бы ты хотела видеть своего ребёнка, и тебе это удовольствие устраивают!

– И что? Всегда выходит, как задумала?

– Нет. Всегда выходит, как необходимо сейчас народу Руди.

– Так взяла бы, и понесла от Посвящённого!

– Посвящённые размножаются совсем без женщин. Они плодятся чисто в пробирках. Без участия матерей. В инкубаторах. Там же им делают и запчасти. Сердце, там, или почки. Что надо для пересадки, то и выращивают.

– А для Руди не выращивают?

– Ох! Да надоел ты мне своими вопросами! Иди уже к своему товарищу. Может, он тебя поцелует!

На эту реплику Рэд совсем обиделся и, не попрощавшись, хлопнул дверью. Эдди стоял на крыльце их кемпинга, в той же позе, что и днём.

– Добрый вечер! – начал разговор Рэд. Он сделал вид, что не бросал нового знакомого в "дансинге"

– ...Добрый! – откликнулся Эдди, – Если завтра поедем на экскурсию, как они её называют "сафари", надо уже ложиться спать. Вставать придётся рано!

На том и порешили. Через двадцать минут Рэд спал сном праведника. Он уже забыл о своих страхах насчёт мстительного мужа. Ему виделся сон, как на широкой супружеской постели его терзают три разгорячённые морячки, а ему ужасно хочется есть. Морячки же предлагают ему лишь коньяк и пальцы их пахнут общепитовскими пирожками, зажаренными в многодневно используемом масле. Рэду

очень хочется отведать этих общепитовских пирожков, но пакет из под них оказывается пуст!..

Рэд в разочаровании проснулся, за окном была ночь. Чтобы пробуждение было не впустую, он сходил "на горшок" и попил воды из кулера. Всё-таки вода в этом мире была чертовски хороша! Он ещё в первые дни пребывания восхитился её вкусом, хотя она была так чиста, что о вкусе было говорить абсурдно. Ему любезно объяснили, что воду опресняют из океанической. Набрав на кулере любой задуманный вкус, можно было отведать минеральной, ключевой, из горного водопада, и даже со вкусом болотного озерца воды! С этими мыслями Рэд вновь уснул сном праведника. Никакие разгоряченные морячки ему больше не снились, плоть его присмирела, и он вновь открыл глаза лишь разбуженный призывными окликаками Эдда:

– Сосед, на сафари не раздумал ехать?! Я ведь только из-за тебя намереваюсь на эту экскурсию!

– Нет! Нет! – спросонья кричал Рэд. – Вернее, да, не раздумал!

Он быстро умылся, побрился хитрым прибором, который удалял щетину, если им вести вдоль щеки. При этом он, вроде, не оказывал никакого абсолютно воздействия, но кожа после его применения становилась гладкой, как шёлк!

С этого прибора Рэд и начал новую атаку на морфолога:

– А прибор не вреден для щетины! Вдруг после него борода расти не будет? Или наоборот, начнёт расти, как у зверей?

– Каких зверей? – стал уточнять Эдди.

– Это я так просто! – закончил свою атаку плохо проснувшийся Рэд.

Они уже подходили к административному зданию, в котором находился пункт

питания. В столь ранний час в нём не было даже обслуживающего персонала. Они подошли к дверкам высоких холодильников и набрали себе каждый, чего пожелал. Эдди взял какой-то странный салат, напоминающий сине-зелёные водоросли, а Рэд взял дюжину сваренных вкрутую яиц. На что морфолог отвесил реплику:

– Столько яиц вкрутую с утра – не вредно ли для здоровья?

– Так я только белки съедаю, желтки выбрасываю! На халяву же!

– Так ты разломи яйцо-то!

Рэд разрезал яйцо – желтка в нём не было!

– А где желток? Сорт такой курицы несут?

– Ты же подумал, что желтки есть не будешь, вот автомат тебе и выдал безжелтковые!

– Классно! – вскричал Рэд, – А то я желтки страх как не люблю! Мне всё кажется, что это жёлтенький цыплёнок!

– Я предпочитаю пищу более здоровую, чем твои яйца! – промолвил Эдди. Запили они свою трапезу кофе, причём Эдди предпочёл напиток без кофеина.

Вскоре, миновав несложную пропускную систему административного здания, они оказались на улице, по которой Рэд приехал в профилакторий. Он спросил своего провожатого:

– Так в чём же фокус? Я здесь уже был и никакой дикой природы здесь не видел!

– Так, фокус он и есть фокус! Чтобы попасть во внешний мир, необходимо спуститься под поверхность улицы! Оттуда выход в искомый нами мир!

"Вот чудеса!" – воскликнул про себя Рэд, – "Из подземелья – в подземелье!"

Но комментировать не стал, а последовал за Эдди в малоприметные воротца. Лифт смайнал их относительно неглубоко, сообразно с ощущениями. Через мгновение они оказались в просторном ангаре без всяких изысков и архитектурных украшений. В легко огороженной кабинке девушка-служащая, считав их карточки, быстро указала:

– Вам в девятый терминал!

По движущемуся тротуару Эдди с Рэдом легко нашли его и Рэд, увидев транспортное средство, на котором им предстояло путешествовать в этот день, воскликнул:

– Ну и тарантас!!!

Глава 6

Экипаж, на котором предстояло путешествовать, ничем, ни одной линией, не напоминал кар, на котором уже привык перемещаться Рэд. Этот "дредноут" скорее напоминал артиллерийский тягач, который Рэд видел в детстве, когда они проникали на запретную территорию воинской части, что стояла неподалеку от городка, где он вырос. Транспорт, на котором предстояло передвигаться, являл собою гусеничную машину приличных размеров. Материал, из которого был сделан корпус машины, чем-то напоминал корпус космических ракет. Рэд спросил:

– Как зовётся этот мастодонт?

– ГТТ – "гусеничный транспортёр туристический". Кроме транспортной функции, он несёт начинку, которая защищает его ездовых от внешнего воздействия.

– Что это за "внешнее воздействие" может быть?

– Ну-у-у... Всякое разное! – уклончиво ответил Эдди.

Рэд знал, что он человек воспитанный, лишнего говорить не будет, поэтому решил, что время само покажет! Они забрались внутрь ГТТ, там оказалось довольно комфортно. Рэд подумал: "Жигуль" или "Волгаш" – отдыхают!" – а вслух сказал:

– А ты умеешь управлять этим тарантасом?

– Да, для этого приходится даже специальные курсы проходить. Вот для кара курсов не надо. Он адаптирован к поведению человека.

– Это как в деревне на телеге с лошадей ездят с малых лет!

– Да, ты прав. Примерно так! – ответил либеральный Эдди.

И он запустил двигатель. Внутри в утробе ГТТ что-то зажужжало, и Рэд

обратил внимание, что сзади появился дымок. Его сердце сжалось от воспоминания, когда они во дворе дома в детстве заводили "мёртвый" мотоцикл, и запах бензина будоражил душу! Он спросил:

– Почему же ГТТ не работает, как кар?

– В городской черте везде поля энергии, благодаря полям кар и ходит. Мы же едем в Дикое поле. Там даже архаичного электричества нет!

Воображение Рэда стало отказывать. Человек быстро привыкает к хорошему, поэтому Рэду стало абсолютно всё равно, куда его повезёт Эдди...

ГТТ в скором времени быстро вырвался из подземного тоннеля, и взору Рэда открылись бескрайние поля сельхозугодий. Большинство из них было не вспахано, не обработано и они являли вид заброшенных залежных земель. Дорога, которая уходила из-под гусениц ГТТ, представляла собой остатки какого-то шоссе. Предположительно, раньше это была какая-то федеральная трасса, но со временем она превратилась в пологую канаву с кусками асфальтобетона на дне, который перемежался лужами, наполненными грязевой жижей. Но вот вдалеке показалась какое-то поселение. Оно было образовано стайкой перекошенных строений, там и сям были разброшены раскулаченные сельхозмашины. Или вернее, то, что от них осталось. Реанимировать такой металлолом можно было лишь в буйной фантазии, чисто мысленно! Возле какого-то агрегата, из мощной станины которого выпячивался огромный цилиндр с набалдашником-шишкой на самом верху, стоял мужчина в одежде, которая никогда не знала стирки. Комбинезон удерживал большой живот, который просто рвался наружу, как ракета в Космос! Позади мужчины стоял гигантский, ещё более живописный агрегат, настоящее нагромождение деталей, вообще не поддающийся описанию!

– Это что за аппарат такой? – замороженно спросил Рэд.

– Лобогрейка! – отмахнулся Эдди.

Не в силах осознать, что же это такое – лобогрейка, Рэд вышел из ГТТ следом за своим экскурсоводом.

– Здравствуйте! – радушно улыбнулся навстречу им мужик в грязном одеянии. И, даже не дослушав ответное приветствие, сразу стал клянить топливо:

– Отлей малость горючки из своего аппарата!

– Так я даже не знаю, где у него заправочное отверстие!

Мужик воспринял такой ответ, как приглашение к торгу. Он стал сулить самогон-первач в обмен на горючее. Рэд выразил сомнение, что переливать горючее из ГТТ в такой монстр всё равно, что морское судно заправлять из мотоцикла. Столь несоизмеримы были агрегаты. Но Эдди успокоил Рэда:

– Ему только лишь в горелку наше топливо надо. Чтобы разогреть эту голову цилиндра, а сам агрегат работает на свином жире, что ли... Или ещё на каком-нибудь жиру.

– А что этот агрегат делает?

– Да молотилка это, зерно обмолачивает!

"Ну и дела!" – обескуражено подумал Рэд.

– Так, хозяин, – наседали мужик, – Я тебе овощей дам, наших, экологически чистых!

– Не нужны мне твои радиоактивные овощи! Бери топливо за так, если сможешь, только не поломай тут ничего!

– Не-е-е! Не извольте беспокоиться! Я сейчас, я мигом!

Мужичок с необыкновенной ловкостью для своей комплекции открыл капот ГТТ и прямо топливным насосом накачал себе в горелку топливо, отсоединив для этого шланг. Затем он с такой же ловкостью восстановил всё обратно и занялся своим чудо-агрегатом. Он распалил горелку, которая гудела, как реактивный двигатель, и стал греть голову цилиндра. Рэд, охочий до техники, стал у него допытываться:

– И что, дружище! Чтобы он работал, надо всё время его греть?

– Зачем? – воскликнул мужичок. – Башку вначале греешь, а потом он сама работает. От своего нагрева!

Мужичок не то разговаривал с акцентом, не то просто был косноязычен. В общем, речь его была сильно искажённой. Тем временем процесс нагрева "башки" завершился, и мужичок, не отстраняя горелку, стал, отчаянно натягивая ремень приводной ремень, подводить поршень под сжатие, И вдруг Рэд заметил, что на стрелка маховике указывала вращение в противоположную сторону, чем в ту, в которую тянул мужик. Рэд возбуждённо прокричал:

– Э-э-э! Не туда крутишь!

– Правильно кручу, – отозвался мужик. – Заводить надо в противоположную сторону!

Вдруг эта грандиозная машина издала хлопок, похожий на выстрел артиллерийского орудия, и маховик стал вращаться в нужном направлении, испуская громкие пуканья из отводной трубы. Стоять рядом стало совсем невозможно и гости начали поспешно прощаться. Мужичок, совсем возбудившись от яростной работы своей машины, махая руками, делал им какие-то знаки. Их можно было истолковывать как угодно: и радость, и благодарность, и приглашение приезжать ещё. Рэд спросил Эдди:

– А что, они здесь всё время живут? У него есть семья? Его что, в город не пускают?

– Да семья-то есть. Их таких много живёт, среди заброшенных полей. Мы их латифундистами зовём.

– Так что? – не унимался Рэд. – Их в город не пускают?

– Да пускают, пускают! Они и жили раньше в городе почти все. Потом началось течение латифундистов. Им кто-то уронил в головы идею, что есть пищу из планктона смертельно вредно. Надо, дескать, выращивать экологически чистую сельхозпродукцию. Вот они и подались, сердешные, по полям. Я думаю, их всех греет мысль, что они владеют какими-то землями и впоследствии станут чуть ли не королями!

– Да, в твоём предположении что-то есть!.. – задумчиво сказал Рэд. – А как же они лечатся, учатся?..

– Учатся – никак. А лечатся всякими травами, корнями. Как шаманы. Но им от этого хорошо! У них есть знатоки этого дела, знающих рецепты всяких примочек, настоек, и их за это ценят... О! Вон смотри, на траверсе ещё один киббуц!

Вдали за полем виднелись ещё одни постройки. Там вился дымок, но никакого движения видно не было.

– Эдди! Давай больше заезжать в такое убожество не будем!

– Никаких вопросов! – воскликнул покладистый Эдди. – Поедем, там есть одна рыбалка!..

– О-о! Рыбалку я очень люблю! – воскликнул восторженно Рэд, – Так это из-за того, что на рыбалку, такая разбитая дорога?

– Это самая хорошая дорога в округе!

Рэд удивлённо помолчал. Затем наивно спросил:

– Наверняка же где-то недалеко от этих латифундистов проходят магистрали энергии, от индукторов. Чего им немного не выделяют?

– Магистрали-то идут... Но это же не просто провода, типа ставь трансформатор и пользуйся! Это такие волноводы, они глубоко под землёй. Энергия распространяется электромагнитными волнами по волноводам. Её преобразовать – фью-у-у! Дешевле на его чудодвигателе всю жизнь "башку" греть!

– А они, наверное, протестуют, что им электроэнергию не дают? Демонстрации там всякие, марши протеста?

– Нет. Никто никогда не протестует.

– Как же они в таких условиях живут – ни электричества, ни дороги!

– Социологи давно подсчитали, что если у члена общества существует ежемесячный доход на пятьдесят бутылок напитка, то он никогда не будет протестовать. Этот слой общества так и зовут, "пятидесятники". Им платят пособие за освоение залежных земель в размере, чтобы купить пятьдесят бутылок, и общество испытывает социальный покой!

– А молодёжь? – вспомнил про своих сверстников Рэд. – Которые живут в городе. Я думаю, что их такое положение вещей не устраивает!

– Для них проводят всевозможные турниры с мячом. Международные команды играют в разные игры. То руками, то всеми частями тела. Проводят постоянно какие-то матчи. Ну, сломают они пару скамеек – беда-то небольшая!

Дорога, то есть канава с жижей из грязи, тянулась всё так же вдоль полей с чертополохом. Даже хутора уже не попадались на пути. Изредка с рёвом проносились встречные гусеничные транспортёры, обдавая их ГТТ грязью. На ветровое стекло из жиклёров постоянно

подавалась смесь жидкости и воздуха для очистки обзора. Эдди уступил управление Рэду со словами:

– Всё равно здесь полицейских не бывает, последнего мы видели за границей города.

Рэд вспомнил, что видел, как полицейский остановил какую-то женщину и что-то ей объяснял, удерживая её документы. Рэд тогда ещё спросил:

– Что он такое внушает женщине? Что ездить необходимо с соблюдением правил?

– Нет, – кратко ответил Эдди. – Денег немного выключивает.

– Так неудобно же. Как это – у девушки просить денег?

– А они только у девушек и клянчат. Мужчины их посылают куда подальше – всё. А женщины же сердобольные. Дают почти всегда.

Управление транспортёром Рэду давалось легко – оно состояло из одного джойстика и напоминало детскую игрушку. Анализатор с помощью локаторов ощупывал впереди ГТТ дорогу и сам устанавливал рекомендуемую скорость. Это было единственное неудобство, потому что временами машина сбрасывала скорость, и у Рэда каждый раз создавалось впечатление, что в машине что-то поломалось. Постепенно он к этому неудобству привык, так как вообще очень легко осваивал любую технику.

Вскоре впереди показались более цивилизные постройки, напоминающие дом отдыха, который они покинули утром. Эдди занял место за джойстиком, а Рэд стал осматривать приближающиеся строения. В принципе, это оказалось одно-единственное здание на большой территории, обнесённой двойным забором. Они легко миновали проходную, просканировав карточку Эдда. На ресепшене их спросили:

– Вы будете оставаться на ночлег?

Они ответили отрицательно, сказав, что сегодня же намерены вернуться на базу отдыха. Непрерывно улыбаясь, девушка-администратор предложила:

– Ну, вы хотя бы тренажёрный зал посетите!. Это входит в вашу карту гостя!

– Нет, нет! – категорически возразил Эдди.

Рэд спросил его тихонечко:

– Давай в тренажёрный зал сходим, разомнёмся...

– Ты что?! Знаю я этот тренажёрный зал! У них тренажёры подсоединены к насосам, и спортсмены, терзая тренажёр, перекачивают воду в бассейн, чтобы там проток был от гниения воды!..

После лёгкого ланча некий ответственный товарищ проводил их к месту рыбалки. Удочки он им выдал по запросу Эдда, наживка полагалась впридачу. Они расположились на удобных раскладных стульчиках неподалеку друг от друга, забросили снасти, и потекла у них неторопливая беседа. При путешествии в шумном ГТТ было не так удобно общаться, а здесь Рэд просто одолел Эдди расспросами. Но тот, похоже, был любителем отвечать менторским тоном на незатейливые вопросы. Возможно, став морфологом, Эдди не реализовал своё изначальное призвание быть педагогом, и Рэд, не осознавая своей удачи, пользовался слабостью своего невольного наставника. Он спросил о том, что мучило его всё их сегодняшнее совместное путешествие:

– Эдди, скажи мне честно – мы находимся сейчас в реальном времени?

– Абсолютно! Скажу более, переход из одного времени в другое и из одного пространства в иное возможен лишь с санкции Посвящённых! Всё делается только по их распоряжению, как и у людей на Земле. Знаешь, Посвящённые всё время что-то регулируют, высевают какие-то вирусы в мир людей, выдёргивают людей к себе в лабораторию и вживляют им чипы. Потом эти "осеменённые" делают нужные для регулировки баланса среди народов открытия. К примеру, порох изобретают, или динамит, ядерную реакцию, генную инженерию и мало ли что ещё!

Рыбалка почему-то не клеилась. Эдди стал применять в рассуждениях об этом логику, но в ответ на его умозаклучения Рэд воскликнул:

– Чего разводить антимонию? Ловить надо, подсекать!

– Чего подсекать? Если совсем не клюёт? Я думаю, что согласно логике, служащим, что эту рыбалку охраняют, от этой затеи ничего не корячится. Давай, дадим им что-нибудь, они враз нам поклёвку обеспечат!

– А что ты им дашь? Разве что только денег?..

У Рэда мелькнула было мысль, что по земным меркам надо бы поставить бутылку, но здесь были совсем другие условия игры, и что предложить – он не знал. Эдди оказался более гибким. Он сказал:

– Подарю-ка я им складной ножик! У меня их дома, как у дурака – махорки.

– Ты ими торгуешь, что ли?

– Нет, ты что! Только торговли бедному морфологу не хватало! Проводили мы

как-то научную конференцию, сделали промоматериал – ножички с логотипом конференции. Выглядело загадочно!

Эдди окликнул служащего, который наблюдал за их рыбалкой. От него Рэд с Эдди узнали, что стоимость выловленной рыбы списывается с карточки отдыхающего, но некоторые, которые несознательные, скрывают истинное количество пойманной рыбы. Поэтому служащий неустанно дежурил и наблюдал. Объяснялось это администрацией кратко:

– Чтобы ловцы не утонули!

Рэда стала мучить эта мысль, и он, конечно же, опять стал приставать к Эдди: – Слушай, а зачем отдыхающие скрывают количество выловленной рыбы?

– Ну, – сокрушался измождённый вопросами напарник, – боюсь, что этого не знает никто! Даже сами отдыхающие. Придумали какую-либо причину, вот и скрывают!

Подошёл служащий. Это был молодой ленивый увалень с немытыми руками и шеей. Он притворно-приветливо улыбался, но во взгляде чувствовалась вековая ненависть холуя к барину. Он восхищённо осмотрел ножик, подергав все имеющиеся раскладные

причиндалы в нём. В голове его свербило, как у папуаса, впервые увидевшего саксофон: "Ух, ты-ы-ы! Вот бы мне такой!"

– Ну что, дружок! – ласково начал Эдди. – Ведь ты же хочешь такой ножичек заиметь?

– Да-а-а... – придыхнул рыбовед со снижением громкости в конце фразы.

– Выдай нам секрет, как ловится здесь рыба и я тебе этот ножик подарю!

– Так я вам этой рыбы сейчас два ведра наловлю, вмиг! Да и у меня уже пойманная есть! – он вспомнил, что предыдущие рыбаки наловили рыбу, но брать с собой не стали. По инструкции служащий должен был выпустить рыбу в пруд, но почему-то этого не сделал. "Как знал, как знал!" – ликовал он про себя, весь светясь и лучась улыбкой.

– Нет, ты не понял, рыба нам не нужна. Ты научи нас, как её ловить, чтобы клевало!

– А ножик отдадите?

– Бери, он твой!?

– Насовсем?

– Да, конечно же! Говори, как нам рыбы наловить?

– Так вам рыбы надо? Давайте я вам за ворота вынесу, а вы мне ещё что-нибудь дадите!

– Да не нужна нам рыба, мы её тебе оставим!

– Раз не нужна – зачем ловить? А у меня уже пойманная рыба есть!

Рэд начал терять терпение. Он вспомнил приёмы дипломатии в своих родных краях и взял быка за рога:

– Если сейчас не расскажешь, как здесь рыбу ловить, ножик сразу взад заберём!

Эдди неодобрительно посмотрел на Рэда, но угроза возымела действие.

Мужик, лопоча многословно с каким-то странным мягким акцентом, быстро рассказал им, как и какую наживку нужно цеплять. Также он выставил нужную глубину поплавок и...

Поклёвки сразу начались! Мужичок не отходил от них. Чтобы укротить его непрерывные лопотания, Рэд спросил у него:

– Тебя как зовут-то?

– Дан! – охотно представился мужик. Ответного представления он даже не предполагал.

В это время, описывая циркуляцию, к ним на полном скаку мчался какой-то брюнет, весьма упитанный. Его преследовала молодая баба с лопатой в руке, поднятой в замахе для удара. Она вопила:

– Попишу! Рвань е...учая! Козёл вонючий! Штифты побью!

Преследуемый спрятался за Даном, схватил его за плечи и выглядывал из-за него, как из-за укрытия. При виде большого числа противников, баба опустила лопату и стала обстреливать противника на расстоянии фразами, как фрегат – пиратский корабль, опасаясь абордажа:

– Курва рваная! Е...ун шершавый! Я таких как ты на х...ю видала! Охапками!

Постепенно огонь утих, и баба ретировалась восвояси, унося и лопату, и свою злобу. Дан спросил мужика на своём каком-то малопонятном сленге, мол, дескать, что случилось? Тот начал рассказ, речь его текла со своеобразным акцентом:

– Пришёл я к ней с бутилькой. Ну, выпивали мы, она картошку давала на стол. А я при входе припрятал вторую бутильку за дверь. Сама-то она хорошая, только у неё глез! – Рэд вспомнил, что когда тётка размахивала лопатой, он заметил – она была кривая на один глаз. – Она штаны снимает, – продолжал брюнет, – а у неё ж...па белей-белей! Ну, такой хороший, большой! Ну, тут я её, конечно, почесал!

– Так что, ей не понравилось, что ли? – спросил возбуждённо Дан.

Дальше пошёл рассказ, совершенно непередаваемый из-за сленга, акцента и мата. Мелькало, что эта баба грузила вилами навоз... брюнет хотел "бутылку" из-за двери умыкнуть... из-за этого произошёл конфликт... Один лишь Эдди-морфолог понимал, что тётка просто возбудилась, и её адреналин нашёл свой выход таким образом – побежать с лопатой за секс-партнёром.

В это время удочку сильно дёрнуло и потянуло в сторону, Эдди едва успел её подхватить. Теперь уже возбудился Дан. Он побежал прочь от места ловли с воплем:

– Сачок! Сачок! – где-то в кустах у него был припрятан сачок.

Вскоре он вернулся с ним, и совместными усилиями они вынули большую рыбину мутно-коричневого цвета. Если бы у себя дома Рэду показали такую рыбу, он подумал бы, что это мутант из водоёма, куда сливают охлаждающую воду с атомной электростанции. Он выдвинул предложение:

– Давайте её отпустим! – Настолько мерзкая и неупитанная была рыбина.

– Нет! Ты чё-ё! – тарацил на него глаза Дан. – Рыба ведь!

– А вы её едите? – спросил Рэд из любопытства.

– Не-а! – кратко ответил брюнет, – отдыхающим продаём, за бутылку!

Они с компаньоном стали уматывать рыбину в сачок, чтобы та мокла в воде.

Рэд тихонько спросил Эдди:

– Чем они вообще тут питаются? – он хотел как-то угостить мужиков, было их жалко, уж больно убого они смотрелись на фоне тусклого пейзажа, грязных берегов и жухлых кустов.

– Они предпочитают колбасу три раза в день, порезанную крупными кольцами, – и, предвосхищая вопрос Рэда, он пояснил. – Колбасу делают из жмыха сельхозпродукции, красителя и химического ароматизатора. Очень любят эту колбасу. А из морепродуктов они едят крабовое мясо. Тоже сделанное из жмыха, но приправленного уже другим ароматизатором, со вкусом омаров, или лангустов. Смотря, что на ценнике написано.

– А содержимое "бутилек" из чего делают? – враз сообразил смысленый Рэд.

– Из углеводов. Даже не добавляют ароматизатора никакого. Только водой разбавляют до нужной консистенции.

– Что же они не протестуют против этих фабрикантов-отравителей?

– Так у них весь порох выходит на переживание за любимую команду – кто кому мячик затащит в ворота. Они такие соревнования проводят, где в ходе игры по правилам можно драться, играть любой частью тела, лишь бы мяч в ворота затащить, пусть вместе с вратарём и игроками!

"Да-а-а!" – про себя подумал Рэд, – "Всё у них не как у людей! Дикий народ!"

Они смотали удочки и пошли в сторону административного комплекса. Только сейчас Рэд обратил внимание, что из стены комплекса выходит фановая труба и все фекалии сливаются прямо в озеро, где они только что ловили рыбу. По пути встретили кривую бабу, она стояла с кем-то и рассказывала про свои ночные переживания, ожесточённо жестикулируя кулаком сверху вниз:

– А я – бля-я-а! Кулаком, бля-я-а! Вся картошка разлетелась!

Рэд с Эддом опасливо миновали разгоряченную фурию. Мало ли что: можно было попасть под раздачу или она могла затащить в свой будуар для любовных утех незадачливого путника! На крыльце к ним подвалил какой-то плюгавый не то паренёк, не то мужичок, и стал тихим голосом предлагать какие-то услуги. Суть его обращения была непонятна. Рэд стал рассматривать странные одеяния. Все курточки и брючки – вроде как у всех, с той лишь разницей, что были какие-то вызывающие, пёстрые, что ли. Самое большое удивление вызывала обувь. На ногах были затейливые черевички, сшитые как бы кустарно. Это, если взять кусок кожи, обернуть ноги и сверху прошить швом вручную. Рэд не выдержал и спросил:

– Послушай, любезнейший, где ты взял такие поршни?

– Купил в другой стране! – гордо отвечал тот.

Рэд недоверчиво хмыкнул. Но он понял, что существует "другая страна", до этого он об этом не знал. Считал, что всё, что простирается вокруг – единое пространство.

– Так вы девочку брать будете? – наседал плюгавый в поршнях. – А сколько стоит? – спросил для личного развития Рэд.

– Пятьдесят!

Чего "пятьдесят" Рэд не представлял, но вёл игру до конца:

– Так девочка хоть красивая или нет? За что платить? Посмотреть можно? – засыпал он вопросами плюгавого.

– Вон стоит, – махнул в сторону забора тот.

В сторонке стояла девчушка, выше среднего роста и с широким лицом. Она призывно улыбалась, вся светясь веснушками и обнажив щербатый рот. По внешнему облику она походила на разъярённую фурию, которая только что повествовала про картошку. С той разницей, что была намного моложе и ещё не испитая.

– Так у неё зубы х...м выдавлены! – стал хулиганить Рэд, вспомнив молодость в подмосковном годке, где они гоняли плечевых, чтобы те не позорили их славный городок.

– Пойдём, пойдём! Перестань! – увлёк его интеллигентный Эдди.

Когда они шли к своему транспортёру, мимо них, перерезая дорогу, промчались следом друг за другом два мужика.

– Убью! Убью! – кричал задний.

Передний семенил на неверных ногах. На груди его болталась из стороны в сторону огромная медаль из какого-то лёгкого металла. Он стал прятаться за ГТТ. Рэд инстинктивно защитил преследуемого, неумелыми движениями расставив руки и подставив свою грудь нападающему. Эдди в это время уже был в кабине ГТТ и чем-то там отчаянно щёлкал, включая какие-то сенсоры. После удачного включения какой-то системы, нападающий стал неестественно дёргаться и вдруг совсем сник, стал покладистым, и настроение его резко стало пацифистским. Человек с медалью тут же резво удалился, даже не поблагодарив своих спасителей. Нападавший же непрерывно извинялся. Рэду уже много раз было неловко и стыдно за текущую

ситуацию, а тот продолжал извиняться, заискивающе заглядывая Рэду в глаза.

Когда садились в транспортёр, Эдди сказал:

– Вот, я тебе продемонстрировал защитную систему ГТТ, – и добавил. – Дикий народ!

– А что, – спросил Рэд, – здесь нормальных разве не бывает?

– Да все, в основном, нормальные. Только те работают, не бегают друг за другом, да ещё с медалями.

– Так что же они в этой кутерьме живут? Уехали бы в порт, где мы живём!

– Так им экономическое положение не позволяет!

– Объясни тупому, а!

– Ну, когда началось "новое время", когда наши деды поставили индукторы и стали торговать энергией, то потекли деньги шальные. Стали этим бедолагам раздавать кредиты. Они сгоряча набрали, не подумав. Теперь есть закон. Если меняешь место жительства, тогда льготы на возврат кредита исчезают. Кредиты им не отдать никогда! Там проценты всякие, пени, налоги и прочая атрибутика.

– Так объявили бы себя банкротами!

– Нельзя. В тюрьму посадят. Будет на руднике облучаться да лёгкие засорять, силикозы наживать. Несколько лет – и "банкрот жизни".

– А кредиты?

– Кредиты сыновьям, внукам переходят. Вечный двигатель!

Рэд по экономической части был совсем деревянный, но все таки сообразил:

– Ну, раз все трудоспособные работают, чего же они так плохо живут. Дороги все раздолбаны, заводов, гляжу, нет?

– Так, они работают "на кормлении".

– Это как, на кормлении?

– Все работают во всяких министерствах, комитетах, подкомитетах. Чем больше плодится родственников, тем больше организуют комитетов. Разные Агентства по дорогам, Комитеты по

борьбе с бродячими собаками, или прошлогодний снег растапливать в плавилках, к примеру. А ежели кто вздумает морковь выращивать, сразу облагают налогом квадратичным, пока не перестанет выращивать морковь!

– Так что же ваш парламент так свой народ не любит?

– Это не они. Это ещё много-много лет назад, когда отменили феодализм, стали народы вольные, начали свободные люди плодиться на радостях, мол, хорошая жизнь началась! Народа стал переизбыток. Руди рожали, потому что земельные наделы давали по числу детей в семье. Вот и пошёл переизбыток населения. Начались войны всякие. Принялись правители губить Руди охапками. Даже каннибализм был. Теперь, вроде, народа дефицит, а реактивное состояние – отношение к личностям – остаётся. Не берегут правители Руди.

– Слушай, – устав от грустных историй, сказал Рэд, – давай на обратную дорогу плату за проезд я заплачу!

– Какая разница! В путёвку всё равно всё включено. Фирма платит.

Потекла под гусеницами всё та же дорога – широкая канава с обломками бетона. Обломки, когда транспортёр бил в них гусеницами, оказывали громкое сопротивление. Эдди даже включил внутреннее переговорное устройство, так шумно было в кабине. Он спросил Рэда:

– Так ты что, после телепортации курсы–минимум не проходил, раз ничего не знаешь? – он вдруг забеспокоился – не подшучивает ли Рэд, расспрашивая прописные истины, которые знает каждый школьник.

– Не-а! – беспечно откликнулся Рэд, – Меня учит самоподготовкой родной брат. Когда я лежал в больнице, он нашёл меня, теперь учит на судоводителя.

– Так чему же он тебя там учит?

– Ну, там, лоция, навигация, – соврал Рэд, чтобы не дискредитировать родного брата.

– Так ты подскажи ему, пусть по истории тебя подтянет, по юриспруденции!

– Не надо, я самостоятельно выучу. Мне эти дисциплины самому интересны. Вот ты мне скажи, а что индукторы, они – вечные?

– Вечных двигателей не бывает, ты сам знаешь... тем более, наши предки, когда строили индукторы, они в науке были не сильны. Один голимый энтузиазм. Лозунги всякие. Почётные грамоты, сидение в президиуме. Руководители этих строителей были полуграмотные люди. Так называемые выдвиженцы. Не учли они, что полюса Земли меняются местами время от времени. Полюса уже сдвинулись на большое расстояние от первоначально положения. Всё больше энергии идёт на самовозбуждение.

– Это почему же? – воскликнул Рэд, охочий до техники.

– Косинус-фи, знаешь, что такое?

– Нет, пока не учил!

– Вот, когда выучишь – объясню. Если, дай бог, ещё свидимся! Так вот, дай досказать вначале про полюса! – Эдди тоже начал забывать, с чего пошла речь, и стал рассказывать Рэду про смену полюсов. – Полюса последний раз поменялись примерно одиннадцать с половиной тысяч лет тому назад.

Рэд усёк, что его неожиданный учитель по истории начал говорить не о том, с чего начал. Но прерывать его не стал, это ему было тоже безумно интересно.

– Руди тогда жили на Земле, наверху, значит...

– А Посвященные?

– Посвящённые их и тогда курировали тоже. Учили строить пирамиды, приучали к религии. Ну, там судостроение, астрономия – это тоже Посвященные научили. Но, в основном – пирамиды!

– А зачем им пирамиды?

– Да не перебивай ты! Я без тебя сам сбиваюсь! Пирамиды – это вроде репер космолётчикам...

– Так! Давай я поведу ГТТ!

– Не-а! Скоро пост. Ещё начнут с нас штраф выдрачивать! Ты слушай! Вот, Посвященные-то и прознали, что полюса местами будут перекидываться. Заранее узнали. Они увели, или как сказать,

перевели Руди внутрь Земли. Остались одни дикие племена в джунглях, папуасы разные в сельве. Не будут же Посвященные гоняться за ними по джунглям. Да те и не поймут значение столь высокой акции.

– А Руди тогда сильно развитые были по сравнению с папуасами?

– Ну да! Их Посвященные самолёты уже начинали учить строить. Ну, вот. Те дикари, которые остались в джунглях, терпели страшные лишения, когда полюса поменялись местами! Многие из них совсем одичали. Пошла у них обратная эволюция. Стали некоторые племена орангутангами и шимпанзе!

Рэд задумался, он вспомнил, как недавно они наблюдали погоню одного Руди за другим, который был с медалью. Он про себя стал рассуждать: "Если они так угрожают, так, значит, бывает и убивают? Что же им бывает за это?"

– А то и бывает! – воскликнул Эдди, который настроился на волну Рэда и читал его мысли. – Сажают на зону. Кого – на рудники, кого – ширпотреб делать. Кстати, – заострил он внимание своего слушателя, – мы сейчас на траверсе проходим самую большую пересыльную тюрьму. В ней сортируют заключённых, которые уже осуждены. Можем заехать, разрешены и даже приветствуются экскурсии. Администрация тюрьмы записывает за каждую экскурсию "мероприятие по профилактике работы с населением".

– Давай заедем! – откликнулся охочий до всего неведомого Рэд.

Эдди резко повернул ГТТ, и через некоторое время они уже были возле высокой мрачной стены без окон. Эдди приложил карточку туриста к глазку и ранее невидимые ворота бесшумно распахнулись куда-то внутрь створками. Рэд подумал: "Загадочное место, как бы не остаться здесь навек!"

Прочитавший его мысли Эдди перебил его опасения:

– Ты тюремщикам не нужен. Они тебя и меня просканировали уже. Мы примитивных профессий не имеем и для грубого труда не пригодны. Таких в тюрьму не берут!

– Это почему же? – возмутился за свою непригодность Рэд.

– Им нужны индивиды, которые будут работать на руднике, крушить породу. Ты же способен лишь на самолётах летать и на фэнах плавать. Любая система – она на самоокупаемости. Это, как например, ресторан или колбасная фабрика. Процентом семьдесят-восемьдесят труда, или произведенной продукции, идёт на обеспечение системы. Двадцать процентов на прокорм и одежду зэков.

– А государству выгода какая?

– Изолируют опасных элементов!

– Так где же они берут лишь продуктивных зэков?

– А сажают невинных, если у жертвы есть хорошая трудовая профессия. Слесарь там, или грузчик.

– Ну, а преступников, которые не пригодны к труду, их-то куда определяют? Они же совершили преступление?

– А вывозят в район свалки и выбрасывают из "зака". Зашугав предварительно. Ну, жути нагнав, чтобы больше в порту не появлялся!

Тем временем любезный служащий, предварительно зарегистрировав их ещё раз, с получением личных подписей, от чего Рэду почему стало очень жутко, провёл их в лифт. Лифт поднял путников на высокий пьедестал, с которого открывался вид огромной арены, чем-то напоминавшей античный цирк или стадион, но больший по площади в разы. Служащий ещё более разлюбезно и доверительно, что, видимо, было инспирировано оставленными подписями, сказал:

– Вам повезло! Только что пригнали свежий этап!

Взору Рэду и Эдди открылась гнетущая панорама, которая расстилалась у их ног. Гигантский этап стоял на коленях на глинистой почве арены. Несколько тысяч зэков стояли на иссушенной почве, покрытой мелкими камнями величиной с соевые бобы. Такой ландшафт был естественный, и поэтому в преднамеренных попытках никого обвинить было нельзя. Поражённый Рэд спросил:

– Почему они не поднимают головы к небу? Почему не поднимутся с колен? Услужливый надсмотрщик объяснил:

– Генераторы, разработанные на основе исследования религиозных сект, постоянно внушают им: "Стоять на коленях! Вымалывать прощение!"

– И долго они стоят так?

– Бывает, по несколько суток. Разный этапы выдерживают разные сроки!

– Для чего?

– Естественный отбор! – простодушно ответил надзиратель. – Идёт процесс лечебного голодания, для карантина, так сказать. Затем, после карантина им дают обильную жирную пищу. Кто не пригоден к дальнейшим испытаниям – не в силах сдержать себя, что весьма естественно. Они наедаются и происходит, так сказать, автоэвтаназия!

– Но это же жестоко! – воскликнул сострадательный Рэд.

– Так их же никто не принуждает есть, даже не предлагают! Просто приводят в помещение, где много варёного картофеля и варёной же колбасы! Ненужные и мрут!

Надзиратель нисколько не сомневался в справедливости применения автоэвтаназии. Он даже горячо стал приводить какие-то научные выкладки, где применялись строгие исследования, что погибали именно те эки, которые впоследствии не способны бы были работать эффективно...

– Но это же Руди! – привёл, как казалось Рэду, самый веский довод.

– Ну, вы странный! – убеждал его надзиратель. – Вы, наверное, гуманитарий? Вот возьмите мотор. У мотора часть энергии идёт на вращение самого мотора, примерно треть. А в пенитенциарной системе на вращение, так сказать, "мотора", более двух третей выработанной энергии идёт!

Рэд больше не мог выдержать ни полемики, ни вида этапа, стоящего на коленях, он увлёл Эдди наружу. Они, не попрощавшись, устремились к своему экипажу. Служащие им вслед на перебой предлагали:

– Ещё можете поспать на постели в камере и поесть обед заключённого! Это входит в карту гостя, это комплект-сервис...

Но путники их уже не слышали. Рэд вразнобой задавал Эдди вопросы:

– А бывает, что какие-нибудь зэки исправляются? А амнистия на рудниках бывает?

Тем временем ГТТ подполз к дому отдыха и уже порулил на подземную стоянку. Эдди произнёс:

– Ладно! Я тебе потом, другим разом доскажу!

Другого раза не выдалось. Служащие на ресепшене сказали Рэду, что его по внешней связи разыскивает брат Арс. Рэд тут же попросил милую девушку связать его с Арсом. Через минуту он узнал, что Арс на своём фэне ушёл в рейс. Рэд очень расстроился. И, не став обедать, закрыл путевку и поехал в город на каре, забыв от огорчения попрощаться с Эдом. Вскоре кар подъехал к дому Арса. В доме была жена Арса Рит. Поговорив на отвлечённые темы, они сели с Рэдом ужинать. Дети Арса играли перед сном, поев уже своей детской еды, в детской же столовой.

Глава 7

"Джерфикл" вышел в море без Рэда. Арс хотел было аварийно его телепортировать на борт, но Посвященные, пошушукавшись, не дали разрешение на это действие. У них что-то там не вышло во внутреннем законодательстве, которое было неизвестно Арсу. Фэн вышел "по-аварийному". В районе моря при заборе холодных антарктических вод забились входные фильтры. На месте, где под водой во входе во внутреннее море Руди установлен каскад фильтров, через которые проходит лишь планктон, который потом гидроциклонами отсеивается в гигантский трубопровод, проложенный прямо на комбинат по переработке планктона с целью поступления его в наиболее свежем виде. Есть такие гурманы, которые закупают свежий планктон, где микроорганизмы ещё живые и употребляют его в пищу, считая, что это здоровая пища. В месте, где установлены водозаборы, в данном случае в море Росса, образуется гигантская воронка на поверхности океана. Люди, заметив эти водовороты в разных частях океана, называют такие кольца "ринги". В этот гигантский водоворот попадают различные предметы, плавающие в океане. В основном, это пластиковый мусор, который удаляется самоочищением с фильтров водозаборов Руди. Попадаются и огромные косяки рыбы, их отбивают и направляют назад в океан. Если приближаются киты, им в их гидролокаторы сканерами вносят помехи, и они удаляются сами. Говорят, что потом некоторые киты после такого зомбирования выбрасываются на берег, но их Руди не жалеют, считая пожирателями планктона. В этот раз, что бывает крайне редко, засосало неизвестно откуда взявшихся гигантских кальмаров-хамильтонов. По крайней мере, так значилось в боевом задании Арса. Вес этих хамильтонов достигал десятки тонн. Они своей массой прорвали фильтры и оказались во внутреннем море Руди. Экипажу Арса предстояло восстановить фильтры, эта задача была стандартная и затруднений не вызывала. После этого надо было обездвигнуть хамильтонов и отбуксировать их во внешние воды людей. Утилизация таких кальмаров стоила бы больших затрат, если учесть, что только одни глаза у них были более метра в диаметре!

Арс сетовал, что Рэду не удалось попасть в этот рейс, случай с фильтрами бывает крайне редко и для набора опыта ему он был бы

очень полезен. У Посвященных были свои регламенты. Сейчас они находились во внутренних ангарах фэна, возле своих тарелок. Они инструктировали матросов, которых передали в экипаж тарелок, чтобы чокеровать усыпленных хамильтонов. Дело это было опасное, а Посвященные не любили рисковать. Правда, никто никогда не видел Посвященных мёртвыми, но, видимо, реинкарнация стоила им дорого. Они всегда избегали всякого риска и в пограничных ситуациях всегда привлекали Руди. Вся сложность предстоящей операции была в том, что во время такого боевого рейса Руди-операторы сидели в изолированных кабинках, находящихся в подбрюшье тарелки. Временами случалось, что пограничный слой плазмы у диска-тарелки по разным причинам истончался. Плазма – непредсказуемая субстанция, и дисколёты при входе в воду из атмосферы жёстко ударялись о поверхность. От такого удара оператор получал бароконтузию.

А вообще, задачами оператора были, во-первых, обездвигнуть морское чудовище, а затем из линемёта всадить гарпун для буксировки добычи. За это Руди операторам выдавали на грудь разные жетоны в виде орденов, за которые, якобы, полагались почести. Руди очень нравилось иметь эти жетоны, они бывали разных степеней, названий и расцветок. В принципе, если съездить в турпоездку за пределы города, на "периферию", как говорили просторудины, жетоны можно было за смешные деньги купить на барахолке. Только Руди предпочитали рисковать, чтобы награды получить честно. Их от этого просто штырило!

Арс в ходовой рубке, спрашивал биохимика Окса:

– У тебя бластерные заряды имеют капсули с истёкшим сроком реализации? Окс, у которого зачастую эти капсули были несвежие, просроченные, замахал руками, не находя слова. Дело в том, что лихие Руди из этих капсулей вырабатывали вещество, которое имело высокий спрос у наркоманов. Поговаривали, что Окс грешил подменой капсулей. Когда бластер выстрелит, поди, проверь, какой там был капсуль?! Арс имел жёсткую манеру руководства. Он с поднаездом, сощурился глазами, грозно сказал Оксу:

– Ну, гляди! Если эти кракены, или кто там будет, плохо обездвигаются из-за твоих подложных капсулей, оденешь гидрач, –

так в обиходе звали гидрокостюм, – и поплывёшь вручную чокеровать гадов!

– Кэп, – божился Окс, – сам проверял каждый капсюль!

– Ты ещё скажи как Вас: "Век воли не видать!" – произнёс шуточно, отмякший от суровости капитан.

Тем временем "Джерфикл" подошёл к месту работ. Как и подсказывало Арсу предчувствие, прорвавшиеся морские чудовища были не кракенами. Возможно, вначале среди этого сборища живности кракены и встречались, но более свирепые чудовища их уже сожрали. Патрульные дисколодки локализовали чудовищ в одно бучило с помощью излучателей волн тревожной для чудовищ частоты, теперь они в бучиле дрались друг с другом. Арс сокрушённо воскликнул:

– Ну что за создания! Попали в ловушку, а норовят уничтожить друг друга! Вот порода ненасытная!

Вил, старпом Арса, мудро заметил:

– Нам работы меньше! Они проглотят друг друга, тем самым объекты самоукрупнятся!

– Тоже верно! – поддержал его Арс.

Фэн вошёл в самое скопище чудовищ. Как все наблюдающие понимали, главным глотателем среди всего сборища был гигантский морской угорь. Угрём его звали условно, за чисто внешнее сходство, если его фотографию минимизировать в сотни раз, со своей уменьшенной копией. Это был гигантский морской змей. Его размеры трудно было оценить. Лишь фантазия подсказывала, что его размеры невероятны, коль скоро он в данный момент примерялся проглотить многогорбое чудовище размером чуть больше железнодорожной цистерны.

– Представляешь, – комментировал Окс, – этот змей, во внешнем океане, у людей, жрёт кашалотов, когда те ныряют на большую глубину, там-то он их и подкарауливает! Этот экземпляр полезен для Руди. Сколько он пожирателей планктона – кашалотов, нам уничтожит! Санитар океана! Его надо наиболее корректно оттранспортировать во внешний океан!

– У меня в инструкции на этот счёт ничего не сказано! – пробурчал Арс

– Инструкции инструкциями, но ты же должен бороться за возобновление массы планктона!

– Ничего я никому не должен, кроме собственных детей! Ты лучше разъясни мне. Что это за такой пёстрый мир? Где привычные октоптусы, кракены?

– Так кракенов могли пожрать эти многогорбые или длинношеие. – в секторе обзора крутились противные с виду длинношеие чудовища, некоторые были с гривами, как у гигантских лошадей. – Вот с октоптусами у змея-угря джентльменское соглашение, у октоптуса когти на конце щупалец – страшное оружие! Если змей его проглотит, тот раздерёт ему шкуру так, что змей оправится, то проживёт недолго!

В обзоре показался многоплавниковый морской гад. Он, как казалось, боязливо, стороной пытался обойти угря, но в него с ходу впился свирепый ящер, внешне походивший на гигантского каймана. Появился ящер столь неожиданно, что сходство с крокодилом ему вполне подходило и из-за вероломных повадок. Ящер точным движением перехватил шею многоплавника. Шея эта держала противную, похожую на змеиную, голову хозяина. Сцепившиеся чудовища медленно пошли вниз, как в плохом кино, освободив панораму обзора. Сразу стало видно, как змей уже заглатывал многогорбого гада. Глаз змея косил при этом на сцепленных ящера и многоплавника, как бы сожалел, что не заглотил их обоих, оптом. В это время показались управляемые Посвященными дисколёты охотников. Из их подбрюшных кабин дружно полетели снаряды с капсулями. Пилоты ничем не рисковали, они были защищены полем. Опасность была только из-за угрозы разрушения кабины ударом хвоста, щупалец или челюстей. Охотники линемётами споро всаживали гарпуны в мощные тела морских гадов. Им казалось, если быстро поразить гадов, то те не успеют разбить их подвесную кабинку. Гарпунёры начали с мелких длинношеих, многогорбых, многоплавниковых, и ящеров. Змей же, видя малоподвижность засыпающих жертв, мгновенно их заглатывал. Из его пасти, словно нити телефонных проводов, тянулись гарпунные линии. Всем стало

ясно, у змея не было передних зубов, как у земной коровы, и он не мог линии перекусить! Это сразу облегчило задачу:

– Будем тянуть его за перед, за линии – податливее пойдёт. Уж больно здоров, бродяга! – воскликнул возбуждённый видом охоты Арс. При всей живописности картины охоты, он оставался профессионалом и думал о работе, даже во время увлекательного зрелища.

Вскоре в змея тоже полетели снаряды с капсулями. В него всадили штук двадцать-тридцать. Вскоре все линии свели в буксировочный портал "Джерфикла", из которого выходил главный ваер. К этому же ваеру присоединили линии и от мелких чудовищ, всех ящеров, многогорбых, вообще всех, кого не успел проглотить змей-угорь. Фэн стал походить на трелёвочный трактор, который тянет с делянки хлысты леса, от главного ваера шли линии, и все гады выстроились в кильватере фэна.

Арс в этот день был не в духе. Он вызвал старпома Васа, подозрительно присмотревшись к нему, вместо ответа на приветствие, на предмет его трезвости, и спросил:

– Сегодня у тебя с заправкой всё в норме?

Вас вместо ответа начал причитать:

– Фэн – судно лидерное! Все индикаторы мощности на красном максимуме!

Вот дали бы новый корабль, тогда бы можно давать такую нагрузку!

Арс про себя подумал: "Если дадут новый корабль, тебя на нем, черт запойный, не будет! Да и меня, наверное, тоже!" – про себя добавил он.

– Можно же было разделить на два рейса! – вновь начал причитать Вас.

– Без тебя ведают, сколько рейсов делать. Ты отвечай на вопрос! Повторить?

– Нет. Не надо! С заправкой всё в норме! Учитывая прошлый рейс, нам дали большой резерв. Можем даже в нижний Космос выйти!

– Ладно, иди! Не вздумай резерв в порту выменивать с кем-нибудь на всякие железяки!

– Так я...

– Кругом! Марш! – скомандовал Арс.

Он, после случая возвращения вне графика, решил либерализм на корабле

исключить. Арс полагал: "Спишут меня по возрасту за их нерадивость, так они даже в гости не зайдут проведать!" – а вслух спросил, предугадывая возможность, что Руди в некоторых случаях запросто читают мысли. Хотя у него, как у капитана, стояла защита, но чего не бывает – есть факты не подвластные науке:

– Окс, что там на счёт октоптусов, почему их сегодня не было?

– Думаю, что море Росса слишком холодное для них. Здесь, наверняка, был случай, что в водоворот попали косяки рыбы, за ними стали охотиться более крупные хищники, пингвины, а потом тюлени. К ним потянулись ещё более крупные и так по возрастающей, пока змей не приплыл. Он-то, как левиафан, и разрушил все фильтры одним ударом!

– А что за левиафан? Что-то я такого морского чудовища не встречал!

– О! Это древняя легенда людей. Вроде как левиафана породил бог, а тот хвостом сшиб с неба всех чертей на землю, несколько сотен. Теперь сам лежит, окружив хвостом Землю, а черти носятся по свету, более шестисот штук и творят зло и всякие пакости.

В разговор вмешался Вил:

– Наверное, потому, что по иудейской религии, заповедей чуть более шестисот. Всё совпадает! Всё пошло от иудейской религии.

Арс дальше слушать эти разговоры не стал, прекратил полемику одним жестом! Он подумал: "Дай им волю поболтать – они до моего списания на берег доболтаются!"

"Джерфикл" выходил во внешний океан. Все диски давно благополучно возвратились в ангары, и Посвящённые стали появляться в ходовой рубке. Главный Посвящённый скомандовал своим жестяным без интонаций голосом:

– Мелочь сразу побросаем, чтобы облегчить судно. А змея протащим подальше. Лини придётся порубить. Обрывки он заглочит и переварит. Пусть живёт, линей не жалко. Он отработает на пожирании кашалотов!

Лишь только Арс решил дать команду отстреливать гарпуны с пасти всех ящеров, многоплавниковых, длинношеих, хамильтонов и прочей мелочи – некоторые экземпляры были длиной с три железнодорожных вагона, как с операторского отсека ваерной лебёдки поступило предупреждение:

– Все лини перепутались, обмотались вокруг ваера и заклинили намертво!

Арса пробил пот, тревожная догадка осенила его опытную голову. Он подключил селектор старшего механика покричал:

– Вас, Ты какими линиями оснастил линемёты?

– Как в прошлый раз. Я не давал команду их менять!

– Так какими же оснастил линемёты?

– Правого виения! – ответил Вас тусклым голосом, смысл догадки стал до него доходить, тоже.

– Так ты же должен помнить инструкцию, что в южном полушарии воронку крутит вправо, поэтому лини должны неукоснительно быть левого виения! Теперь сам одевай гидрач и разрубай узлы на ваере!

Все стали спрашивать Арса:

– Что случилось? Отчего произошло запутывание?

– Кориолисова сила крутит водоворот. Направление виения линей совпало с кориолисовой силой, и она скрутила все линии в один жгут!

Вас, всегда находящийся в непреходящей абстиненции, стал покрываться вторым слоем холодного пота. Противные пасти морских хищников, средние размеры которых были с ворота большого гаража, живописно проявились в его сознании. Он залопотал в селектор:

– Да у меня давление, я медицинские допуски не прошёл! Моего размера гидрача нет на борту!

– Когда причин много – ни одна из них не верна! – рявкнул Арс. – Что же ты с давлением в рейс выходишь? Как вернёмся – сразу на комиссию! Заодно справку от нарколога предоставишь!

– Я – да! Я непременно! – бессвязно лопотал Вас, вдруг понявший, что опасность миновала.

Из числа Руди-дисколётчиков и Руди-гарпунёров быстро нашлись добровольцы. Один из Посвященных своим жестяным голосом произнёс перед ними неяркую речь, не меняя, как ему положено, интонацию:

– Надо немедленно ликвидировать опасность для корабля! Вас в порту ждут медали! Каждому медаль третьей степени!

После таких многообещающих посулов число добровольцев значительно пополнилось, но выбрали только троих. Была опасность, что при большой вероятности нападения ящеров и других морских гадов, пловцы, защищаясь и защищая товарища, могут поразить друг друга перекрестным огнём. Вскоре, экипировавшись, они оказались среди клубка морских чудовищ. Опытные пловцы действовали слаженно, и ваер начал постепенно освобождаться от клубка перепутанных линий. Морской змей, находившийся на конце ваера, плотно удерживаемый линиями, производил резкие равномерные рывки. При рывке надрезанные линии отрывались. В процессе резки лучи ранили некоторых животных, и из их ран обильно струилась рубиново-красная кровь. Ящеры и другие звери, возбуждённые кровью, набрасывались друг на друга. Пловцы рисковали получить контузию от удара мощного плавника или даже быть проглоченными. Они плотно прижимались к ваеру, удерживались за него, рискуя быть опутанным линиями, но так меньше была вероятность быть съеденным каким-нибудь хамильтоном. Вскоре операция была закончена. Клубок дерущихся зверей постепенно относил течением. У многих из туловища торчали вьющиеся линии, но это не мешало им нападать на собратьев по несчастью и отхватывать у них от тела огромные куски мяса! Красную пелену, образованную кровью из ран дерущихся гадов, течение относил в сторону. Арс, манипулируя двигателем и рулями, старался держать "Джерфикл" со стороны чистой воды. Наконец, все пловцы вернулись на борт. Повреждений, кроме

психологических травм, у них не было. Арс произнёс для всех участвовавших в вылазке благодарственную речь.

Морской змей остался на ваере. Посвященными было принято решение отбуксировать его к местам, где было обилие пищи. Фэн вышел из морского каньона, по обеим сторонам которого простиралась абиссальная глубоководная равнина. Арс повёл фэн с удерживаемым на ваере змеем в сторону срединного океанического хребта, старательно обходя мелкие банки. Абиссальная равнина, в отличие от склонов срединных океанических хребтов, несколько пустынна в своём животном разнообразии. Здесь изобилуют, в основном, как впрочем и по всему океаническому дну, только разнообразные виды морских ежей. Лишь изредка на бескрайнюю равнину падают с верхних слоёв воды трупы погибших рыб и китов. Тогда, неведомо откуда, появляются рыбы гоплихты – трупоеды. За ними, конечно, начинают охоту пряморотые акулы, и ещё миксины, распространенные повсеместно, набрасываются на пиршество. Миксины замечательны тем, что впиваясь в плоть мёртвой рыбы для того, чтобы оторвать кусок мяса, они должны иметь упор. А какой упор в воде? Вот и одарила их природа свойством – завязываться в узел и протаскивать через эту фигуру своё тело, узлом упираясь в бок жертвы, тем самым вырывая заветный кусочек. Они могли у восьмижаберной акулы, славящейся своей бронебойной шкурой, выдрать из бочины целый клок. Своим поведением, таким образом, они напоминают некоторых людей, недаром же легенды говорят, что человек вышел первоначально из моря!

Бросать на абиссальной равнине морского змея-угря было бы слишком жестоко – он не совсем оправился после наркоза. Да и шок от необычной буксировки у него был слишком велик. По распоряжению Посвященных его тащили до срединных океанических хребтов. На равнине малоподвижного угря могли атаковать восьмижаберные акулы. Это, теоретически, могло привести к гибели змея. А на склонах срединного хребта, особенно вдали от действующих вулканов – чёрных курильщиков, жизнь кишела! Мало того, что склоны были усеяны животными: морскими лилиями, зонтами, ещё среди всего этого плавали морские черви, хищные губки, разные другие твари – все они шныряли между грибовидными кораллами. Кораллов же было великое множество. Склоны

срединных хребтов сплошь усеяны трубчатыми червями-полихетами, которые питаются бактериями, добывающими пищу из сульфатов. Червей грызут амфиподы, белые крабы и креветки. Там же бегают десятиногие крабы, и всё это многообразие подсвечивается фотофорами, что на боках глубоководных рыб. В этом густом животном супе морскому змею не грозит голодная смерть после шока от буксировки. Акулы избегали этих мест, так как здесь властвовали гигантские спруты – пожиратели акул. У всех акул есть удивительный чувствительный аппарат. На голове у неё – множество дырочек-сенсоров, через эти отверстия акула слышит биение сердец живых существ на многие километры. Но, во-первых, акуле надо постоянно двигаться, чтобы не умереть от кислородного голодания и, когда живых организмов вокруг много, все стуки сердец в её голове сливаются в одну помеху. Поэтому на срединных океанических хребтах хватает всякой живности, но нет акул. Морские животные защищены от этих жестоких убийц сплочением стуков всех своих сердец! Над кишачим животным многообразием часто проплывали гигантские кальмары- хамильтоны, они засасывали внутрь всех, кто не успел увернуться. В избытке чувств они иногда выпускали из себя чернила, и тогда сквозь эту муть виднелись лишь светящиеся фотофоры.

На абиссальном склоне Арс дал команду оставить змея. Для этого лини отрезали от ваера, и змей остался лежать. Он как бы спал. Из его диковинно огромного рта свисали десятки линей. Это вызывало удивление у обитателей абиссальных склонов и они, подплывая, глядели на незнакомый облик змея, не подозревая, что тот может разинуть гигантский рот и разом проглотить всех проплывающих так близко от его беззубого рта, в том числе и десяток хамильтонов, которых боялись до этого времени все! Особенно усердствовали в любопытстве рыбы-удильщики. Очевидно, что все особи значительного размера среди них – сплошь женского пола, поэтому они подвержены любопытству. Мужчины среди этого вида рыб конечно же, есть. Но они весьма мелкого размера, раз в двадцать меньше самки, и крепятся на всю жизнь к её туловищу. Самка же удивительна тем, что может захватить жертву больше её по размеру, как бы натягиваясь на неё. Таков величины её женский рот! Поистине люди вышли из моря!

Арс, проследив, что змей ожил, положил "Джерфикл" на курс в порт.

Тем временем Рэд сидел в диспетчерской в порту и наблюдал операцию на мониторах. Он позорно сбежал из дома Арса, после странной для него выходки жены Арса Рит – его неслыханно напугало её предложение. Он был под сильным впечатлением и страшно переживал, что у брата такая развратная жена: ведь она же мать его племянников!

Связь с фэном была безукоризненной, и Рэд говорил Арсу всякие ободряющие вещи, рассказывал, как он отдохнул, как ловил рыбу и познакомился с отличным товарищем Эдди.

– Что же ты не отдохнул до конца заезда? Там ещё вечером дискотека бывает, девчонки там подходящие! – вопрошал его Арс.

– Спасибо, я уже был на дискотеке... – вспоминал Рэд адюльтер с чужой женой и чувство преследования после такой сатисфакции.

С Арсом он разговаривал слегка натянуто. Этому предшествовало событие, которое потрясло Рэда. Когда он вернулся в дом брата и, после того, как они поужинали и выпили кофе, изготовленное из того же планктона, Рит неожиданно предложила:

– Слушай, я вот что здесь подумала. Когда дети гарантированно заснут, давай я к тебе ночью приду?

– Как это "придешь"? – опешил Рэд.

– Так. Халатик накину и приду на пару часиков!

Рэд начал приходить в себя. Он горячо, но в то же время корректно, начал внушать Рит:

– Ну, что ты такое говоришь! Арс же мой родной брат. Он же моряк, он сейчас

в море! Ну, нет. Я такого предательства совершить не могу!

– Ну, не хочешь – как хочешь! – сказала она и бросила свою использованную чашку в мусоропоглотитель.

Это устройство было самым удобным, что попадалось Рэду из бытовых приборов. Вся посуда была одноразовой. Её и всякую упаковку просто бросали в клапан, и всё уносилось неведомо куда! Рэду было неловко спрашивать про столь очевидные вещи, он

понимал, что вся эта тара уносится вакуумом и там, на каком-то комбинате, перерабатывается. Рэд подумал: "Вот так бы и наш последний разговор с Рит отправить в вакуум и переработать до неузнаваемости!"

Рэд для большей гарантии, чтобы обезопаситься от притязаний Рит, поехал в ночь на пульт управления, в так называемую ПУС, что переводилось как Пульт Управления Судами. Он располагался в порту, пропуск в Порт у Рэда был, и он попросился на пульт, используя всё своё обаяние:

– Ну что Вам стоит! Я же вписан в судовую роль! Мне необходимо попрактиковаться, ведь мы с братом продумали новую систему обучения. Я вроде как должен один рейс понаблюдать со стороны! Для пущей педагогики!

Охранник со снулыми глазами телепатически прочитал весь этот обман, но восхитился гибкостью мысли Рэда и не стал ему препятствовать. "Ладно, пусть идёт. Может и правда, наберётся чего-либо, потом проявит себя. Нам охранникам, опять же, легче жить будет. Дети-то тоже у меня подрастают. Старший сын уже поступил в клуб юных охранников. Время быстро летит. Там внуки глядишь пойдут. Их же тоже надо чем-то кормить. Пусть бороздят океаны, всё больше еды для народа!". Так думал этот старший охранник, пропуская Рэда на пульт.

Рэд быстро со всеми перезнакомился, соврав опять, что его "прислали практиковаться". Операция с буксировкой морского змея была очень опасной. Зверь мог каждую минуту очнуться от анабиоза и взмахом хвоста или своими чудовищными челюстями повредить органы управления фэна или даже разгерметизировать его. Поэтому связь была непрерывной. Вскоре все действия с освобождением буксировочного ваера были закончены, и Арс доложил, что он ложится на обратный курс. В высокоэффективном режиме судно то ли как-то искривляло время-пространство, то ли ещё каким неведомым для рационального ума Рэда за несколько часов покрывало огромные расстояния.

Утром Рэд уже обнимался с Арсом, радость их встречи была столь велика, словно они не виделись десяток лет. Может, эта встреча

скомпенсировала первое их знакомство, когда они поздоровались несколько холодновато для близких людей.

Арс спросил Рэда:

– Ты ещё не был в местных пивных?

– Нет, – ответил Рэд, который и в не местные отродясь не заходил.

– Ну, тогда пошли! – сказал Арс. – По традиции моряки по приходу в порт идут в пивную!

Они не пошли в обычную портовую забегаловку, где Арс мог случайно встретиться с моряками со своего судна, а проследовали дальше вглубь города и зашли в весьма цивильное кафе, где пиво подавали не в огромных кружках, напоминающих графин, а в маленьких стаканах. Напиток сопровождался изысканными закусками, выполненными с проявлением большого кулинарного искусства. Рэд сразу спросил, вернее, засыпал брата вопросами:

– Сейчас по монитору видел столько моллюсков, вокруг твоего фэна! Почему их не ловят и не подают к пиву? А эти закуски, они что, тоже из планктона? В чём выгода? Бросать моллюсков, а потом искусственно делать имитацию из однообразного продукта?

– Планктон берут лишь за основу, – терпеливо разъяснял Арс, – затем его очищают, наполняют нужными присадками, и он становится максимально полезным для организма Руди!

– Ну, ладно! – успокоился Рэд. – Рассказывай, что самое главное было в твоей операции?

– Всё было главное! – устало ответил Арс, – И ваер освободить – главное, и змея не повредить – главное, и энергию не перерасходовать – главное! Всё главное! Как отдохнул?

– Ну, я насмотрелся там, в общем! А что так над теми Руди издеваются? Правительство не может им денег дать, что бы они жили хорошо?

– Хорошо, это лучше относительно кого? Если все будут жить "хорошо", то с кем будет сравнивать? Надо же "ноль" отбить. Надо же чтобы сказать: "Вот я живу хорошо, а тот плохо!" А если все живут хорошо, то что?

– Я не то имел в виду, – стал медленно, про себя, соображать Рэд, – ну, чтобы те Руди в посёлках по-человечески жили!

– Так они и живут "по-человечески"! – скаламбурил Арс, – А если серьёзно, то есть коммуны по интересам. Неблагополучных Руди сканируют в приёмниках- распределителях и определяют в такие коммуны. В одной, например, все играют на игровых автоматах и в карты. В другой – все рыбу ловят на удочку. В третьей коммуне все играют в компьютерные игры. И так далее...

– А коммуны гомосексуалистов тоже есть? – попытался разбавить шуткой разговор Рэд.

– Есть! – абсолютно серьёзно ответил Арс, – Есть, даже такие коммуны, где все – "звёзды". Одни поют песни, а другие непрерывно снимают их на видео. Потом выпускают всякие журналы и альманахи про жизнь этих звёзд. И выдают друг другу ордена и статуэтки, очень органично! У них там сплошной фестиваль, и смокинг – это костюм-casual!

– Так что же все не живут в таких коммунах, а ползают по грязи голодные?

– Живут! Почти все живут в коммунах! Лишь немногие, которых ты видел, некоторые из них, бегут оттуда, бегут в погоне за какой-то мнимой свободой. Наверное, предки у них были пираты!

– Да-а-а! Чудеса! – протянул Рэд, – Ну, а если педофилы, или маньяки- геронтофилы?

– Вот тут нет! – жёстко отрезал Арс. – Посвященные, если отсканируется такой случайный прилов при телепортации, таких сразу утилизируют. Выжигают, чтобы гены такой переверзии не распространялись вовсе! Бывает, и при мутации выскакивает такой индивид. Но его тоже сразу утилизируют!

Рэд догадался, о какой утилизации идёт речь. Но, оберегая нервную систему брата, не стал ничего уточнять. "Не маленький!" – сказал он себе, – "Сам соображать должен!"

Арс прочитал его мысли и остался ему благодарен. Но теперь начал терзаться Рэд. Его точила мысль: "А что, за прелюбодеяние может быть тоже утилизируют? Спросить бы Арса. Но здесь вопрос с Рит опять вскипает!"

Неожиданно для себя он выпалил:

– Арс, мы с тобой братья, Я тебе скажу напрямую! Твоя жена делала мне непристойные предложения!

Арс не дрогнул ни единым мускулом лица. Он давно не питал к Рит никаких лирических чувств, а воспринимал её только как биологическую мать своих детей. Нервная изнурительная работа пожирала у него весь остаток тестостерона и на половые аспекты у него не находилось даже мыслей! Он мудро ответил брату:

– Может, ты её не понял?! Может она, просто хотела тебя обнять, по родственному! Знаешь. как хочется женщинам прижаться к мужской спине и подзарядиться мужской энергией! Этого им так не хватает!

"Да-а-а!" – про себя подумал Рэд. – "Нравы у них, как в древнем Риме у цезарей!"

Арс прочитал мысли Рэда и ответил ему исчерпывающе:

– Здесь, у Руди, прелюбодеяние не считается грехом! Половые связи давно не осуждаются ни моралистами, ни юристами. Всё пустили на самотёк. Вышли в этой области, на уровень инстинкта. Хочешь совокупляться – совокупляйся! Многие женщины любят, например, когда их насилуют, это их сильно возбуждает. И, наоборот, многих мужчин это тоже возбуждает, они телепатически находят друг друга и насилуют взаимно!

– Хватит про эти безобразия! – попросил его Рэд. – А можешь ты меня устроить жить где-нибудь вне твоего дома?

– Могу. Но тогда тебе придётся пройти реабилитацию в центре. По необходимому условию телепортации ты должен, если проходишь подготовку по индивидуальному плану, ежечасно находится под моим присмотром!

Такой расклад был на руку Арсу. Женщины, как в юные времена, сейчас его уже не интересовали. Дети его рождения стали воспитывались, согласно данным их сканирования, по линии искусства. А Арсу так хотелось наставничать, передавать свой технический опыт, поэтому, он так быстро привязался к технически любознательному брату. Страсть к технике у них, очевидно, была наследственной! Из бара они поехали домой. Рит нигде не было

видно. Потом, впоследствии, Рэд понял, что когда Арс появлялся дома – Рит выметало за порог! Он стал пользоваться этим фактом, и всё у них пошло на лад.

Переночевав и позавтракав, братья собрались в Управление порта. За завтраком, который был всё так же однообразен, Арс поучал брата:

– Ты к еде относишься, как к необходимой процедуре. Это как заправка энергией фэна. Тогда не будет проблем с ожирением! Это бл...дство с ожирением идёт от первобытных людей! С харчами было напряжёнка, вот и делали праздник, когда подстрелят какого-нибудь поросёнка! А сейчас с жратвой напряга нет. Относишься к принятию пищи, как к чистке зубов!

За такими монологами они уплетали яичницу с беконом, и Рэд уже не ужасался, осознавая, что эта яичница тоже сделана из планктона. Для экономии времени Арс научил брата подключать к мышцы к электробиостимуляторам. Он поучал:

– Чувствуешь по себе, что какая-то группа мышц дряхлеет. Вот – выставляешь на дисплее, что тебе надо подкачать. Биоэлектростимулятор с помощью поля будет тебе сокращать мышцы с нужной интенсивностью, даже во сне!

Таким образом заправившись по всем параметрам, братья сели в кар, которым с удовольствием управлял уже Рэд, и направились в порт. В порту, в Управлении, Рэда немного протестировали, но на какую тему – он даже не понял. Просто одели шлем, даже без проводов, и через мгновение сказали: "Годен!". И сразу выдали Начальный сертификат. Правда, он был временный, но это не огорчило братьев. Выдача постоянного была не за горами, для этого надо было лишь пару деньков провести в госпитале Пункта эмиграции для тотального тестирования психики. Пригоден ли соискатель жить среди Руди. В случае получения неудовлетворительной оценки, претендента телепортировали назад, на Землю. Предварительно стерев всю память. Оттого на Земле периодически появляются люди ниоткуда, которые ничего не помнят и их пытаются лечить от полной потери памяти.

Арс был горд за брата. Он внутренне, только для самого себя, считал, что это его заслуга – ведь он провёл успешный тренинг. Осуществил эдакий коучинг!

Глава 8

В городе-герое Мурманске жизнь шла своим чередом. Штаб по спасению самолёта Рэда и самого Рэда вовсю действовал. Толик развивал бурную деятельность. Телефонные переговоры пожирали средства высокими темпами, поэтому он приспособился слать телеграммы. Простые старые добрые телеграммы. Он своим самобытным умом сообразил: "Разговор – что? Поговорили и забыли! А телеграмма же, телеграмма – она ляжет на стол большому начальнику. Всё какая-то деятельность! Телеграммы подшиваются. На заседании на Совете директоров расшифровывают в телеграммах казуистические сокращения. Каждый старается предложить свою трактовку фраз, претерпевших сокращения и без предлогов. Дела идут, контора пишет!"

После выдумывания такой удачной идеи чем же занимался мурманский штаб по спасению Рэда? А все участники шли в очередной ресторан и садились обедать. Обед плавно переходил в ужин. Работники ресторана их всех уже хорошо знали, поэтому разрешали оставаться в зале даже на обеденном перерыве. В ресторане "Полярное Утро" коллектив был дружный, "спитый", как говорили они сами про себя. В перерыв труженики ресторана сдвигали несколько столов и заседали, не вставая, как кавказские аксакалы, часа два. Если бы перерыв был дольше, то они сидели бы и дальше. Возглавляла стол заведующая производством. Сам директор ресторана считал себя высшей кастой и с коллективом предпочитал не смешиваться. Если ему нужно было что-либо от кого-нибудь, он вызывал в кабинет и излагал свои тезисы, так сказать, келейно. Завпроизводством все звали Вандой, а точного имени её не знал никто. Казалось, даже начальник отдела кадров треста ресторанов и кафе знал её по имени Ванда. Характер у неё был как у типичной бандерши, она ругалась матом на всех официанток, не выбирая выражений. Однажды директор сам услышал, как Ванда назвала "шалавой" одну официантку за то, что та отказалась пропускать просроченный, да ещё левый, товар. Директор, который считал себя интеллигентом в первом приближении и даже пытался ходить с женой в театр, сделал замечание:

– Ванда Владимировна! Что же вы так на девушек нецензурно ругаетесь?

– Что-о-о?! – отвечала та, – где вы видите девушек? Это же бл...ди!

Тем не менее, все официантки и даже королева ресторана – буфетчица, очень

Ванду уважали и любили. Некоторые даже побаивались. Все шёпотом рассказывали о некоторой её связи с местными бандитами, которых она снабжала дефицитной икрой и коньяком. И всё же перестройка брала своё и рестораны заглохали прямо на глазах. Уже не было тех живописных очередей на крыльце в вечерние часы. Но, вырубить икры из под прилавка норовил всякий уважающий себя начинающий бизнесмен. Ванда восседала во главе обеденного стола и банковала. Она громко комментировала, с применением докерского юмора, все повествования официанток, и весь стол угодливо смеялся. Смеющаяся официантка старательно поворачивала лицо в сторону отпустившей заключительную реплику Ванды, старалась заглянуть ей в глаза, чтобы та зафиксировала, как её подданная высоко ценит остроумие своего кумира. В этот раз армянка Валька рассказывала про свою проделку, которая была патентована в любом ресторане города, с очередным морячком. В ту пору морякам в дальнем плавании ещё платили уже ненужные никому боны. Магазин "Альбатрос" увял. Дефицитные японские телевизоры растаскивали с чёрного хода за полуторную, а, порой, и за двойную цену. Так вот, Валька повествовала, как один морячок напился до того, что ему стало плохо. Заученной тропой Валька увела его в кухню умываться. Там она заботливо склонила его голову под кран, в умывальник, который по саннормам существовал, якобы для того, чтобы официантки перед каждым новым клиентом руки мыли. Пиджак-курточку морячка Валька заботливо предложила снять, и пока поплохевший мареман плескался в струе холодной воды для отрезвления, как дикая уточка в луже городской канализации, она старательно обшарила его карманы. Суть рассказа была в том, что когда морячок, уже за столом, стал расплачиваться, то не обнаружил денег.

– Я ему и говорю, – ликовала официантка перед своими коллегами. – Ну, ты парень честный, я тебя знаю, завтра принесёшь!

– Так он принёс? – предвосхищая восторг спросила молоденькая официантка.

– Принёс! – торжественно воскликнула Валька. – Даже чаевых отвалил и благодарил как за спасение на пожаре!

– Ну, ты бл...дь морская! – прокомментировала Ванда.

Все стали громко хохотать, опять-таки угодливо заглядывая ей в лицо.

К тому времени Аркадия уже изрядно развезло от выпитого спиртного. Король-буфетчица настропалилась разводить технический спирт, который она доставала с атомохода, и продавала эту смесь вместо водки. Но только своим людям! Воспитанная советской системой контроля, она ещё побаивалась подавать эту смесь в графинчиках кому попало. Смесь была крепкой и Аркашу развезло не на шутку. К тому времени час пробил, и страждущие вкушать от щедрот в "Полярном Утре" настойчиво стучали в дверь. Швейцар дядя Жора несанкционированно отлучился с дежурства, и пост на воротах остался пустым. Ванда скомандовала:

– Мальчики! – это она обращалась к штабу, который с её же благословения коротал время на обеденном перерыве в зале ресторана. – Откройте посетителям!

Аркадий, как самый младший, пошёл вскрывать дверь для входа посетителей. Когда он взялся за истёртую мозолистой рукой дяди Жоры ручку входной двери, в нём вспыхнул беспринимательства. Очевидно, через дверную ручку его достали дяди-Жорины волны. Он приоткрыл дверь на три пальца, как дядя Жора, и строго сказал в щелку:

– Ресторан закрыт на спецобслуживание! Кидайте все по червонцу, и я вас пропущу, уж так и быть!

Всё крыльцо загомонило – они так долго стояли на холодном полярном ветру. Особенно басил огромный тралфлотовец, который пришёл самым последним, но у двери был первым:

– Почему объявления на дверях нет! Позови Ванду! Где дядя Жора?!

Аркадий стоял на своём и, держась за ручку двери, пихал тралфлотовца в грудь. Тралфлотовец, не имея опоры для заякоривания, терял силы на скольжение и перебирание ногами, ещё больше энергии у него уходило "на гудок". Он непрерывно орал:

– Я здесь после каждого рейса гуляю! Меня все знают! Позови Ванду!

Не столь услышав крики, сколько по наитию, Ванда вышла своей утиной походкой, которую она считала царственной, к месту боя. Услышав слова Аркаши, она страшно испугалась, что этот инцидент запишут на неё. Ещё живы были воспоминания об андроповских временах. Она отодрала Аркадия от ручки и стала извиняться за "пьяного дурака". Один посетитель с внешностью помполита осуждающе промолвил:

– Что же у вас, гражданочка, персонал такой пьяный?

– Он не персонал! – наверное, впервые в жизни оправдывалась Ванда, – Он как выпьет – так полный дурак!

Такой аргумент убедил помполита, и он удовлетворённо проследовал в зал. Ванда стала распекать Аркадия:

– Ты что меня под монастырь подводишь?!

У Аркаши всё спуталось в голове. При виде Ванды вспыхнули ещё и обрывки сплетен, которые морячки портофлота пересказывали в пивнушке. Он стал всё это вить в одну канву:

– А ты... Ты вообще... – сообщил он Ванде свежую комбинацию слухов, составленную из всех обрывков его мыслей. – Хочешь выдать дочку после восьмого аборта за целку, и найти ей мужа... штурмана, как минимум... Чтобы потом самой с ним спать!

Ванда опешила от такого залпа, а Аркадию тут опять стало плохо, и он потащился в умывальник, где его вырвало разведенным спиртом прямо в раковину. Опомнившись Ванда издала клич, решив, что она сама разберётся с этим хамом, без милиции:

– Вот теперь убирай! Всё убирай сам, руками!

Аркаша снова наполнил раковину, теперь уже до краёв, так как слив забился харчами местной кухни, которые он изверг вместе с

раствором спирта-технаря. Он, не разгибая туловища, нащупал в кармане три рубля и протянул их Ванде:

– На, за беспокойство! Уберёшь здесь!

Ванда зашлась криком. Она стала трясти Аркадия, схватив его за курточку, вопя бессвязное:

– Курва рваная! Рвань позорная! Пазор стрёмный!

Каждое следующее слово у неё рождалось как бы из предыдущей фразы, и эту слововязь она могла продолжать бесконечно. В своё время она выучила все портовые и морские ругательства, чем заполнила потребность в иностранном языке. Согнутый Аркаша метался по холлу, наугад ища руками точку опоры. Наконец, его руки опёрлись об алюминиевый с пластмассовой крышкой столик, заботливо, Вандой же, установленный возле вешалки, чтобы посетители могли положить на него что-либо при одевании. Допустим, взятые "на вынос" бутылки бодяжной водки. Был случай, когда клиент поставил бутылки на пол и сам же пихнул их случайно ногой. Бутылки разбились, распространив запах технического спирта, который перекрывал испарения из лужёных глоток матросов, жарко рассказывавших друг другу одновременно "истории из рейса". Аркаша схватил лёгкий столик, приподнял его над головой и огрел Ванду, как надоедливую собаку. Вот этого она уже не могла перенести!

– Убивают! – вопила она непрерывно.

Но милицию никто вызывать без команды самой же Ванды не спешил. Подоспевшие Толик с Таней увели победителя от рыдающей Ванды. Аркадий, с видом Давида, убившего Голиафа, отдавал назад ей всё, что она посвятила ему:

– Шалава! Шмындра паровозная! Рвань е...учая! Пи...дорванка гнойная!

Его дружно увели его под руки в номер, где он мирно заснул, уставший от сражения.

Но через час его разбудил Толик:

– Аркан! – тряс он его за плечо. – Ванда заявку в ментуру накатала!

Быстро, совершенно несвойственно для пьяного в дым человека, Аркадий оценил ситуацию. Он достал из кармана рубль и скомандовал своему начальнику:

– Иди и купи ей шоколадку!

– Аркан! Какую шоколадку?! Тебя она посадит года на два! У неё вся милиция повязана!

Аркадий судорожно подумал ещё. Решившись, он достал из кармана ещё рубль и вымолвил:

– Тогда... купи ей две шоколадки!

Анатолий, поняв, что его соратник невменяем, побежал улаживать дела. Он долго лопотал всхлипывающей в истерике Ванде, что Аркадий хороший мальчик, что его мама любит! Что он учится в медицинском институте на седьмом курсе. Немного подумав, Толя отчаянно выкрикнул:

– Аркадий учится на гинеколога! Хороший врач будет!

– На гинеколога... – вдруг стихла Ванда, – тогда пусть учится, не буду губить ему карьеру, сколько он женщин спасёт!

Но путь в этот ресторан троице теперь был закрыт. В поисках нового пристанища штаб по спасению экспедиции Рэда перекочевал в ресторан "Беломорье". Сей ресторан был на отшибе, и Толя надеялся, что слухи о буйном характере его подчинённого сюда ещё не докатились. В принципе, все рестораны советского наследия были одни и те же и по интерьеру, и по сервису, и по кухне. Поэтому, если человек сильно подвергнулся воздействию раствора этанола, а потом на мгновение приходил в себя, он никак не мог понять, в каком городе и ресторане он находится? В Омске, Мурманске или в Москве?

В новом месте играл всё такой же квартет-шалман. Певичка надсадно, но вживую, выводила: "Держи меня, соломинка, держи, когда шторма идут двенадцать баллов!" Это было близко по духу отдыхающим между рейсами морякам. У тех, кто был в рейсе, жёны "стояли на вахте" за своих мужей в ресторане. Оставив двух-трёх детей на попечение мамы или старшей дочери, они изображали из себя участниц кабаре. Одеты они были поголовно в джинсы и кофточки из магазина "Альбатрос". На головах у них красовались парики,

привезённые мужьями из рейса. Парики были из нейлоновых волос и очень боялись оплавления при курении. Обряд курения морячки вершили без пауз и отдыха, даже когда танцевали. Танец напоминал своими движениями процесс борьбы пензенских крестьян с нашествием саранчи в девятнадцатом веке. Морячки испуганно вытаптывали каблуками привезённых мужьями аргентинских сапог каменный пол ресторана. Пол был сделан из податливой смеси белого цемента с мраморной крошкой, а женщины носили свои сапоги до степени, когда набойки на каблуке уже утрачивались и из оголенного каблука выступал стальной штырь. Этим-то штырём и наносились мириады щербинок на грязно-жёлтый пол ресторана. ...Соломинка никак не внемляла призывам певички и подпевкам морячек. Песню заводили вновь и вновь, а неутомимые моряцкие жёны, не утратившие силы на домашнем хозяйстве и воспитании детей, гвоздили пол со всё возрастающей яростью...

Когда морякам дальнего плавания надоедала тягомотная борьба за крепкую и дружную семью, они привозили с малой родины новых морячек, а вышедшие в тираж вступали в объединение брошенных жён. Целью и задачей которого было: "Вышибание алиментов из подфлажных! – с которых моряки дальнего плавания ясак не платили. "Подфлажными" назывались те самые боны, которые получал моряк, как только судно заходило за остров Рыбачий. Это место по географии называлось "Русский заворот". Там же располагалась банка Федынская, вечный предмет споров с норвегами: "Кто будет на этой территории ловить рыбу и разведывать нефть?", отчего политики называли банку "серой зоной". Но, независимо от серости, подфлажные здесь начинали платить исправно. По закону, алименты платились со всех видов дохода, но только не с валюты!. Очевидно, такую юридическую послабку себе отвоевали те, кто в советское время шастал за рубеж в исключительном порядке – и никто более! И вот морячки в отставке имели идею фикс получать алименты с моряков с учётом их валютного заработка.

Толик, Аркадий и Таня примостились за столиком, где уже сидели вышеописанные дамочки в нейлоновых париках. Они отчаянно дымили "Мальборо" и бросали быстрые взгляды на Аркадия – именно в нём они видели потенциальную жертву, так как Толю мысленно записали за Таней. В своих дряхлеющих от поедания

картофеля и чая с сахаром телах они не видели возможности отбить кавалера у такой молодой экзальтированной особы. Аркадий, после вояжа в Североморск унаследовавший условный рефлекс "скотобоязни", с опаской бросал на морячек короткие взгляды и мгновенно отводил глаза, разглядывая под столом точки от штырей каблуков аргентинских сапог. Вскоре такая конспирация ему сделалась невыносима, и он непроизвольно стал искать знакомство среди мужской половины ресторана. Такая манера поведения симулировала признак "голубизны". А может, всё так и происходит? После сексуальных и гастрономических потрясений, каковые Аркадий претерпел в Североморске, молодые парни таковыми и становятся... "Голубые" всё таки не позволяют грубого поведения со своими пассиями. Более того, они сами зачастую становятся объектами нападений свирепых дамочек, под жернова которых намеренно угодил Аркадий. Поэтому он непроизвольно искал общения среди особ мужского пола.

Передвигаясь в сторону туалетной комнаты, он совершенно случайно разговорился с мужчиной невзрачной внешности, но в великолепной синей габардиновой форме, китель которой сплошь был украшен нашивками, петлицами и золотыми пуговицами. Как потом выяснилось, это была форма вновь созданной "Арктической морской нефтегазовой разведки". А пока плюгавый носитель формы соврал Аркадию, что это форма "морской прокуратуры". О существовании такой прокуратуры Аркадий никогда ничего не слышал. Он знал, что существует "транспортная прокуратура", как он считал – "железнодорожная". Поэтому он подумал: "Чем чёрт не шутит. Может есть и морская прокуратура?!" Как любой человек, подвергавшийся в жизни насилию, он инстинктивно потянулся к человеку в форме и они разговорились. Тот пригласил его к себе за столик, за которым уже сидел спутник "морского прокурора", представившейся почему-то по фамилии:

– Корюшкин. Кооператор!

Даже сидя за столиком, кооператор производил впечатление очень высокого человека. Лицом он был похож на типичного профессионального плотника. Плотники постоянно владеют топором. Топор – это страшное оружие, поэтому плотники всегда собраны и

внимательны. Взгляд кооператора был острый. Глаза располагались в глубине между выпуклыми татарскими скулами и большими ломбровскими надбровными дугами. Всё остальное на лице при таких выдающихся чертах казалось для природы ненужным. Поэтому выглядело всё очень маленьким: и рот, и глаза, и нос. "Морской прокурор", напротив, ничем особенным не выделялся, лишь реденькие, цвета иранской хны, усы были прикреплены над верхней губой. Они казались мхом, появление которого на газоне никто не планирует.

Корюшкин только что втёр грандиозную идею "морскому прокурору", коим он считал собутыльника, и своё обращение с проблемой видел весьма адресным. Идея была в том, что на одном арктическом острове существовал почти экзотический рыбный колхоз. Колхоз был полностью дотационным, очень проблемным и отличился лишь единожды, когда про него узнали многие.

Населяли посёлок колхоза величиной в три улицы местные жители-ненцы. Для них в своё время властью партии была выстроена баня. Баня хронически пустовала, являлась по сути кладовкой для ненужных колхозных вещей. Как то в этот островной посёлок приехала по направлению молодая медичка. Она оседлала медпункт и разум председателя поссовета. Чтобы проявить свою активность, медичка удумала акцию такого рода: всем жителям посёлка по спецталону каждую пятницу продавали бутылку спирта. Медичка настояла, чтобы, наравне с печатью поссовета, на талоне ставился штамп медпункта, без которого спирт страждущему алкать ненцу спирт не продавали. Но штамп медичка ставила лишь при условии посещения ненцем бани, которую, по распоряжению предпоссовета, срочно реанимировали. Ненцы, как коренное население Арктики, было неслыханны возмущены таким кощунственным произволом! Дело в том, что они не мылись не то что в бане, а вообще и отродясь! Медичку было решено, общим сходом, предать полному ostrакизму за посягательство на вековые устои самобытного народа. За медичку вступился предпоссовета, и, когда они удирали в сторону пограничников на мотонартах, председателю случайно прострелили седалищный нерв. Председатель, вылечившись, охромел, и его комиссовали на инвалидность.

В Арктический посёлок прислали нового председателя, который пил горькую похлеще местных жителей, чем был им очень люб! Они считали его "в доску своим парнем" и доверяли ему беспредельно! Вот этот-то "свой парень" по пьяной лавочке купил, согласно купчей, огромный дизель-электроход, случайно севший на мель на траверсе посёлка. Руководители флота, которому принадлежал корабль, поили председателя до столбняка целый месяц, а по его прошествии он подписал купчую, заверенную привезённым для этого случая на вертолёте нотариусом. Всё шло хорошо. Но когда запасы спиртного пополнять стало нечем, нагрянула экологическая, рыбная и другие комиссии и оштрафовали несчастный колхоз на всю сумму дотации, которую им выписывало государство. Всё было, как на чудесном конвейере: дотация приходила на счета колхоза, деньги в одночасье пересылали на счета карательных органов и колхоз ещё оставался должным приставам!

Вот тогда, с подачи очередного афериста, по нужде отрезвевший председатель, избрал Корюшкина поверенным по продаже дизель-электрохода ещё кому-нибудь! И Корюшкин, проявив недюжинную активность, вышел на "морского прокурора", коего таким искренне и считал, и упайвал последнего в этот вечер в ресторане, назойливо требуя найти покупателя на дизель-электроход. У этого корабля, между прочим, в результате крушения образовалась пробоина метров десять длиной, и сидел он на мели в абсолютно несудоходном месте, так как закинуло его туда таким штормом, нагонной волной, какой бывает раз в четверть века. Стоял корабль, как памятник шторму, и был абсолютно никому не нужен. Но ничейных кораблей не бывает, и Корюшкин просто настаивал, коль скоро он проставил ресторан "морскому прокурору", чтобы тот немедленно нашёл нового покупателя! Морской прокурор, узнав возле туалета, что Аркадий москвич, притащил его за столик и интродюссировал его Корюшкину:

– Вот! Он москвич, а у москвичей денег мно-о-го! Я тебе покупателя нашёл? Всё, моя миссия выполнена! – и опрокинул стопку водки в рот, далеко закидывая голову.

В это время местный оркестр очень громко заиграл сумбурную музыку. Ударник, разминаясь, молотил нещадно по тарелкам,

изображая из себя Бонема и Чамберса одновременно, лихо размахивал палками, не обращая внимание на происходящее вокруг. Под эти звуки полутрезвый Корюшкин стал брать быка за рога. Он озвучивал условия сделки, кому какой бонус откатится, и сколько процентов отдадут лично ему, Корюшкину, налом, чистоганом, в сером конверте! Аркаша, отведав две стопки чужой тёплой водки, согласно кивал, опасливо поглядывая на облюбовавшую его морячку. Та уже потеряла из поля зрения Аркадия, и он от облегчения, соглашался с чем-то, ничего, ни одного слова, не понимая из сказанного! Корюшкин такую покладистость принял как следствие своей неслыханной дипломатии, заказал пробегавшей официантке ещё две бутылки тёплой водки и, наливая уже в фужеры, от такого успеха провозгласил:

– За морского прокурора, человека, умеющего держать слово!

Аркадий, считавший, что обмывают какой-то совершенно не касающийся его успех, радостно улыбался, уже начав потихонечку забывать хищный взгляд морячки, ощупывавший евожные справные ягодицы.

Тем временем морской прокурор, сбавив пару танцев с какой-то дамочкой, увязался её провожать, даже не попрощавшись со своими недавними собутыльниками. Оркестр ушел на перерыв. В ресторанном зале вдруг наступила относительная тишина. Кооператор Корюшкин форсировал притязания к Аркадию с удвоенной силой. Тот плохо понимал суть происходящего, словно пришёл посмотреть фильм с середины сеанса. Корюшкин вещал:

– Протокол о намерениях подписывать не станем. Сразу подпишем основной, а ты давай, на мой счёт завтра же перегоняй все деньги!

– Вы о чём говорите? У меня нет денег, я студент.

– Какой студент! Ты мне мозги не е...и! Нижневартовск на Оби!

Когда выпили ещё по стопочке, кооператор, который втайне гордился своим мнимым терпением, принялся с пьяной назойливостью снова объяснять Аркадию суть дела:

– Корабль хороший! Вот ваша компания купит его и пусть делает всё, что угодно! Стоит дизель-электроход в укромном месте – пусть

там и стоит сколько хотите времени! Вас никто не гонит. Ну, поставьте там пару бутылок председателю колхоза – и всего делов! Он за место денег не запросит. А топливо потом завезёте танкером.

– Я не понял, а чего вы сами-то на нём не плаваете? – наивно спросил Аркадий, который ничего не знал про регистры, пограничников, фрахты и прочую лабуду, с которой сопряжено хождение по морям.

– А топлива нет! – зацепился за свою последнюю фразу Корюшкин, – Вот завезёте топливо и в добрый путь! – от восхищения своей смекалкой, он под завязку заправил фужеры водкой и один из них подвинул к Аркадию:

– Давай за отход!

"Отход" и "приход" – две основных причины пьянки моряков. Другие тосты имеют уже только притяжательное значение. Аркадий, у которого питьё водки фужерами открыло второе дыхание в рассудке, отодвинул фужер, зафиксировав сей акт фразой:

– Я не пью! А чего это вы мне решили продать свой корабль?

Сильно опьяневшему Корюшкину стало казаться, что его собеседник, сидевший с ним за столиком, действительно не пил водки. И он начал вновь его убеждать купить дизель-электроход:

– Во-первых, он не мой! У меня только доверенность на продажу! И техпаспорт! Да у меня все полномочия! – начал распляться Корюшкин, – Вот ты – москвич?

– Да, я москвич! – ответил Аркадий утвердительно.

– А у москвичей денег много! – сделал логическое, как ему казалось, умозаключение Корюшкин.

Аркадий, окрылённый, что убедил пьяного собеседника, что он его водку не пил, дерзко спросил:

– А сколько ты просишь за свой корабль?

Корюшкин, который даже в пьяном виде понимал, что владение недвижимым, с пробоиной, имуществом, да ещё в месте нереста рыбы – большое обременение, вместо вводного слова, опять заговорил:

– Он не мой! У меня доверенность, полномочия! – Часть слов по причине опьянения съедалась, и произносил он: "Полнмощ-щ-щь...", вроде, как пьяный человек убеждает выпить: "Чисто символищ-щ-щь!" – затем он ответил на основной вопрос Аркадия, – Да не много! Три тыщ-щ-щь... долларов!

В этом месте Аркадия поразила стрела Меркурия, бога торговли: "Ё-маё! Купить у этого алкаша корабль – он же настоящий! Оформить всё через нотариуса и дело в шляпе! А в Москве потом перепродать за миллионы!

– Всё! По рукам! Беру! – вскричал он и метнулся было к Толику за стол.

Но, чуя свой успех, Корюшкин ухватил его за куртку (в то время в ресторан было очень модно ходить в плащевых куртках, словно по грибы) с шипением:

– Давай щас обмоем сделку! Ш-щ-шь...

– Подожди, компаньона позову, чтобы всё было легитимно! – ввернул Аркаша слово, широко входящее в моду. Он промчался через весь зал к своему столику и, как ушат воды, вылил на голову Анатолия вязанку информации:

– Всё! Я договорился! Ищи срочно покупателя! Берём сегодня, покупаем судно!

– Какое судно? – округлил глаза Толик. Он искренне думал, что Аркаша в очередной вылазке по проникновению на военную радиостанцию, для восстановления воспоминаний радистов о принятии сигнала с самолёта Рэда.

– Дизель-электроход! – и Аркаша быстро залопотал рассказывать все бессвязные сведения, осевшие в его голове, – Стоит, гад, возле острова... а там колхоз... председатель владеет и продаёт... за четыре тысячи долларов всего! – он "на автомате" пристегнул и свою долю в одну тысячу долларов.

– Сядь. И не дёргайся!

Аркадий послушно водрузился за столик. Таня тоже изумлённо смотрела на докладчика расширенными глазами. Если бы она в данный момент увидела бы свои глаза со стороны – они бы ей очень понравились!

– Тебе что? За кидок нашей компании обещали долю? Что за ахинею ты несёшь про какой-то теплоход?

– Никакой это не кидок! Всё реально. Вон за тем столиком сидит перец, фитильной, – таким словом Аркадий обозначал высоких людей, – у него доверенность на продажу корабля, он может его продать!

– Успокойся! Мы не покупаем корабли. Мы ищем затерявшийся в Арктике самолёт. Понял?

– Понял, – вдруг тихо произнёс утомившийся Аркадий. Он вновь заметил хищные взгляды морячки, которая явно желала с ним познакомиться. С дамочками данного типа у него развилась явная импотенция, но проверять этот медицинский факт он никак не желал!

Вдруг, исподлобья наблюдая за взглядами охотницы-морячки в его сторону, он боковым зрением засёк входящую в зал ресторана знакомую троицу. Это были: капитан Бриттов, его первый помощник Саша и старпом Жора Азев. Те тоже заметили знакомых москвичей и с криком "О-о-о!!!", широко расставив руки, двинулись в их направлении. Послышались обычные в этих краях: "Какие люди... без охраны!.." – и прочие общие слова.

– Ну, вы сейчас как? Где вы сейчас были? – спросил Толик.

– Да-а-а! Обломались. "Коробка" в Гаджиево! – сказал словоохотливый Саша, который был более всех подшофе. Бриттов пристально поглядел на него с укоризной.

– А где это Гаджиево? В Азербайджане? – переспросил Аркадий.

– Не-а! В Полярном! – воскликнул Сашка, за что получил тычок локтём под рёбра от капитана.

– Ясно, ясно! – произнёс Толик, что такое припомнивший. – Военная тайна!

– Она самая! – широко улыбаясь подтвердил Жора, – Мы сюда еле прорвались! Мест нет. Вы нас не посадите где-нибудь сбоку?

– Легко! – радостно воскликнул Толик и завопил, подняв руку. – Официант! Тот, конечно, даже не пошевелился.

– Э-э-э! Это у нас так не делается! – сказал Жора и устремился за занавески в сторону кухни.

Через минуту он вышел с тремя стульями, которые они расставили симметрично, превратив четырёхместный столик в шестиместный. Вскоре появился официант – "девушка" сорока лет, с полностью разрушенной бисквитами и польским ликёром фигурой. Моряки-подводники лаконично навели заказ, состоящий из водки и стандартного, имеющегося в ресторане набора закуски, и продолжили бурный застольный разговор. На вопросы членов штаба по спасению самолёта и Рэда, Бриттов ответил:

– Давал я задание радисту, давал! Он три дня опрашивал всех знакомых радистов, кто слушал эфир последние месяцы. Никаких сведений о том, что кто-то видел самолёт "Як" в Арктике, не было!

– Ну не мог же он сквозь землю провалиться! – высказала единственную реплику Таня, вспомнив, что она исполняет роль ждущей невесты.

– Сквозь лёд провалиться! – ввернул чёрный юмор пьяный Сашка, первый помощник.

В это время к ним нетвёрдой походкой подошёл кооператор Корюшкин. Прерывая плотно льющуюся беседу, он обнял за плечи Аркадия и начал тянуть его из-за стола:

– Пойдём выйдем, пойдём!

– Гражданин, оставьте меня в покое! – освобождал плечи Аркадий.

Сцена явно была похожа на приставание поклонника однополой любви к приглянувшемуся парню. Сашка, не долго думая, двинул Корюшкина в подбородок, и тот косо завалился на каменный пол, истыканный шпильками аргентинских сапог. Полулёжа на полу, Корюшкин вяло помахал кулаком, норовя кого-нибудь ударить, хотя, находясь в состоянии грогги, он почти ничего не видел, а кулаком двигал чисто инстинктивно. Участники застолья неуклюже отпихивали его ногами подальше от себя. Бриттов распекал Сашку, который, находясь на службе, даже во внеурочное время являлся его подчинённым:

– Зачем тебе приключения? Мало тебе "персоналок"? Вечно лезешь, куда тебя не просят!

Сашка, молчал и лишь улыбался. Драка возбудила его, и душа требовала продолжения состязания, так как кровь в нём кипела и энергия требовала выхода. Если бы не присутствие капитана, он бы бросился пинать ногами падшую жертву, пока не устал бы пинать! Но он знал суровый нрав Бриттова и всегда подчинялся одному его суровому взгляду! Вскоре появились два милицейских сержанта, которые всегда паслись рядом с рестораном на "боевом дежурстве" – место было хлебное. По наводке администратора они выволакивали из зала на улицу пьяных морячков и вытаскивали у них из карманов всё, что не успели выбрать разбитные официантки.

Сержантики, взяв под мышки Корюшкина, полупарализованного от удара Сашки и от алкоголя, поволокли его к выходу, Ноги Корюшкина вяло перебирали каменный пол, имитируя бег по тренажёру-ходунку. С Сашки даже не взяли объяснений. Бриттов показал удостоверение, что он офицер Северного Флота и дал понять, что "этот тип домогался к его подчинённому, с этой гнусной целью подошёл к их столу и даже хотел ударить Александра кулаком". Вся компания активно кивала и скандировала: "Да, да, хотел ударить, ударил!" Этого было достаточно. Корюшкина увезли спать в вытрезвитель.

Застолье продолжалось. Начали произносить тосты "за отход"! Когда нетактичный Аркадий переспросил: "Когда отход?", на него зашикали, а Жора тихонечко сказал, что это самая большая тайна. При этих словах Жора держал рюмочку с водкой и этой же рукой гипнотизировал слушающих указательным пальцем той же руки. Обстановка в стихшем без музыки зале ресторана становилась таинственной. Слово "тайна" всегда возбуждает у людей самое неподдельное любопытство. Таня заинтересованно спросила:

- Так вы вернулись с моря?
- Из океана! – поправил её Саша.

Гибким женским умом Таня поняла, что так просто она никакой тайны не узнает, и увлекла танцевать капитана Бриттова под звуки вернувшегося оркестра. Жизнь её в ожидании "жениха", то есть Рэда, была довольно-таки однообразной, и возможность узнать хотя бы какую-нибудь тайну увлекла её. Аркадий тоже времени даром не

терял. Его любопытство было попрямее женского, и он в, отсутствие капитана, просто осадил разговорчивого Сашу вопросом:

– А чего это вы вернулись? Лодка дала течь?

Саша с Жорой рассмеялись над такой наивной догадкой, и умудренный, как ему самому казалось, опытом старого морского волка Саша поведал Толику с Аркадием их последнюю морскую историю:

– Попадка вышла! Не пронесло в этот раз! В океанах, особенно последнее время, всё чаще встречаются "квакеры"!

В этом месте Жора его перебил, поднёс свой гипнотизирующий палец к губам и произнёс:

– Но, только тс-с-с! Об этом даже рапорт нельзя писать в штаб ВМФ! Полное умолчание!

– А почему даже докладывать-то нельзя?! И кто такие "квакеры"?

– Нельзя – и всё тут! Могут на берег списать, как психически неблагонадёжного. А они есть и все их слышат!

– Да кто есть? Чего слышат? – спросил Толик, у которого тоже начало формироваться начальное мнение, что все подводники не совсем "того".

– Да, квакеры же! – сделал гримасу Сашка, – Только мы вышли в Атлантику, прошли Лабрадор, тут акустик и радист докладывают на центральный пост, что слышат наших старых знакомых. Мы их всех про себя в сознании, да и в частных разговорах, относим к гидролокаторам натовским. Вроде как америкосы по всем океанам, даже в Ледовитом, наставили этих локаторов, чтобы следить за нашими лодками или своим, как маяки, дорогу указывать. Здесь ещё Бриттов, но он капитан, не нам о его действиях рассуждать, дал команду на всплытие. Продули мы балласты, матросы вышли на палубу, а мы стоим на ходовом мостике. Вдруг сигнальщик докладывает: "Вижу колёса!" – мы глядь на зюйд-вест, а там под водой световые колёса крутятся! Это напоминает, знаешь, лазерное шоу такое, только не в небе, а в воде.! Дал капитан команду: "Малый ход!" – смелый он у нас. И стали мы двигаться прямо на колёса, как

бы наезжать на них. И в ту же секунду у нас вся электроника отказала!.. Ну, потом получили мы команду возвращаться на базу.

Теперь мы здесь. На проверке. Нас, личный состав, тоже проверяли в госпитале. А там медсестрички – ничё! – закончил Сашка рассказ в привычной для него манере.

Сразу посыпались вопросы:

– А колёса-то большие? А глубоко они под водой? Быстро крутятся? Какая у них скорость вращения? – частили на перебой Аркадий и Толя.

Сашка был парень грамотный и любитель поговорить, что часто бывает с людьми, пребывающих в частых автономных походах. Он начал было отвечать:

– Не скорость вращения, а частота вращения! Диаметр, ну, несколько десятков метров. И впечатление такое, что они конкретно материальные! Наверное, америкосы что-нибудь мутят, против нас!

Тем временем, загадочная, как Мата Хари, Таня вернулась с тура танца с Бриттовым, который склонился к уху Толика и тих спросил:

– Можно ли проводить Таню?

– Нет вопросов! – ответил весёлый Толик.

Его расчёт оказался верным – моряки расплатились за весь столик. Толя подумал про себя: "Хоть какая-то польза от кобылы будет!" – при этом он отозвал "Мату Хари" для выдачи инструкций, по поводу выдачи, навешивания просьб капитану Бриттову, по поводу более детального расспроса радистов, насчёт самолёта Рэда...

Бриттов и Аркадий оказались как-то в это время одни рядом и тот сказал Аркадию:

– Судя по началу сегодняшнего вечера, ты – большой коммерсант! Может, поможешь мне в ближайшую субботу автомашину на авто-толкучке продать? А то мне при моей должности не с руки. Может политотдел пронюхать!

– Да какой я коммерсант! – начал откорячиваться Аркаша. – Просто это такое стечение обстоятельств! Пристал этот дурак, мол, купи дизель-электроход! А я из-за музыки и не слышал, о чём речь. Просто я от одной хищной морячки прятался!

– А-а-а! В этом я тебя понимаю! Ну, так как? Поможешь с толкучкой? А то шуряк подсуропил мне Форда. Шуряк – он в рыбаках ходит, вот и привёз мне по-родственному. Стоит теперь, ржавеет!

- Легко! В этом я спец!

На том они и порешили. Условились о встрече.

Глава 9

Утром Рэд проснулся раньше Арса. Он знал, что усталость и простуда хорошо выходят со сном, особенно, когда спишь дома, в своей кровати, что и делал сейчас его брат. Рэд осторожно прошёл в столовую и задумался: "Что бы сейчас съесть?" – голод в молодости рано поднимает с постели. Он старался думать подальше от холодильников, эти умные твари реагировали на мысли мгновенно и, считав мысль, если думающий о пище находился в секторе сканирования, доставляли блюда в своё нутро из автоматической фабрики-кухни. Хотя Рэд свыкся с мыслью, что всю еду – всё многообразие блюд – делают из одного исходного продукта, планктона, он всегда тщательно выбирал новое блюдо, стараясь, чтобы по меркам землян оно стоило подороже. Он вновь выбрал чёрную икру и лангустов. При посторонних он стеснялся сильно шиковать, хотя все блюда по себестоимости были одинаковы. Рэд опасался, вдруг кто-то подумает: "Он, наверное, из голодного края?" – и заказывал как все, бифштекс с картошкой. Сейчас в одиночестве он решил отвести душу. Через доли минуты светодиод мигнул: "Заказ готов!"

Рэд достал две тарелки. К одной, где возлежал горячий и красный лангуст, прилагались даже щипчики для его разделки. Рэд тут же подумал: "Интересно, а щипчики растворятся?" Дело в том, что после еды вся посуда бросалась в одну ёмкость, куда текла вода. При нажатии кнопки в ёмкость падала капля какого-то реагента, и вся посуда, без следа растворяясь, утекала. Всё время спрашивать у кого-нибудь про непонятное Рэд считал неделикатным, поэтому у него уже сложилась такая игра: всё додумывать самому. "Интересно, – думал он, – А чай, что тоже из планктона? Он вроде бы несъедобный, лишь вымачивается, то есть настаивается! Занятно!.."

Тем временем в столовую вошёл Арс и вместо приветствия с порога произнёс: – А не съездить ли нам для развлечения в другой город?

– Спасибо, я уже был в другом городе! – воскликнул Рэд, вспомнив о рыбалке с морфологом.

– Не пугайся! – прочитал его мысли Арс, – мы с тобой поедem в более культурный город. Город докторов. Это курорт, там собрались лишь самые лучшие доктора Руди. Там можно прилично подлечиться! Мне рассказывали, вернее, я читал рекламу, если быть честным. Этот город основали одни доктора, они же им и управляют.

– А прибирают, наводят чистоту там тоже доктора?

– Ну, зачем так категорично! Прибирают приезжие работники, которые не зарегистрированы, так называемые подрядчики.

– Мне лечить нечего, ничего не болит...

– Давай, давай поедem! Мне нервишки подлечить не мешает, особенно после последнего рейса!

Рэд подумал: "Может он с Рит меня не хочет оставлять? Придётся ехать!"

– Придётся, придётся! Я уже забронировал номер-дабл в одной из лучших лечебниц!

Рэд решил оставить поле боя за собой и сделал врезку: – Только я буду задавать тебе любые вопросы! Идёт?

– Ну, если только по судовождению, лоции и навигации! – По ним тоже! Идёт?!

– Идёт!

Братья ударили по рукам. После разнятия рук Арс вставил:

– Наука номер один – дипломатия. Когда договариваешься, например, как ты:

"Буду задавать вопросы!", акцентируй, что я и отвечать на них должен! А то задавай хоть целую гору, но они будут без ответа!

– Вот что значит капитан! Переиграл! – подумал Рэд, а вслух заканючил; – Ведь ты же не такой...

– Не такой, не такой! Но ты учись вести диалоги! Зайдёшь в чужой порт, а там лоцман тебе "гвозди в голову забивать" начнёт! Ты должен чётко реагировать!

Такое наставничество Рэду нравилось. Нравилось оно и Арсу. Он из-за брата уже совсем забыл свою семью, которая сплошь состояла из женского пола.

Наставлять в морском аспекте их было всё равно, что поливать пустыню. "Одни побрякушки у них в голове да купальники!" – думал о своих домочадцах Арс. Можно было, конечно, обратиться в центр планирования семьи в своё время. Но Арс был традиционалистом и создавал семью натуральным образом. Он был очень подозрительный человек и считал, что в центре жене могут подсадить чужой эмбрион, и он будет выращивать байстрюка-пащенка. Одна мысль об этом сводила его с ума. Друзья-доброхоты рекомендовали Арсу поменять пол у дочек, но эта идея его совсем поднимала "на дыбы". С одним советчиком он перестал даже здороваться. Все эти девиации и комбинации с семьёй и многим другим делались здесь легко и естественно. Но Арс этого не приемлет! От всех этих мыслей он подался в туалет и уединился там. Рэд, оставшись в одиночестве, стал думать про здешний туалет. "Убивал", в первую очередь, унитаза. Он был абсолютно бесшумным. Не то, что на Земле, не лопотал по ночам сам по себе. Он был абсолютно бесшумным. Дырки, в привычном понимании, в нём тоже не было. Просто Руди садился на удобный стульчик, как в театре. Перед ним был экран. Вместо чтения жёлтой прессы можно было смотреть увлекательный фильм или познавательную лекцию. Как "картинка в картинке" на экране отображался твой вес, чего сколько в тебе лишнего или дефицит. Жира там, или воды. Сколько из тебя чего вышло. Нет ли в дивергенциях вирусов или чего ещё. Какая у тебя тенденция к заболеваниям, состояние иммунитета, давление, сахар и много-много другой информации, которую даже не успеваешь всю просмотреть. Ещё никому не удавалось пересидеть унитаза, чтобы он начал повтор сведений о твоём здоровье. Более того, унитаза передавал их в банк информации твоей персоны, а там всё держалось в строжайшей тайне! Унитаз и "Права Руди и гражданина" были неотделимы! Если ты шёл к доктору с какой-нибудь незадачей, а тот выдавал рекомендации по поводу лечения или профилактики, ты всегда мог свериться с мнением унитаза. Причём выводы унитаза явно доминировали! Когда Руди с унитаза вставал, крышка, предвосхищая оглядывание, уже оказывалась задвинутой и шума при этом никакого не производилось! Исключением был лишь один момент, когда желающий забывал снять брюки, тогда, и только в одном этом случае, голосовой ревун гремел: "Аларм!" – чтобы предупредить акт

осквернения брюк. Одежда, кстати, здесь не стиралась. Рэд вначале думал, что эта функция присуща лишь для корабля внешней разведки, типа фэна. А оказалось, что вещи и бельё Руди вовсе не стирали и не гладили! Просто кидали всё в бункер, который Рэд вначале принял за стиральную машину-автомат. Новые вещи нужного размера, который определялся сканированием взгляда клиента, вываливались из соседнего люка. Причём, такого фасона, который ты намедни видел на прохожем, и он тебе "лёг на душу". Рэд спрашивал, откуда первично берутся разные фасоны? Оказалось, что есть модельеры – баеры, которые сочиняют разные новшества, потом ненароком вылазят в них на экран. Все подверженные шизе мчатся к бункеру и меняют свои штаны на шаровары, которые носят гаучо, например. Старые вещи перерабатываются автоматами, в которые лишь чуть-чуть добавляли свежего сырья на рост числа шизоидов или наоборот...

"Всего не передумаешь!" – решил Рэд. Арс уже покинул чудо-унитаз, вышел из туалетной комнаты и поедал кукурузные хлопья с молоком. Он поведал Рэду:

– Двинемся на карлёте, как ещё зовут аэрокар. У тебя на управление им ещё допуска нет. Да и не у всех Руди он есть, этот допуск. При перелёте возможны пересечения других измерений, надо иметь массу лицензий и разрешений!

– А возможны встречи других поселенцев, из других измерений?

– Конечно!

– Так вот почему не бывает перенаселения здесь, и нет кладбищ! – вслух высказал догадку Рэд.

– Конечно! Все живут в разных измерениях. Более того, не две, условно говоря, группы находятся в постоянном пересечении, не видя друг друга, а множество групп, и число их неукоснительно растёт, как, впрочем, всё растёт в Космосе, и сам Космос.

– А возраст? Распределения по измерениям градируют по возрасту? – вдруг припомнил Рэд, что в Порту все люди примерно одинакового возраста.

– Измотал ты меня своим любопытством? – воскликнул Арс, не любивший "бытовухи", предпочитавший разговоры о передрагах в

путешествиях и о технических новшествах прогресса. – Шёл бы тогда в социологи, раз тебя так подробно соматические стороны Руди интересуют!

– Да это я так, для поддержки разговора! – замкнулся Рэд.

– Ну, ты не обращай внимания! Я вспылел несправедливо, просто устал от работы!

– Вот ты от работы устаёшь, а без работы не можешь. Где-то же есть середина?

– Спишут по здоровью, вот и будет середина! Пойду модели кораблей делать в кружок "Умелые руки". А возраст постоянного проживания себе каждый выбирает сам. В каком возрасте ему комфортно жить. Одни смущаются в юности, другие терпеть не могут болезней старости. Кому жизненные заботы зрелого возраста надоели. Выбирай любой возраст! Нельзя только самому выбрать строй, политический строй. Если ты не согласен с генеральной линией правительства и начинаешь баламутить общество, тогда тебе автоматически выбирают измерение с подходящим под твоё недовольство строем. И вся игра! Никаких недовольных!

– И что, где-то есть социализм?

– И коммунизм есть. Более того, каннибализм есть. Переведут тебя в племя Джанет, будешь по вечерам закусывать яйцами врага-воина. Всё есть! Ведь недовольство рождается, если человек видит, что кто-то живёт круче, чем он. Не могут же все жить сверххорошо?! С кем тогда сравнивать? Ведь память предков, когда жили плохо, быстро стирается. Всегда кто-то живёт хуже, а кто-то лучше. А в среднем – все живут хорошо! Бывают, правда, перегибы. Это когда правит тирания. Тогда кучка вверху в золотых бассейнах народу парит голову ужасами. А те терпят и приговаривают: "Лишь бы не было войны!"

– А Порт? Он при каком строе живёт?

– Ох, не мучай меня вопросами не моего профиля! Все в Порту живут хорошо! Мы же забивали, что ты вопросы лишь по судовождению будешь задавать!

– Вот – по судовождению! Если переходишь при полёте на аэрокаре, из одного измерения в другое, это в кабине чувствуется?

– Ничего не чувствуется. Ты, когда шёл на фэне, десяток раз измерения пересёк! Вот ты ехал на машине по России. Переезжал через границу области – чувствовал переход?

– А-а-а! Значит и у тебя память неудачно, не полностью, стёрлась! – вскричал Рэд, забывая о теме разговора, о переходах через границы измерений, – меня докторишка при первичном лицензировании законопатил этим "стиранием памяти".

– Я хотя бы маскирую этот дефект! У тебя же он льётся из ушей! За такой дефект могут и назад телепортировать. Будешь шараться по Тамбову, без всякой памяти и с чипом в ж...пе!

– А тебя не телепортируют? Мамаля там совсем без нас соскучилась!

– Не телепортируют! Максимум – в другое время, садовником или охранником. Ты меньше пи...ди об этом! Маскируйся, лицемерь. Так все Руди живут, лицемерят. Тебе улыбаются, а сами завидуют, даже перочинному ножу! А ежели что посложнее – то стучат и пишут подмётные письма.

– А кому пишут подмётные письма?

– Всё! Дробь! – по-морскому скомандовал Арс. – На сегодня лимит глупых вопросов исчерпан! Сливай воду, паяй радиатор!

Тем временем они подъехали к странному эллингу. Сооружение не напоминало ничего, что ранее видел Рэд. Казалось, крыша эллинга покоится ни на чём, висит в воздухе. Впоследствии оказалось, что и крыши-то никакой не было. Они вылетели прямо через крышу. Как объяснил маршрутный наземный механик, это была не крыша, а экран, назначение которого Рэд из слов механика зафиксировать не смог, не успел вникнуть. Суть да дело, но они с Арсом уже летели внутри какого-то странного аппарата, который не издавал никакого шума. Рэд сразу полез с вопросами:

– Дорого такая тачка стоит?

– Ты опять со своими идиотскими вопросами? – вспылал Арс, напряжённо восстанавливающий навыки управления аппаратом. Обе руки его были вставлены в какие-то джойстики и даже ногами он давил кнопки каких-то триммеров, отчего в панели приборов раздавались лёгкие щелчки.

– Но это же – по судовождению, про аэрокар!

– Не знаю, сколько стоит. Знаю, что их в эллингах – великое множество, и ищут желающих освоить их управление и получить лицензию.

– Так – я!.. Я!.. – завёлся с пол оборота Рэд. – Дай попробовать пролететь минут пять!

– Для этого надо аппарат серии "Т" и оформлять заявку на тренинг, а мы пока летим отдыхать и лечиться!

– Так что же, эти обалдуи Руди не учатся на пилотов? Бесплатно же?

– Да поговаривают, что это аппараты двойного назначения. В случае войны мобилизуют пилотов, и станешь мишенью для лазеров! Руди предпочитают конторщиками пыхтеть. Жрачка и жилуха всё одно, в один уровень! Зато не надо будет потом в госпитале на ожоги синтетическую кожу наращивать!

– А героизм? А подвиг?!

– Ты не в том месте говоришь! Это ты увидел, как в фэне некоторые Руди просто рвутся в подбрюшные кабины дисков палить из линемётов за алюминиевые медали. Так это специально собранная команда из свежетелепортированных. Сам догадайся, почему так часто гибнут герои на Земле? Забирают их сюда, целыми командами с морских судов. Героям – им бонусы не нужны. У них порода такая, рисковать и побеждать! А остальные –они в конторке штаны шлифуют.

В этом месте их беседа о героизме закончилась. Чисто субъективно Рэд понял, что движение прекратилось. Вскоре, минуя какие-либо коридоры и пункты проверок, они оказались в просторном холле. Арс помчался выправлять какие-то свои профессиональные документы, велел Рэду никуда не двигаться. Оставаясь без движения, Рэд вновь принялся за свои домысливания. Вдруг его осенило: "А в том ли они времени пребывают и пространстве, что были в Порту?" – при этой шалой мысли Рэд вдруг как бы очухался от путешествия, принял свойственную ему собранность и сгруппированность. Он всерьёз осмотрелся и вдруг увидел, что просторный холл – зал прилёта-отлёта – смонтирован,

сделан из плит обыкновенного шифера, которые крепились на незамысловатой конструкции из труб, швеллера и двутавра. Он подумал: "Здесь что-то не так! Надо выяснить, может меня "на...бали, как славянина"?"

Сверхкоммуникабельный Рэд мгновенно познакомился с первым, ближайшим мужчиной, но, на беду, тот оказался по виду с налётом "голубизны". Рэд не был гомофобом, но относился к таким людям осторожно, предпочитал с ними не сближаться, даже косвенно! В местах, где он воспитывался, знакомства с людьми такой породы могло плохо расцениваться друзьями и близкими. Очень часто индивиды, находящиеся в пограничном состоянии, быть или не быть голубым, задают друзьям и полужнакомым вопрос:

– А почему не любят "голубых" и даже стараются их не только оскорбить, но и обидеть действием? Они что, что-то плохое людям сделали?

Некоторые малопонимающие в социологии отвечают, что, дескать, "голубые" не рубят руду, не варят сталь, не защищают Отечество, отчего от них мало пользы обществу! Но это не так! Генезис всеобщей неприязни к приверженцам однополой любви восходит к лагерной жизни. Там за колючкой педики являются "неприкасаемыми". При этом активные – те, вроде, как герои, а пассивные, "обиженные" – объект презрения. Причём "опущенный" не обязательно является пассивным педиком. Опущенный – это лагерная масть, одна из четырёх. Педиком может быть и казёл, казёл – это тоже одна из четырёх лагерных мастей. В России полвека тому назад полстраны сидело, а полстраны их охраняло. Культура, отношения в обществе, уходят корнями туда, за колючку! Тем паче, что большинство членов русского общества своих родственников-сидельцев из памяти удалили, а вторая половина о своих предках-надзирателях старается воспоминания завирать, рассказывая о их "подвигах на войне", питая свою фантазию из книжек, написанных для воспитания советского патриотизма.

– Да! Я – не традиционной сексуальной ориентации! – прочитал его мысли оппонент. Он не чувствовал со стороны Рэда опасности, поэтому протянул руку и представился. – Клэм! Медбрат.

"Ага!" – сразу подумал Рэд, – "У гомиков имена более длинные, вычурные!" – Рэд, судоводитель!

"Что-то очень молодой для судоводителя," – подумал Клэм, а вслух сказал:

– Нет, просто в Клине все имена длинные, в зависимости от регалий. Смотря какого ранга доктор, – и опять прочитав вопрос Рэда, предвосхитил его, – Клине, это не от слова город Клин, а от слова клиника...

– А-а-а!... – придурковато протянул Рэд, и про измерение, в котором находится клиника и Город, в котором они сейчас, спрашивать ничего не стал, боялся тратить заряды вопросов впустую. – У вас тут хорошо, дышится легко! Но, я не "голубой", – и что бы как-то поправить неловкость, вызванную его оговоркой, он взял грех на душу и ввернул, – у нас на флоте неуставные отношения запрещены!

– А я вот жду рейса, лечу на конференцию химиотерапевтов.

"На х...я на конференции медбрат, что он там доклады чинить будет, про новые методы отравления ботексом?"

– Конечно, нет! – опять прочитал его мысли Клэм, – меня друг обер-доктор с собой всегда берёт! У него жена, семья. Знаешь, как не просто устраивать встречи! Это такие муки, конспирация. А здесь между номерами дверь. Очень удобно!

"Образования у него – конечно, никакого, а мысли чужие читать спец!" – подумал Рэд, но вслух сказал другое:

– Здесь так хорошо! И зачем люди на Земле живут? – постарался Рэд утянуть разговор в нейтральную тему "о погоде".

– Поддерживают величину количества планктона! – выпалил Клэм, вспомнив умные разговоры при застолье обер-доктора и его коллег, корифеев биологии и медицины. Они как-то поднимали вопрос: "Что будет с Руди, когда кончится в верхнем океане планктон."

– Это как это "поддерживать необходимое количество"? Они что, там, на задании? – обиделся Рэд за своих соотечественников.

– Ты не так понял! Руди заботятся о численности людей на Земле! Если у людей начнётся массовая потеря численности, то им подскажут, как клонироваться... – в этом месте Клэм покосился на Рэда, пребывающего в режиме обиды, и стал выправлять разговор. – Или подскажут метод членкора Аугусто.

– Что это за метод? – спросил Рэд, которого интересовало всё, что происходит с Руди.

– О-о! Вот, кстати, ему памятник! – воскликнул его случайный экскурсовод, подведя его к странному сооружению хранящемуся почему-то под гигантского размера стеклом.

Это были три калёбасы, тыквы. Калёбасы были изготовлены путём обмазки белой субстанцией, напоминавшей вульгарный гипс. Основания-скелеты, которые виднелись в глубоких и широких трещинах гипса, были изготовлены из какого-то дерьма. Причём все три основания были сотворены из разного дерьма. По никчемности состав оснований был схож и если, это было бы на Земле, Рэд подумал бы, что это солома и камыш с рогожей. Обмазка во многих местах полопалась и рогожа с соломой была видна отовсюду. В трёх калёбасах состав оснований дифференцировался. Рэд, обладавший практичным умом, подумал: "Вот наверное, почему засандалили этот хлам под стекло! Что бы туристы вконец не растащили этот гипс на сувениры!" А вслух же сказал:

– Чем же Аугусто был знаменит, что ему забубенили такой великолепный памятник? И дали такое длинное имя? – вспомнил он теорию "табеля о рангах" Клина.

– Давным-давно после Войны Курящих и Некурящих, Руди в Клину осталось совсем мало. Особенно мужчин. Ауг (которого, когда он уже купил себе сертификат Членкора, стали звать Аугусто), организовал Первый Банк Спермы. Создал для искусственного оплодотворения Клинчанок, Спрос был на эту процедуру очень велик. В тот период развития Клина правительство назначало большие бонусы за рождение детей. Ауг слыл оборотистым малым с детства. Чтобы не платить донорам, он всю сперму скачивал у себя и жутко разбавлял её физраствором. Обман раскрылся через много лет, когда вскрыли его завещание, хранившееся в Резервном

Национальном банке. В котором он во всём признался и завещал всем своим потомкам по круглой сумме денег на пластические операции!

– Чтобы они не были похожи друг на друга?

– Это-то полбеда! Дело в том, что Ауг был честолюбив с детства. Он где-то вычитал, что все миллиардеры имеют длинные носы. Это, конечно, бред собачий. Но Ауг оттягивал себе нос днём и ночью вниз. У него был ещё дефект. Его рот был совсем без губ и являл собой изображение "трещина в коже картофеля, сваренной в мундире". Все эти признаки перешли его потомкам. По завещанию все желающие могли за деньги от наследства подкоротить нос и накачать губы вазелином.

"Какую он мне хрень несёт! – подумал Рэд, но из вежливости спросил:

– А что он, имея такие деньги, не мог продлить себе жизнь подольше?

– Он умер неожиданно. Ты же знаешь, чем богаче человек, тем ему больше хочется! Он на заказ изготовил машинку, напоминавшую доильный аппарат на вымя с одним соском, и подключался к нему на ночь. Ему снились эротические сны, с детства, и он выжимал из себя все соки. Кстати, последние годы жизни он питался только лишь половыми железами гигантских насекомых...

Рэд заподозрив, что Клэм просто врала, решил его проверить и резко прервал его тираду вопросом:

– А почему памятник спасителю от опустения Клина в форме калебас?

– Земля! Форма Земли. Вот ты – как представляешь геометрическую форму Земли?

Рэд, гордившийся знанием, что Земля формой не являет шар или эллипсоид, от знакомого геолога, твёрдо ответил:

– Геоид! Это такая объёмная фигура, которая мысленно образуется, если соединить все средние точки поверхности Земли!

– Ну-у-у! Вот это ты "засунул"! Ещё скажи, что круг на трёх китах! Земля – это бутылка Клейна. Горлышки бутылки расположены

на полюсах. Которое поменьше – на Северном полюсе, а большое – на Южном! Это и есть "большие червячные переходы".

– А где малые? – "на прихват" спросил Рэд.

– Ну-у-у!.. В океане их тысячи. Только между Бермудскими и Большими Антильскими островами их сотни! А на суше – любая кимберлитовая трубка или, как её называют, диатрема. Но через малые переходы проходить – тратится больше энергии. Да, а ты что, в школе не видел? Все глобусы в форме калебасы!

Рэд, чтобы обезопасить себя от заблуждений, возможно, некомпетентного человека, но не желая расставаться с ним из-за его охочести делиться информацией, стал спрашивать его ближе к его специальности:

– Зачем в Клин едут лечиться? Ведь это так просто. В любой подходящей программе ты можешь сам диагностироваться и сам же подобрать лекарство.

Но Клэма не так легко было сбить с темы. Он почти завопил:

– Нет, дай я доскажу! Вот на Земле, в Уйгурском районе Китая есть блуждающее озеро Лобнор. Там раньше целые караваны с драгоценностями забирали сухопутные пираты.

Рэд почувствовал, что его голова идёт кругом от такого набора информации. "Почему у этого дятла образование лишь "медбрат"? Столько хрени выучил, мог бы что-либо систематизировано подзубрить, по какой-нибудь специальности!" – но вслух спросил, чтобы навести фон и собеседник не смог прочесть его критики:

– Что за сухопутные пираты? Разве такие бывают?

– Ну... Раньше это было, теперь всё цивилизовано. Забирают людей с Земли для научных идей, с их согласия!

"Знаю я это "согласие" и "научные идеи", это когда в подбрюшной кабине на октопруса с гарпуном идти в атаку за алюминиевую медаль!" – вслух же попросил:

– Так расскажи про сухопутных пиратов!"

– Это раньше было, – опять начал с нудной фразы Клэм, – допустим, продадут караванчики пряности, специи в Европе, а назад везут золото и драгоценные камни. Сухопутные пираты их забирают

в кимберлитовую трубу, драгоценности отберут, а караванщиков – на рудники. Раньше не машины руду добывали, а вручную.

– Так, а руда для чего?

– Посвящённым надо. Вывозили её после обогащения на свою планету, или комету. Как её там...

"Вот он, вот он момент истины!" – начал волноваться Рэд, – "Сейчас я узнаю, что за задача у этих Посвящённых!"

Но его радость прервал вернувшийся Арс с восклицанием: – Всё в полном порядке! А, у тебя новый товарищ?

– Да, знакомься. Это Клэм, медбрат!

– Арс. Судоводитель!

Клэм сразу подумал: "Этот похож на судоводителя!" – и тут же спросил: – Так куда вы направляетесь?

– В клинику Блэмера, у нас там забронировано!

– О-о-о! Я вас провожу, нам по пути!

Арс, который слыл нелюдимым человеком, стал благодарить и отказываться одновременно:

– Не стоит беспокоиться, мы сами доберёмся!

– Вы плохо знаете здешние условия. Добраться не просто, навигация в здешнем городе не работает!

В это же время Клэм подал условный сигнал сообщникам, и те спешно соорудили вывеску "Доктор Блэмер" на пустующем заброшенном доме. Троица вышла из здания аэропорта, сооружённого из шифера уже, наверное, более четверти века тому назад. На них сразу набросились орды шабашников, желающих отвезти их "куда угодно, за небольшие деньги!". Замечательным было то, что все шабашники имели очень длинные носы. На этот факт обратил внимание Рэд и подумал: "Ты смотри! Не про всё врёт медбрат!"

В здание аэропорта шабашникам вход был заказан жандармерией, и они караулили жертв у выхода на привокзальную площадь. Клэм торжествующе спросил: – Ну, как? – и обвёл рукой стоянку каров, сплошь состоявшую из какого-то металлолома. На этих кустарно восстановленных карах шабашники и собирались их

куда-либо отвезти (если не попадут по пути в аварию).

– Здесь есть альтернатива этому антиквариату подвижного состава?

– Есть социальный транспорт. Только лишь расписание его весьма путаное, и

не факт, что он придёт по этому лже-расписанию! Давайте я вас довезу, мне, ей-ей, по пути!

– Ну, хорошо! Но мы тебя за это отблагодарим!

– Разберёмся! – весело согласился Клэм.

Рэд шевельнул ушами на эту реплику. Он посчитал, что Клэм к нему пристал, как гомосек. А Арс понадеялся на способность Рэда сходить с людьми и разбираться в них. Вскоре они двигались на довольно-таки приличном каре Клэма. Тот не закрывал рот, не давая опомниться путникам:

– Здесь недалеко, здесь всё недалеко! Город маленький и, как все приморские города, вытянут "в колбасу"!

Далее он стал распространяться об экономике города и его достопримечательностях. Рэд заметил ещё возле аэропорта, что пылесосы здесь не втягивают пыль, а раздувают её с газонов и дорожек. Как бы работают наоборот, издавая противный грохочущий звук при этом несуразном деянии. Носили их угрюмые дядьки со свирепыми лицами без остановки этих грохочущих моторов. Рэд спросил:

– А городской бюджет, он откуда получает прирост:

– Да-а!.. Разводят бродячих собак, а потом отпускают деньги на их кастрацию, прививки и содержание! – легкомысленно ответил Клэм.

Более рассудительный Арс спросил целенаправленно:

– Это понятно. А сам бюджет, деньги в бюджет города, откуда?

– А вы разве не знаете? Да наш город держит первое место, он единственный по омолаживающей медицине! – в этом месте Клэм вновь вспомнил целый кусок беседы академиков и воодушевлённо стал повествовать. – Все женщины, изо всех городов, едут делать аборт только сюда! Они платят за это деньги и при этом оставляют

абортивный материал, из которого здесь делают омолаживающие средства. Все женщины, и мужчины тоже, едут сюда омолаживать организм клетками из abortивного материала. Вы что! Это такие деньги!

– Это, что ли, морщины на лице расправлять? – наивно спросил Рэд, который уже что-то об этом слышал в клинике, где он лечил руку, когда был в Порту в первый свой день. – Расскажи, чем их выправляют?

Воодушевлённый Клэм –ведь это был его конёк, его специальность! – продолжал:

– Морщины – тоже! Омолаживают весь организм, полностью, клетками из abortивного материала. А морщины это мелочь! Делают в них уколы ядом и они сами расходятся. Это копеечное дело!

– Так каким ядом можно расправить морщины?

– Ну-у! Это можно разным. Можно, например, самое дешёвое, это ядом из жала морского ската или ежа. Если надо подороже, то трупным ядом – самое крутое врачевание!

Они остановились у фасада какого-то заброшенного здания. На дверях висела плохонькая вывеска: "Доктор Блэмер". Ниже висела бумажка, написанная как бы наспех: "Приёма не будет никогда, в связи с кончиной экселенц Блэмер".

Арс и Рэд оторопели. Клэм не мог сдерживать счастливую улыбку, думая про себя: "Мои успели!"

Огорченный Арс уже забыл, что он обязан Клэму за эту доставку, и спросил его, как равного участника их приключения:

– Что же нам делать? Ведь у нас направление от нашего флота именно к доктору Блэмеру?!

– Сейчас всё уладим! – привычным манером утешил их Клэм. Очевидно, он не один десяток раз проделывал подобный "тур де фурс" со своими сообщниками. Они даже адрес на доме соорудили подходящий под настоящую клинику Блэмера. – Я знаю здесь неподалеку одну хорошую клинику того же профиля, что вам и нужно!

Сообразительный Рэд подумал: "Откуда он знает профиль нужной нам клиники, если даже я этот профиль не знаю?"

– А я просто хорошо знаю профиль занятий, бывших занятий доктора Блэмера! – воскликнул Клэм, уже успевший прочесть мысль Рэда и сочинить ловкий ответ.

Тем временем они на каре Клэма преодолели значительное расстояние и внедрились во внутрь какого-то владения, представляющего обширный двор и большое здание внутри него. У Арса не работал наручный навигатор. Мошенники заблокировали его, а Клэм сумел, как сказано было ранее, убедить Арса, что навигаторы в этом городе очень плохо работают. "Не развита сеть!" – небрежно бросил он. На фасаде дома красовалась вывеска: "Академ Чернильницын Инк". Далее было прописано: "Наномедицина микрочленов. Установка платино-иридиевых эректоров. Плекативная дефлорация..." – и что-то там ещё, ещё менее понятное.

Рэд сразу высыпал на Клэма серию вопросов:

– Почему "нано"? "Инк" – это что? Национальность?

– Инк – это первая фамилия доктора. Потом, при приобретении известности и

регалий ему добавлялись приставки разные. Академ – это выше академика. Вроде как слон и слоник. Известность он снискал при выращивании волос важным пациентам. Ну, а "нано", ты бы сам мог догадаться! Ведь речь идёт о микрочлене!

– Нет, не-е-е! – воскликнул обескураженный Арс, – наращивание членов, волос. Это нам не подходит! У нас другая проблема и направление по ней из флота!

– Знаю, знаю я вашу проблему! Именно по ней специализируется доктор Инк! Когда познакомитесь – будете так его звать. Его так все друзья зовут. Все эти "плекативные дефлорации" только средство рекламы. Маркетинговый ход, так сказать!

Делать было нечего. Арс даже не знал, где они находятся. Пришлось согласиться и через пару мгновений они стояли в кабинете доктора Инка. Навстречу им вышел лысый, кругленький мужчина в очках, что было большим ретро. На лице его была дежурная натянутая улыбка. Видимо, владельцу очков приходилось улыбаться

столь часто, что выражение лица его являло гримасу. Будто бы Инк сидел в туалете, котях уже было показался из его ануса, и в этот момент его срочно позвали к телефону, по которому его звал грозный начальник. Котях не шёл ни туда, ни сюда, и от того у Инка вызрела такая гримаса – улыбка. Сообразительный Рэд обратил внимание на количество волос на бывшей шевелюре владельца ретро- очков и подумал: "М-да! Судя по его причёске – успехи в медицине у него были грандиозные!", но вслух ничего не произнёс.

Кругленький доктор Инк радушно познакомился с ними, попросил Клэма дать распоряжение о срочной подготовке "электрической процедурной" со словами:

– Я отпустил ассистентов на похороны. Помогите мне сегодня дружок, мы с тобой сочтёмся! Ну-с! – обратился он к братьям, – с чем пожаловали?

Арс, подумав: "Наверное, ассистенты хоронят экселенц Блэмер..." – вслух же сказал:

– У нас проблема психологического характера. Брат ещё о ней мало что знает. Но, мы моряки, и я начну напрямую, прямо при нём!

– Вот, вот, вот! – зачастил Инк. – Это моя главная специализация! Психика и психология! Поведайте мне, что вас гнетёт! Надеюсь, вопрос оплаты моих медицинских услуг не вызовет у вас затруднений? – неожиданно закончил он тираду, не меняя выражения лица, отражающего половинчатость решения котяха выйти из его чрева. Это было, конечно, иносказательно – с вопросами пищеварения Инк проблем не знал и любил плотно и вкусно поесть.

При этом он продвигал позицию естественной еды, приготовленную не из белка и веществ планктона. Это было целое движение натурастов. Они ели окорок из кабанятины, рыбу из океана. Рыба была многократно переморожена, дефростирована и вновь заморожена. Свиная и говяжья была выращена с помощью добавок в рацион скота антибиотиков, которые фермеры доставали на военных складах, где антибиотики лежали давно просроченные, еще с последней войны, когда их выпустили в связи с угрозой бактериологического заражения. Все это было, конечно, "прокопчено" в коптильной жидкости, приготовленной синтетическим методом. Ели они также холодец, приготовленный

загустителем, колбасу из мышечной ткани волов. На этих волах пахали рисовые поля, так как трактора совсем не использовали. Для большей натуральности. Рисовые поля заливали до отказа пестицидами и гербицидами, отчего волы дохли от отравления. Из них и делали "говядину бескостную". Пили молоко и кефир из вытяжки с зёрен растений. Носили одежду из грубой синтетики, под названием "натуральная растительная", обувь из пресс-кожи, переработанную из тех же волов, и прочий эрзац. Вот и сейчас доктор Инк предложил братьям:

– Не желаете ли сока с дороги? – и налил сока из пакета, формой напоминающий кирпич.

Арс покосился на кирпич и телепатнул Рэду, чтобы тот не пил. "Великому" доктору же сказал:

– Мы здесь по поводу лечения. Мы хотели бы переговорить с вами об условиях нашего контракта!

– Простите, какого контракта? – переспросил доктор Инк.

– Нашего с вами контракта, который нам предстоит заключить по поводу нашего лечения!

– Ну-у-у! – протянул Инк, видя, что клиенты попались серьёзные и, облапошив их, как и сотни других, можно схлопотать "по рогам". "Противный мальчишка, кого он ко мне привёл!" – подумал Инк про Клэма, а вслух, всё так же мучительно улыбаясь, сказал:

– Это смотря на что вы жалуетесь. Что вас беспокоит?

Арс не расстающийся с надеждой никогда, решил попытать счастья и сказал напрямую:

– Это мой родной брат Рэд!

– Да, я это знаю! – перебил его Инк, который имел, как все маловоспитанные индивиды, дурную привычку перебивать докладчика на середине фразы. – Да, да!

– Так вот, – продолжил Арс, – мой брат недавно телепортировался из Наземного Мира...

– Да, да. Я знаю!

– Да чего ты знаешь! – не выдержал Арс. – Брось дурную привычку перебивать, я старший по званию!

Водянисто-голубые глаза Инка упёрлись в стёкла ретро-очков. Улыбаться он не перестал, но его сознание было далеко. Его мозг перебирал десятки версий и гипотез о важности сидящей перед ним персоны. Решения он никакого не нашёл, но напуган был небывало! Он стал судорожно думать: "Противный мальчишка! Совсем селективность потерял! Надо его сводить к гипнотизёру. Поставить ему выбор в голове, как подобает! Зря теперь теряю время. Отменил визит курьера с бонусом за продвижение лекарств, да ещё надо было позвонить, договориться о конференции для меня и жены, за продвижение лекарств, опять же! Когда я избавлюсь от этих алкоголиков?!". Почему – алкоголиков, он не знал, просто он очень боялся получить "в торец" без всякого повода. Вслух же сказал:

– Да, да! Старший, вы старший! Я знаю. Говорите, что вас беспокоит, и я вам постараюсь помочь!

– Дело в том, – начал, пережив вспышку гнева, Арс, – что у моего брата плохо стирается память прошлой жизни. Более того. Этот синдром стал распространяться на меня, и я стал страдать ностальгией. Это очень опасно. Я могу не пройти очередных медицинских тестирований, в лучшем случае. Рэду же грозит, что он не пройдёт карантин, и его вернут на Землю с чипом в заднице, и он будет ходить по Земле зачипованный, ничего не помнящий, а потому весьма несчастный, так как его все будут жалеть!

Для Рэда это откровение было тоже как холодный душ. Он как-то не задумывался, что может произойти с ним, а сейчас прозрел. Он ведь и брата подставляет сильно! А у того семья, дети. Поэтому он тоже стал с мольбой смотреть на доктора. Доктор продолжал судорожно соображать: "Как избавиться от этих братьев? На них, кроме геморроя, ничего не заработаешь! – поэтому он стал дипломатично переводить стрелки:

– А вы уже были у нас на пляже?

– Нигде мы не были! – обречённо обронил Арс, – с аэропорта – сразу к Вам, за помощью. Ну, так как, вы нашей беде поможете? Выправите нам такой дефект? За ценой мы не постоим!

– Да, да! – продолжал частить свою присказку Инк. – Вы пока сходите на пляж. Это, знаете ли, тоже своего рода терапия! Клэм! – завопил он по внутренней связи. – Свози быстро гостей на пляж, а я пока свяжусь с нужными специалистами, договорюсь о Клиническом лечении у сильных-сильных специалистов!

Появился вертлявый Клэм, как из ничего материализовался. Вернее всего, он подслушивал под дверь, поэтому его приход был так скор. Через мгновение они оказались на месте так мощно называвшимся "пляж". Грязная вода моря, в которой плавали пластиковые пакеты вперемежку с каким-то гигантским "борщом", лениво облизывала бетонные берега. На берегу первым рядом, в сплошную, от видимого горизонта до другого горизонта, стояли палатки с сувенирами, в которых продавалось барахло, которое, казалось, надо было с фабрики везти сразу на свалку. Это были быстро рвущиеся тапочки, с неудобным креплением, купальные костюмы из плохой бурой ткани, бусы из материала для электроизоляторов, окрашенные лаком для ногтей и тому подобные, никому не нужные вещи. Причём ассортимент в разных палатках назойливо повторялся, но продавцы цыганской внешности предлагали и предлагали, уверяя, что это высокопородные кораллы! Этот ряд теснили от воды густо поставленные пивные палатки, оборудованные пластиковой мебелью, с претензией на видимость комфорта и даже помпезности. Там и сям ходили отдыхающие, наряженные в купальные костюмы, похожие на продающиеся здесь же. Весь этот сброд отдыхающих, пытающихся загорать на этом бетонном пляже, возлежа на раздолбанных лежаках, покрывал громкий рёв излучателей звука, которые кричали на всё побережье и укрыться от этого было невозможно:

– Посетите наше музыкальное шоу! (Далее шло перечисление всего великолепия этого шоу). – Яхта "Марго" отвезёт вас в часовое путешествие в открытое море, на яхте есть видео! – (И так далее...).

Находиться человеку с нормальным слухом в таком громе было невозможно! – А где же песок, если это пляж? – наивно воскликнул Рэд.

Клэм столь же наивно повествовал:

– Раньше он был, был песок! Но его весь собрали, смешали с цементом, сделали бетонные плиты и укрепили берег!

– Чтобы поставить торговые палатки?

– Ну да, это же очевидно! – искренне воскликнул Клэм.

– Так кому же они весь этот "шир-пыр" продают? Ведь никто ничего не покупает, все продавцы, в конце концов, с голода умрут! – воскликнул Рэд, когда-то искусшённый в торговле. – Или начнутся народные волнения!

– Но, не скажи! Иногда кое-что покупают. А волнений не будет, пока на месячный заработок среднему жителю можно купить полста бутылок водки. Главное – не малые заработки, а возможность купить пару бутылок водки в день!

"И здесь этот же экономический закон работает!" – подумал Рэд.

Уже потерявший надежду обнаружить настоящую медицинскую помощь, Арс раздражённо воскликнул:

– Так зачем ты нас сюда привёз, смотреть на бетонный пляж?

– Девочек снять вам за деньги, проституток! Но я сразу предупреждаю, они здесь очень дорогие!

– А что, здесь нет нормальных девчонок, с которыми можно пообщаться без денег? – по-боевому спросил Рэд.

– Полно! Здесь молодых и не молодых девчонок во много раз больше, чем мужчин!

– Так почему же проститутки здесь дорого стоят? – воскликнул Арс, девчонки которого вовсе не интересовали, но он любил во всём докопаться до истины, чтобы видна была логика. – Почему же дорого, раз их так много?

– Потому-то цена высокая, что их много и заработок трудно найти! – убеждённо поведал Клэм. – Пока найдёт клиента... на накладную знаешь, сколько уйдёт!

– Так есть здесь нормальные девчонки?! – спросил Рэд, который знал дотошность брата и хотел быстрее этот допрос закончить.

– Есть! – убеждённо воскликнул Клэм. – Но они стоят ещё дороже!

В это время на пляж выкатили три кара чёрного цвета и агрессивной формы. Из них вышли несколько молодых мужчин в чёрных одеждах.

– Это кто? – с замиранием спросил Рэд. – Гангстеры?

– Нет, это охранники одного очень крутого охранника, который важную персону охраняет! – ответил Клэм.

Охранники охранника стали с высоким апломбом прогуливаться среди полураздетых отдыхающих, демонстрируя своё невероятное превосходство.

– Вот что! – сказал Арс. Он всегда преследовал принцип, что честным надо быть только с честными людьми, иначе игра будет не на равных. – Вези нас в аэропорт, мы там в камере хранения чемодан с контрацептивами забыли!..

Когда они приехали в аэропорт, Клэм жалобно сказал:

– Я знаю, вы сейчас улетите... Лечиться вы у доктора Инка не будете!..

– Догадливый ты парень! – воскликнул Арс, – ну, тогда давай прощаться, навсегда!

– Хорошие и вы ребята, башковитые, – с сожалением о содеянном сказал

Клэм, – вы уж зла на меня не держите. Работа у меня такая! Да и не голубой я, это способ привлечь болезненное любопытство...

– Тюремщики тоже так говорят, когда пытаются свои жертвы, что работа у них такая. Вы сами себя наказываете. И твой доктор Инк, и тюремщики, и ты! – сказал Арс. – При таком бардаке в медицине, когда деньги делают на всём, и на болезнях, и на несчастье, и на лекарствах, и на своей совести, как пациенты лечатся? Ведь скоро вымрут все без медицинской помощи!

– А, ничего, здоровы! Лечатся по компьютеру, вводят симптомы в нужной программе, а им вместе с едой и лекарства доставляют. Только плати!

– Ну вот! Опять плати! Так есть же совсем малоимущие люди. Допустим, которые на вашем пляже пытаются барахло продать, или их родные?

– А-а-а! У тех есть телевизионная программа, специальная. Там выступает такой доктор Малахольнов. Он рассказывает, как от серьёзных болезней заваривать разные сорняки и делать нелепые упражнения...

– Так это вроде как плацебо! – поумничал Рэд.

– И плацебо, и авто-эвтаназия. Эвтаназия у нас тоже дорого. Разрекламировали, что вроде как очень приятно это. А кто потом скажет, приятно ему было, или нет?!

На этой печальной ноте они попрощались, и братья улетели на своём аэрокаре, так и не отведав приятных методов лечения в этом городе-клинике.

Глава 10

Штаб по спасению экспедиции Рэда в городе Мурманск стал как-то разваливаться. Финансирование из головной организации, и ранее поступавшее с перебоями, в какой-то момент совсем прекратилось. Генеральный директор официально сообщил Толику:

– Совет директоров проанализировал перспективу Вашей деятельности. Целесообразности в Проекте не видит ввиду полного отсутствия сведений о самолёте. Рекламу приклеивать не к чему. Проект убыточен. Поэтому, на основании выше изложенного, вы все уволены по сокращению штатов!

Толик, он и так в период "окон" финансирования, деятельность экспедиции снабжал деньгами из своих сбережений и займов. В этой же ситуации даже занимать было не под что. Наступил идеальный момент для распада. Коллектив в настоящем отрезке времени развалился на три ручья.

Таня неожиданно и независимо от решения гендиректора головного предприятия влюбилась. Что с ней часто бывало и это спасало её от профессиональной деятельности в секторе любви или, как говорится, в области "горизонтальной профессии". Её избранник всплыл из табачного марева мурманского ресторана "Уют" в образе моряка дальнего плавания. Таню поразил китель претендента. Он был весь украшен знаками различия, на рукавах золотые нашивки выползали выше локтя. Если бы можно было серьёзно квалифицировать такие регалии, то это был бы "капитан всемирного порта", как минимум. Только это был салогрей со средненького траулера и его лицо, лишённое интеллекта, оставалось в тени золотых нашивок. Он собрался в отпуск на малую родину, в вологодскую деревню. Там, уходя в армию, он получил клятву от невесты, которую сам дефлорировал после пьяных лапаний на сеновале. Она обещала "ждать всю жизнь", даже если он попадёт в плен к душманам. Но неутолимое желание повторить первую пробу привело её в койку к одному трактористу-выпивохе, с которым она теперь имела двоих детей и ждала третьего. Двоих они сотворили, пока салогрей был в армии. В армии он салогреем не был, а стал таковым после дембеля. Узнав об измене избранницы, он, влекомый компанией искателей приключений – дембелей из его части, подался в славный город

Мурманск. Там они окончили "шмоньку" – низшие скоротечные трёхмесячные курсы, где клепали поваров, палубных матросов или, если сказать прямо, просто выдавали удостоверения, убедившись, что претенденты не страдают сильными душевными болезнями. Избраннику Тани досталась специальность "салогрей". Так называется в народе машинист мукомольной фабрики. На корме траулера, подальше, чтобы не воняло на весь корабль, стоит сушилка-молотка, которая высушивает отходы от потрошения рыбы и делает из них рыбную муку. При высушивании потрохов обильно истекает рыбий жир – весьма ценное, собираемое в контейнеры сырьё, от которого и исходит сильнейший смрад. Этот самый жир обильно пропитывает робу салогрея, отчего она обретет вид кожаной и источает миазмы, сравнимые лишь с отравляющими веществами Первой мировой войны. Этим запахом пропитывается даже тело салогрея. Жить с ними в одной каюте отказывались во все века и на всех флотах, поэтому салогрей живёт всегда один. Даже если на судне водится женщина-повар, спец по замыванию котлов на камбузе, она тоже с презрением смотрит на облик салогрея. Кроме отдельной каюты, он имеет такой же пай от сделки, как и капитан, как и тралмейстер. Только три человека на траулере имеют полный пай, а все остальные, включая старпома и первого помощника капитана, – долю от пая. Даже такая неслыханная зарплата – ведь валюту, "подфлажные", платят тоже от пая, не поднимает статус салогрея. Поэтому, чтобы облегчить моральные издержки, они имеют привычку нашивать несанкционированно нашивки на рукава своих кителей, тем самым поднимая себя в глазах своих и всего окружения.

Вот и этот салогрей, избранник Тани, готовясь в отпуск в деревню, налепил на рукава кителя штук по девять широких золотых полосок. Ещё у него был огромный автомобиль "Бьюик", седан, привезенный из Канады, где ему, как и другим матросам, продали этого ржавого монстра маклаки-пройдохи прямо на пирсе. Завозили эти огромные драндулеты со свалок всей Америки. Салогрею достался "Бьюик" грязно-розового цвета. Ездил он максимум на второй скорости, отчего при езде раздавался страшный рёв, и жор бензина доходил до сорока литров на сотню. Что интересно, именно на этом драндулете салогрей и намеревался ехать в родную деревню, удивлять свою бывшую невесту своим шиком. Так что встреча с

Таней спасла его от приключений на дороге, так как монстр ломался через каждые сто километров. Но новая невеста салогрея сочла, что это шикарный лимузин и что он её достоин! Таня, будучи изрядно подшофе, приняла салогрея за очень важного капитана дальнего плавания, а ресторан "Уют" был до того прокурен, что запаха салогрея было не слышно. Когда мезальянс случился и "невеста героя" попала в лапы презренного салогрея, состоялся пинок ниже пояса из штаба по спасению Рэда, ввиду его полного банкротства. Выбор-то у неё ещё был: стать профессиональной жрицей любви или пойти в пароходство красить борта и надстройку кораблей на ветру Заполярья, в жидкой спецовке, густой и вязкой краской, отчего при протаскивании очередного мазка выворачивает кисть руки. Но Таня предпочла пребывать женой салогрея, об истинной морской специальности ей скоро стало известно от подружек-завистниц. Правда, салогрей объявил ей, что он "командир отдельной части-фабрики", но запаха это не уменьшало. Теперь Танина жизнь круто изменилась. Времени с утра заседать в ресторане с пустыми разговорами о вероятности проникновения на военную радиостанцию с целью обнаружений сведений о пропавшем "Яке" теперь у неё не было. Она была целиком занята экипировкой для соответствия статусу морячки дальнего плавания. Для этого салогрей договорился со знакомыми моряками, и они забивали встречу с примеркой контрабандных шмоток, привезённых последними рейсами из Лас-Пальмас де Гран Канариа и Санта Крус. Типоразмер шмоток человеку бывает трудно подобрать даже в магазине, где они собраны в одном зале. А в этом случае приходилось мотаться от Роста до Фадеева ручья и в разных квартирах, соблюдая все правила конспирации – наследие советского строя – примерять всё подряд. Фарцовщики страстно хотели продать хлам, произведённый из технической ткани африканцами-эмигрантами в Андалузии и Каталонии, Таня же хотела, чтобы плащёвки хорошо сидели. Наслаждался лишь салогрей, он сам себе казался хронопом, как минимум, шейха и английского принца крови! Скрипучим голосом он непрерывно вещал:

– Татьяна! В средствах себя не стесняй! Ни в чём себе не отказывай! Я себе цену знаю! Не позволю своей жене экономить на себе!

При этом, в силу постоянного переворота слов местами, было не понятно, кто на ком не должен экономить! Жилищный вопрос они решили тоже необычным образом. Салогрей пообещал своему товарищу, которого за пьянку и неявку к отходу судна давно списали на берег, и он проживал на жилплощади престарелой официантки, привезти двухкассетный "Шарп". Это было предметом и пределом мечтаний официантки, она желала и жаждала слушать поп-музыку в режиме нон- стоп. Матрос-расстрига, жертва официантки и алкоголизма, когда ещё находился "на бичеве", самозахватом заселился в дощатом двухэтажном бараке под снос. Снос же его как-то задержали. Место в городе это называлось "жилстрой". Дома здесь сплошь состояли из дощатых барачков. Видно это место, на сопке, было из многих мест города. Таня даже гордилась, что она живёт в "центре и выше всех!" Генстроительство же резко переметнулось в район "морской" и дом-барак уцелел до поры до времени. Любимец старой официантки ветрено сказал:

– Живи сколько захочешь, только "Шарп" мне привези с первого рейса!

В промежутки между запоями, в период обострения жизнедеятельности, списанный матрос натаскал со свалок всякой выброшенной хозяевами мебелишки. Прачка с траулера дала салогрею бельишко за банку с печенью трески, и зажили молодожёны в неге и диалогах:

– Любовь моя! – бормотал салогрей сквозь клубы табачного дыма, синими кружевами валящими из рта и его ноздрей, – я хочу от тебя двух мальчиков и двух девочек!

– Дорогой! – отвечала Таня затягиваясь "Мальборо", – старайся, старайся!

Сама же имела втуне спираль, вправленную на случай, если от чрезмерного пережития потеряет контроль над очередным претендентом на её тело. Салогрей давно отказался от идеи ехать в отпуск в вологодскую деревню. Хотя вначале, чтобы притупить бдительность суженого, Таня согласилась ехать с ним и даже вошла в роль невесты. Но как-то салогрей сообщил ей:

– Дорогая, нам надо пойти купить тебе резиновые сапоги!

– Для чего, милый? – с недоумённо невинным видом воскликнула "невеста".

– А то ты от станции до нашего дома не дойдёшь!

Здесь Таню осенило, куда её увлекают в свадебное путешествие. Она стала

непрерывно жаловаться на плохое здоровье и умело, в нужные моменты, отказывать влюбленному в сексе. Тот быстро забыл про не прощённую беременную вологодскую невесту и весь увлёкся экипировкой молодой жены. Тем более, что его организм, с избытком снабженный ретинолом из рыбьего жира – от производственной деятельности, всё время требовал выхода сексуальной энергии. День у них начинался так. Пока Таня спала, салогрей выходил к телефону-автомату, благо что в этот период жизни страны автоматы были совершенно бесплатными. Начинал обзванивать всех, кто обещал узнать что-либо про наряды для женщин с Лас-Пальмаса. Набив пару тройку адресов, он шел будить жену хорошими известиями. Завтракали и обедали они печенью трески, которую изготовил сам салогрей. Всю печень трески, поступавшую в розничную сеть, вручную делали матросы на траулерах. Для этого запасались "банкой номер три" и в часы, когда не было подвахты, набивали банки молоками от рыб-самцов. Заливали эти молоки вытопленным рыбьим жиром, добытым у того же салогрея из общей бочки. Получалась "печень трески", которую потом домовитые хозяйки, открыв заветную баночку, добавляли в салат, сооруженный из варёной картошки и майонеза. Получался, по их словам, "декольтес" к праздничному столу. Таня с молодым мужем ужинали только в ресторане, чем распорядок Тани сильно нарушен не был. Она перед каждым выходом долго выбирала новую кофточку и мучительно подбирала к ней джинсы с воплями:

– Милый, мне чёрные или синие джинсы сегодня одеть? Мне кажется – синие меня полнят!

– Одень юбку! – салогрею очень нравились ноги бутылками у его молодой жены, и он считал их добротным достоянием.

Далее до самого вечера шли рассуждения-мечты о том, что потом на чеки ВТБ можно будет купить "Жигули". Далее следовало: "Какой модели? Одиннадцатую или пятёрку?" – начинала Таня

– Пятёрку – она мягкая! – восклицал салогрей, не понимая, что все "Жигули" делают из одного и того же хлама!

Так и текла их жизнь.

Толик, тем временем, воспользовался случаем: во льдах Арктики военные лётчики обнаружили замороженное судно, на котором находился один единственный матрос, который совершенно потерял всю память. Он не мог даже сказать, куда делась вся команда. Сказал только, что зовут его Сергей Смирнов. Фирмочка, которой принадлежал этот корабль-сухогруз, тут же организовала штаб по его спасению, куда требовался "опытный менеджер". В штабе и так уже была целая орда специалистов, все они были сплошь из бывших капитанов, пребывавших в пенсионном возрасте, и только то и умевших, что горлопанить, "соображать" на троих в рабочее время и травить, после опохмелки, морские байки. Но каждый член штаба был от него неотъемлем, как опоры моста. Каждый – по рекомендации "нужного" человека. Например, самый маленький, во всех отношениях, Дроздов – был ответственный по аренде офиса. Офис располагался на улице Траловой. Эта улица сплошь состояла из конторок, каждая из которых имела свой маленький флот из трёх-семи судов. Были здесь же конторы и покрупнее, типа "Тралфлот", но стояли они особняком и как бы к улице Траловая отношения не имели. Траловая, считалось, состоит из конторок флотов и колхозов. Дома были в большинстве своём бревенчатые, послевоенной постройки. Когда поняли, что Мурманск действительно незамерзающий, независимый от балтийских стран порт мирового класса, на развитие города были брошены значительные, по меркам того времени, средства. Лишь Траловая улица пребывала в режиме стагнации. Вот в такой бревенчатый офис и устроился Толик. В его задачи входило вести переписку с Москвой и отсылать письма электронной почтой. В свой первый день работы он вошёл в конфликт со всеми членами штаба. Выйдя в первый день на работу, он пришёл в полдень, когда опохмелка шла полным ходом. Дроздов рассказывал историю:

– ...жена моряка была бл...довитая, страшно! Ну, второй штурман, а у него, как знаете, хранится судовая печать, говорит капитану, что его жена бл...дует. "Докажи!" – кричит тот. Ну и как-то

раз приходит капитан утром домой с судна, раздевает жену – а у неё печать его судна стоит прямо на ж...пе!

Все моряки эту историю давно знали наизусть и передавали из поколения в поколение, но все смеялись до слёз. Один Толик не смеялся. Тогда его стали разводить на "привальную", в честь приёма на работу. Он ответил, что на работе не пьёт и все от него дистанцировались навсегда.

Когда привезли из аэропорта парня, снятого с замороженного судна, Толик постарался встретиться с ним. Но на все вопросы парень, по фамилии Смирнов, лишь улыбался и говорил, что ничего не помнит, в том числе где находится вся команда судна. Толик, когда народ схлынул, улучшил момент и спросил вразрез, "на прихват":

– Куда уехал парень по имени Рэд, который прилетел на самолёте?

В глазах Смирнова мелькнуло смятение. Толику даже показалось, что Смирнов видел Рэда. Только тот отрицательно качал головой и ответил, что никакого Рэда не знает:

– Кто это такой? – спросил он наивно.

Куда делась команда, казалось, он тоже не знал. Наконец, члены штаба по спасению транспорта из льдов Арктики приняли рабочую гипотезу, как всегда, выбрав ту, что им была больше по сердцу:

– Пацан, видать, для сугреву пил гидролизный спирт в больших дозах. Это очень вредно для организма! – в этом месте повествующий делал паузу, чтобы слушающие оценили, как бывшие морские волки рисковали своим здоровьем, но остались целы и даже могут вспомнить, когда у тёщи день рождения! – Но ничего, мы ему комнату в доме межрейсового отдыха моряков выбили. Там среди своих отойдёт постепенно. Может, вспомнит чего!

После этого, чтобы рабочее время в штабе шло побыстрее, потёк очередной рассказ:

– Жена судового кочегара бл...довала страшно! – это была ключевая фраза всех морских историй. – А тут на судно поступили спасательные плотики, сигнальная лампочка на клотике которого загоралась от батарейки, при соприкосновении батарейки с водой. Только с солёной водой, заметьте! Приходит кочегар с рейса и говорит

жене: "Купил в иностранном порту японский прибор, указывает, бл...довала ты, или нет! Ссы в таз!" Ну жена надула в таз, кочегар бросил туда батарейку. Лампочка-то и загорелась! Он пи...дюлину жене как выпишет! А она кричит: "Васенька, было! Но только один раз!"

Все опять смеялись до упада, хотя слышали эту историю сотни сотен раз!..

Всех остальных членов экипажа сухогруза записали, как пропавшими без вести, а по самому сухогрузу приняли важное решение. Организовали на борту судна экспедицию, высадили там водолазов с оборудованием. Нашли вал винта судна такой же серии. Решили всем штабом, что везти его вертолётom будет как-то не по-арктически. Сбросили вал с самолёта, а потом долго тянули лебёдкой по льду и подняли на борт подъёмной стрелой. Оснастили вал винтом – запасной имелся на борту судна – и с помощью лебёдок заправили в дейдвудную трубу. Судно пришло своим ходом в Мурманск! Из всего штаба по спасению один лишь Толик "показался" руководству, поэтому штаб распустили, а Толика временно оставили в управлении морской фирмочки, владеющей сухогрузом.

Без дела остался Аркадий – банкротство штаба произошло в тот момент, когда Арон и капитан АПЛ Егор Бриттов находились на мурманской авто-толкучке, продавали автомобиль Бриттова. Это был "Форд-Скорпио", который привёз на траулере рыбофлотный родственник Егора откуда-то из Голландии. Машина была очень капризная. Временами холостые обороты двигателя без видимых причин подсакивали до средних и держались так, не поддаваясь никаким усилиям местных умельцев. Потом обороты сами стихали до нормальных, и Бриттов с замиранием сердца ждал, когда произойдёт возвратный рецидив. Но бешеные обороты всегда заставляли его врасплох, когда он пребывал в отличном расположении духа, отчего это расположение сходило на нет. Вся сложность будущей сделки и заключалась в том, чтобы успеть продать Форд, пока он вновь не взревел на холостых оборотах, особенно в момент осмотра претендентом-покупателем. Но, в основном, машинка выглядела очень опрятно, видимо, она прошла солидную предпродажную подготовку, где-либо у турецких умельцев в Европе, которые могут

доводить кузов и салон до максимально приличной кондиции. При этом они обильно поливают салон из аэрозольного баллончика "запах нового автомобиля". Это было изобретение века. У бывших советских людей мечта об автомобиле была на генетическом уровне и ещё недавние предки автовладельца с гордостью, находясь в отпуске, сообщали хуторским родственникам:

– У нас в доме машина!

Это звучало, конечно же, странно! Ведь стояло-то машина не в доме, а в жестяном гараже. И была это вовсе не машина, а купленный в рассрочку "Москвич" ядовито-зелёного цвета, с чихающим мотором...

Толкучка представляла собой унылую территорию на берегу Кольского залива. Эта площадка значительного размера была намыта на пологом берегу, на мелководье, для каких-то промышленных целей в последние годы советской власти. Социалистический строй рухнул, промышленный объект никто строить на свеженамытой территории не захотел ввиду её астрономической стоимости из-за исторических затрат, и её отдали под авто-толкучку. Находиться здесь всегда было неуютно, всё продувалось непрерывным ветром с Кольского залива. Было сыро, и запах щекотал ноздри совсем не парфюмерным ароматом – берега залива из поколения в поколение служили какой-то стихийной свалкой и здесь жили портовые крысы, которые питались пропавшей рыбой, втихаря выбрасываемой засольщиками-неудачниками. Стырит матрос рыбу на судне и в укромном уголке солит её, с намерением повезти в отпуск, как гостинец. Обычно, такие горе-засольщики – вертопрахи, солят они рыбу по чьему-либо "новому" рецепту, "с лавровым листом и кориандром" – и рыба пропадает уже на третий день.

Вот и сидели Аркадий и Егор Бриттов в кабине "Форда", боясь лишний раз выйти наружу под непрерывный ветер с запахом гниющей рыбы. Вся эта обстановка не придавала приветливости и дружелюбности ни продавцам, ни покупателям. Продавцы находились под давлением местных рэкетиров, которые требовали дань с каждой проданной автомашины, а покупатели страшно боялись "кидка". Это когда деньги заберут, а машину не передадут новому хозяину. Хотя в последнее время "кидок" был явлением

редким, легенды про "разводы" постоянно циркулировали, вздуваемые местными знатоками автомобилей, которые вызывались помочь приобрести автомобиль, осмотреть его при покупке. При осмотре такие знатоки задумчиво глядели под капот, ни бельмеса не понимая в этих проводах и трубках. Потом, захлопнув капот, начинали нажимать на углы покупаемого автомобиля, что означало "проверку подвески". Польза от этих "помощников" была как раз на руку продавцам. Так как помощники сильно хотели побыстрее приступить к обмывке покупки, то заметив, по реакции покупателя, что денег у того хватает, кричали:

– Машина хорошая, бери, пороги крепкие! – и при этом снова нажимали на углы автомобиля для пущей убедительности.

Бриттов и Аркадий уже пережили пяток таких нашествий энтузиастов с одними и теми же воплями: "Открой капот, закрой капот! Сколько просишь? Сколько скинешь?"

Теперь они сидели внутри машины, жарко нагнав воздуха из работающей печки, бензина на это дело не жалели. Встали он сегодня, по причине сложности попадания на толкучку, довольно рано, с недосыпу морозило, и Аркаше очень хотелось поспать. Но он не мог бросить своего товарища один на один с покупателями, раз обещал помочь с продажей этого авто. Тем более, что у них зарождалась дружба. Состояние его осложнялось плохим сном и прошлой ночью. Ему всю ночь снился сон про то, будто он находится на странном пляже, на котором вместо песка или гальки берега затянуты в бетон и люди лежат в купальных костюмах среди всего этого бетонного великолепия! Всё это выглядело странно и сюрреалистично. Бриттов, который уже перестал напрягаться от ожидания, что мотор сейчас взрвёт на холостых оборотах, проникся к Аркадию признанием за отзывчивость. Ему было морально очень тяжело пребывать на авто-толкучке. Он всё время боялся, вдруг его заметит кто-либо из штаба ВМФ, поэтому за рулём "Форда" сидел Аркадий, а Бриттов изображал случайно забредшего покупателя и потуже надвигал бейсбольную кепочку себе на глаза. Даже при разговоре с потенциальными покупателями все фразы о преимуществе автомобиля провозглашал Аркадий. Бриттов, пребывая в незаметной курточке и бейсбольной шапочке, выглядел бедным

родственником, зашедшим "на огонёк". Вот и сейчас к "Форду" подошёл человек в возрасте. На его длинных ногах болтались брюки, едва доходившие до щиколоток, и в нелепой светлой курточке он был очень смешон. Как впрочем и все другие, он спросил:

– Сколько стоит?

Аркадий, чтобы не было скучно, привил Бриттову идею, что цену надо называть разную, в зависимости от состояния клиента. Бриттов, сам себе нарисовавший миф, что Аркадий – великий коммерсант, отдал ему эту тему на откуп. Аркадий, решивший, что этот человек-журавль пустой вариант, бесцельно бродящий по рынку с целью прицениться, на случай, если вдруг на него свалится мешок с деньгами, сообщил вдруг бодро, прибавив две тысячи на цену, которую желал Бриттов:

– Восемь тысяч! – и с иронией оглядев покупателя, добавил: – И ни цента ниже! – это он сказал для красного словца, на всякий непредвиденный случай, чтобы претендент понял, что речь идёт о валюте.

– Откройте капот! – произнёс человек-журавль. Аркадий дёрнул рычажок капота. Человек поднял капот и, достав белоснежный платок, теранул им по лонжерону, сунув длинную руку глубоко в мотор. Затем, внимательно осмотрев результаты анализа, сказал:

– Ничего! Ну, я ещё похожу минут сорок, а потом вернусь к вам!

– Возвращайтесь, возвращайтесь! – безнадёжным голосом произнёс Аркадий.

Бриттов всё это время жался в угол между спинкой сиденья и средней стойкой, приподнимая куцый воротничок демисезонной курточки. Когда "журавль" удалился, он стал шептать Аркадию:

– Слушай, он точно капитан! Стыд-то какой!

– С чего ты взял, что он капитан? – (Бриттов настойчиво рекомендовал Аркадию называть его на "ты", хотя бы на период их операции). – Да если даже и капитан, нам что с ним детей крестить, что ли?

– Капитан, точно! Так капитаны проверяют ржавчину у боцмана в хозяйстве! Мне неудобно, коллега всё-таки!

– Чё ты как не родной! Капитан или шкура, – блеснул морскими знаниями Аркадий, – ты откуда знаешь, может, он капитан калоши какой-нибудь, например, водолазного бота?!

– На водолажном боте "руль-моты", там капитанов нет! А это с большого судна капитан!

– Если с большого судна – что, он сам себе привезти машину не может? – задохнулся Аркаша от переизбытка чувств, вызванного чрезмерной стыдливостью Бриттова.

– Так он, может, не визировано ходит?! Допустим, в ледакольном флоте?!

– Кончай свою схоластику! – ввернул Аркаша где-то услышанное красивое незнакомое слово. – Наша задача толкнуть тачку, а не гнилые морали разводить! Вали в своих моральях всё на меня! Все грехи беру на себя!

Такой командирский тон очень понравился Бриттову и сам Аркадий тоже понравился ему ещё больше, так что, несмотря на внутреннюю борьбу, он решил подчиниться своему юному товарищу. Они начали говорить на нейтральные темы. Аркадий пожаловался, что у него, возможно, скоро возникнут трудности с жильём. Мурманск ему как бы очень нравится во всех отношениях, и уезжать на родину он не хотел бы, по окончании их проекта. Аркаша кривил душой, как всегда, просто его натура не позволяла сказать ему вот так прямо:

– Наш проект закрыли. Жить негде. Помоги, если можешь!

Такой уж он был человек. Всё у него было как бы, вроде бы... Бриттов проблему понял. Он твёрдо обещал поговорить с другом, у которого были излишки какой-то жилплощади в Мурманске. Он сказал:

– Ведь в Североморске тебя жильё не интересует? В Североморске я бы тебе жилья наворочал бы на взвод!

Аркаша, трусливо отгонявший воспоминания про свои приключения с чужой женой, зачастил:

– Не, нет, не-а! У меня даже пропуска в Североморск нет! – и добавил, – и не будет!

– Ну, хорошо, – сказал Бриттов, утвердившийся в своих мыслях, – я поговорю с товарищем!

Всё это время покупатели к их машине не подходили. Товарищи уже было заскучали, и в это время к ним приблизился давешний "журавль". Он шёл целенаправленно, прямо к ним. Аркадий напрягся, как легавая, почуявшая в траве вальдшнепа. Бриттов вновь съёжился и сгруппировался к средней стойке автомобиля. "Журавль" подошёл к открытому окну, в которое выглядывал Аркадий, и представился:

-Гаркин! Капитан БМРТ! – и протянул руку Аркадию.

Бриттов в это время совсем ушёл в себя, а Гаркин сказал:

– Ну, что? Едем оформлять?

– Кого оформлять? – растеряно переспросил Аркадий.

– Машину оформлять, на меня! – рявкнул Гаркин, – а это ваш родственник, сопровождающий? В цене-то уступите? – задал сразу два вопроса Гаркин.

– Да, оформлять... Родственник, тоже хотел купить, машина хорошая, просит в цене уступить, денег у него не хватает! – на ходу сочинял Аркадий невпопад.

– Так он что, тоже с нами тоже поедет? – справился Гаркин.

– Да, поедет, – ответил Аркадий утвердительно, – для надёжности, дело опасное, денежное. Он в милиции работает! – стал брать на испуг Аркадий.

– В милиции – это хорошо! Не боязно иметь дело с вами! – воскликнул Гаркин. Он хотел вначале потеснить Бриттова на заднее сиденье, но узнав, что тот "из милиции" сам полез назад. – Ну, поехали!

Аркадий споро вырулил с авторынка. В это время все автомобили стоят "в режиме продажи", поэтому на выходе не теснятся. Мешали лишь продавцы разной мелочёвки, которые загораживали проезд своей розницей. Там было всё, от свечей и карбюраторов до водки и сигарет. Защищая свой товар от наезда машины, они лезли прямо под колёса. Гаркин неожиданно сказал:

– Едем ко мне домой, за деньгами!

"Ну, попали! – подумал Аркадий, – мужику просто надо доехать до дома с толкучки. Сейчас доедем, он выйдет и скажет – "Потом куплю!"

Такой способ добираться до дома был известен давно. Особенно у ранних выпивох. На авто-толкучке шинкари спиртное продавали с шести утра. Страждущие добирались туда попутно, подвозил кто-либо за символическую плату: всё одно в ту сторону едет! Для дороги назад, опохмеленные и обнаглевшие тралфлотовцы разыгрывали пьесу, что собираются покупать автомобиль. Усевшись большой толпой на все сиденья, они командовали бедолаге-продавцу:

– Поехали в Росту, там брат живёт, большой знаток автомобилей. Он посмотрит твой аппарат и тогда едем оформлять!

Доехав до Росты, а это была самая дальняя точка города, продавцу сообщали одно из следующего: "На ходу твоя тачка – что-то не того", "Брата нет дома, уехал на рыбалку", "Жена денег не даёт!", или ещё что-нибудь. А то и просто вылезали и уходили, и всё! "Так и сейчас будет, наверное!" – поддался упадническим мыслям Аркадий.

Его беспокойство передалось Бриттову. Причём у последнего это смятение осложнялось страхом "быть узванным" коллегами-морьяками. Бриттов был очень отважный человек, но отвага его работала лишь в секторе "защита Родины" – тут он мог повести крейсер в атаку на две эскадры противника или, не колеблясь, умереть за Родину честь. А вот, допустим, перед хамами он пасовал. Не было у него оружия и средств против наглецов и прочей нечисти. Его могли влѣгкую облапошить в мелкой сделке или в штабе недодать того, что было ему положено по статусу командира атомной подводной лодки. Могли отодвинуть в очереди на автомашину или квартиру в пользу какой-нибудь Марьи Ивановны. И у Бриттова не хватало

отваги разобраться с такой дискриминацией. Очевидно, внутренняя интеллигентность не давала развиваться хамству, присущей всему его поколению. Бриттов был из тех динозавров, которые умрут с голода, но никогда не украдут и не попросят кусок хлеба. Зная свои дефекты поведения, он всецело доверился Аркадию. Более того, чисто инстинктивно, он глубоко в душе решил держаться этого

дерзкого, современного парня, надеясь научиться современному поведению. Жена Бриттова с детьми давно жила у родственников, на материке. Она была из той плеяды жён моряков, которые согласны ждать мужа с моря, но ждать с комфортом, в хороших климатических условиях. Бриттов, конечно, оправдывал свою жену. Растить детей в Заполярье было просто опасно – здесь настолько суров был климат и недоставало в питании свежих продуктов. Перестройка тоже не прибавила витаминов в рационе горожан. Вернее, фрукты на рынке были, но по такой цене, что вся работа, все "полярки" и выслуги становились абсолютно бессмысленными. Все эти надбавки забирали торговцы, а у них – по конвейеру – рэкетеры, чиновники-мздоимцы и прочая надстройка. Бриттов находился в походе бывало и годами, а уж полгода – очень часто. Поэтому жена однажды из отпуска с детьми не вернулась и устроила старшую дочку в школу у своих родителей в городке средней полосы. Потом и сама нашла себе неплохую работу, не денежную, но дававшую возможность спать по ночам, не терзаясь: "Что же будет? Стаж не идёт, пенсии в старости не получу!" – тогда ещё не знали, что пенсия будет иметь сугубо теоретическое значение.

В то время, как жена Бриттова переехала на материк, народ ещё опасался за социальный статус. Ещё были живы милицейские рейды, разыскивающие "тунеядцев", то есть не работающих дольше двух месяцев, за что могли направить куда-либо за Енисей, где работу им подбирал уже участковый. Каждый должен был где-то состоять! Научно-исследовательские институты были полны скрытых тунеядцев, все отделы предприятий были заполнены получиновниками. Штаты раздували неимоверно! Когда Бриттов с женой встречались в отпуске, они мечтали:

– Вот выйдет Бриттов на пенсию – заживём как люди!

А теперь же он мечтал продать капризную иномарку и купить в военторге обычные "Жигули", на которых уже и ездить к семье, когда выдастся отпуск. Деньги на эту покупку должны были прийти вот от этой сделки с "Фордом". Егор очень на неё надеялся, поэтому Аркадий в его глазах был уже полубогом – он отождествлял его с возможностью видеть семью. Тот прокричал Гаркину:

– А ты не скажешь, что жена деньги перепрятала, и что ты будешь покупать "потом"?!

Гаркин сделал абсолютно непонимающую мину и переспросил:

– Это в каком это смысле? Почему вас интересуют мои деньги? Что вы имеете в виду?

– Ну, ладно, это я пошутил! У нас до этого разговор был на одну тему и я, вроде как, в продолжении того...

– Я ваших шуток не понимаю, – пробормотал Гаркин, умещающая свои журавлиные ноги за сиденьем.

– Показывайте дорогу! – кричал Аркадий, возбужденный процессом управления иномаркой с резвым двигателем.

Бриттова в это время раздирало двойственное чувство. Во-первых, он очень опасался за машину, которой управлял Аркадий, а не он. Тем более, он подозревал, что у Аркадия и прав-то на вождение нет! Спросить об этом он считал некорректным в сложившейся ситуации. Во вторых, он всё время опасался, что рано или поздно придётся сознаваться, что хозяин машины – это он. У нотариуса-то переписывать с его документов будут! Как выйти из этого – он не знал. Вдохновляла лишь уверенность Аркадия, который был уверенным всегда. Бриттов помнил лишь один момент, когда Аркадий был с растерянным лицом – в тот момент ему предстояло перелезть с балкона на балкон из логова хищных самок, чужих жён. Аркадий тоже это помнил и был предан Бриттову в благодарность, что тот спас его в те страшные моменты его жизни!

Очевидно, слова "Показывай дорогу!" ввели Гаркина в его родную колею. Командовать тот любил на генетическом уровне. Только такие люди становятся капитанами. Он от самого поворота с толкучки начал давать распоряжения. Кроме направления движения автомобиля, он непрерывно кричал:

– Вот здесь осторожно! Объезжай яму справа! Левее, левее бери, тормози! Оп-оп, оп! Тише ты! – и так далее.

С самого момента принятия командования он сразу перешёл на фамильярное "ты" и сильно не церемонился в выражениях, таких как "раззява", "кто тебя учил так ездить" и тому подобных. Всё это звучало непрерывно, но не повторяясь в своём многообразии. Наконец, Аркадий не выдержал и прокричал:

– Это пока ещё не твоя машина! Назови адрес и сиди спокойно!

– Как это, назови адрес? У меня же там деньги, семья, в конце концов! Как это, назови адрес? Машина сегодня станет моя, а ты ей подвеску всю уже загубил, пока мы едем. Тебе что, тебе не отремонтировать! – начал непрерывно бурчать претендент на машину.

Здесь Аркадий вспомнил, что в Англии существует закон: если моряк отходил в дальнем плавании более трёх лет, особенно в арктических морях, то его свидетельские показания в суде не являются легитимными. Или, говоря прямо, не принимаются судом.

"Этот, – думал Аркадий, имея ввиду Гаркина, – явно отходил в арктические моря, явно больше трёх лет!" – и спокойно стал слушать наставления, куда дальше поворачивать. Капитан траулера, заполучивший таким образом карт-бланш, стал даже временами, благодаря своим длинным конечностям, пытаться помогать Аркадию управлять машиной, хватаясь за руль, при этом находясь на заднем сиденье. С горем пополам они наконец-то доехали. Капитан жил в центре, в довольно-таки элитном доме, так называемой "цэковке". Эту серию домов соорудили всякие партайгеноссе для своих верноподданных. Получить квартиру в таком доме было довольно трудно. Аркадий поднялся с хозяином на пятый этаж. Бриттов остался охранять машину, следуя наставлениям Гаркина. Дверь им открыла очень растрёпанная капитанша старше сорока лет. Эту породу дамочек Аркадий научился различать даже в темноте и боялся их, как покусанные единойды дети боятся чёрных собак. На капитанше был засаленный махровый халат и синтетический парик, косо надетый на нетрезвую с вечера, а может и с последнего отхода в море капитана, голову. Она завопила, как в лесу:

– А-а-а! Заходите! Я вижу, мой дорогой, – лицемерно обратилась она к капитану, – ты наконец-то подобрал для нас машину!

При этих словах она стала кидать на Аркашу призывные взгляды, пока Гаркин удалился в сусеки вскрывать свой тайник. Аркаша пугливо жался в угол, как свежепобитая маленькая собачка, опасаясь продолжения экзекуций. Наконец капитан вернулся с заветным свёртком и Аркадий облегчённо вздохнул. Подле запарикованой капитанши он чувствовал себя спокойно только в присутствии хозяина. Гаркин сел за стол, водрузил на нос дальнозоркие очки в оправе "под черепаху" и стал, поплёвывая на

пальцы, нудно считать деньги. Общая пачка, от которой он отсчитывал, была довольно-таки толстая, тысяч на тридцать баксов, если прикинуть на глаз. Аркадий, чтобы сбить с руки начавшую было вновь хищную охоту глазами капитаншу, стал задавать Гаркину ненужные вопросы:

– Вы только с штампами турецкими и арабскими мне, пожалуйста, не давайте, а то с ними проблемы!

Капитан прервал скрупулёзный счёт и сказал вдруг скрипучим голосом:

– Деньги у меня хорошие, все новые!

Аркадий живо представил, как Гаркин, прежде чем выдать матросам "подфлажные", сидит по ночам и вышелушивает из стопок денег самые чистые и новые купюры. Наконец, счёт был закончен. Гаркин по-командирски передал деньги Аркадию и удалился прятать остаток своих сбережений.

"Странный мужик, машину ещё не оформил, а деньги уже даёт!" – мелькнула у Аркаши мысль, но, руководствуясь принципом "Дают – бери!", он спрятал их в карман.

Они спустились вниз под непрерывные вопли капитанши:

– Мальчики, приходите обмывать покупку! Обязательно приходите обмывать! Со двора было видно, как она высунулась в форточку и непрерывно что-то

кричала. Очевидно, о необходимости обмывания. Троица последовала в рядом располагающуюся нотариальную контору и оформила автомашину на Гаркина "по доверенности". Тот даже не удивился, что машина принадлежит Бриттову, а напротив сказал:

– Ты ловкий парень! Слушай, мне надо продать мои "Жигули". Ты мне поможешь это сделать! Запиши телефон. – И отдал готовую бумажку с телефоном Аркадию.

Бриттов подумал: "Странно, кто имеет иномарку – хочет "Жигули", и наоборот!"

Когда они расстались со счастливым обладателем Форда, Аркадий передал деньги Бриттову. Тот хотел было дать комиссионные за проделанную работу, но Аркадий сказал решительно:

– Мы же друзья! Зачем ты меня обижаешь? Ты же и так меня сильно выручил, я до сих пор у тебя в долгу!

– Это я у тебя в долгу! – стал настаивать Бриттов, – слушай, здесь у меня товарищ живёт хороший! Давай пойдём к нему, обмоем попку. В ресторан с такими деньгами опасно! Да, кстати, он главный редактор и почти владелец местной газеты!

Товарищи поспешили в логово главного редактора, припася для этого случая коньячок.

Глава 11

На курорт Арс с Рэдом съездили, мероприятие было закончено. Но это не сняло главную проблему. Об этом Арс непрестанно думал всё последнее время. Проблема формулировалась в краткий тезис: "Память о жизни на поверхности Земли, несмотря на все усилия всех методик, у Рэда не пропадает!"

Более того, Арс отчётливо осознавал, что память, раньше являющаяся к нему лишь в некоторых малозначительных, незапоминающихся снах, все чаще стала его беспокоить и в состоянии бодрствования. Он все свободное время муссировал в мыслях картинки из своего детства и юности. Жизнь осложнилась тем, что его стала преследовать боязнь: а ну как его мысли телепатически прочитают Посвященные, или их агенты? Стукачей в этом Мире было больше, чем позволяло предположить воображение. Если в Управления флота поймут, что память к нему его возвращается, его, судоводителя в возрасте, могут просто списать на берег. В худшем случае могут репатриировать назад на Землю с уже полностью стёртой памятью. Ну, может заместят перед репатриацией в памяти периоды воспоминаний, как он был Руди, картинками житья на необитаемом острове. Арс знал случаи из истории, прочитанные в детстве, что один полярник в самом начале двадцатого века три года скитался с напарником по Арктике и жил под моржовыми шкурами. Полярник остался жив и, более того, встретил полярных путешественников, которые были единственными во всей Арктике и единственными на большом отрезке времени, пока полярный путешественник отсутствовал! Теперь, узнав про "другую жизнь" и возможности её обитателей, Арс понял, что в конечном итоге те полярники чем-то не пришлись Посвященным. Их телепортировали ровно в то место, где проходила вторая экспедиция полярников. Вторая, за весь период истории человечества. После этих приключений полярники прожили долгую жизнь и были весьма полезны обществу.

– Возможно, у них остались какие-то реликтовые навыки и память, чем они могли воспользоваться в дальнейшей жизни! – уже вслух рассуждал Арс.

Его услышал Рэд и переспросил:

– Что ты там бормочешь, как старый дед. Пойдём разомнёмся, сходим на охоту!

– Какую ещё охоту? – на Арса вновь стала наплывать память, как он в юности ходил на охоту на уток с одним ружьём на двоих. Из этого ружья они стреляли по очереди, независимо от результата попадания. Только с охоты они всегда приходили без добычи, все утки были очень пугливые и на выстрел давно уже никаких охотников не подпускали. Эта охота придавала друзьям что-то такое, от чего чувствовали себя взрослыми мужчинами, и уверенность в жизни росла от похода к походу. Это были одни из лучших воспоминаний Арса. Мокрые ноги из-за дырявых сапог, холод осени, сырость морозящего дождя стёрлись давно, естественным образом, без усилий и методик Посвященных. Осталось тепло воспоминаний, когда казалось, что дружба с его товарищем – самая верная на Земле. Казалось, друг придёт на помощь в любой ситуации и через какое угодно количество времени. Друг был старше его, и когда тот ушёл в армию, Арс и нового товарища не приобрёл, и того забыл. Писем они друг другу не писали, потом и Арс ушёл в мореходку. После были: походы для выработки ценза, получение рабочего диплома, ранняя и быстрая карьера и столь же раннее кораблекрушение, в результате которого он оказался здесь. Вся морская жизнь на Земле не вспоминалась, да и была она блеклой – не за что зацепиться памяти. Редкие заходы в иностранные порты. Радость от этих заходов нивелировалась предшествующими заходам инструктажами помполитов. Слежение "третьим" во время перемещения по чужому порту. Допросы по ложным доносам. А в основном, морская жизнь – безрадостна. Вахты, подвахты и языкоблудие морских вралей о том, какие сексуальные победы они одерживали в чужих портах. Смысл всех морских рассказов "про любовь" можно было свести к одной ключевой фразе, которая рождалась из сведений о бедной жизни на острове Куба:

– Да я за флакон "Шипра" весь публичный дом до самого пирса раком поставил!

Эти ухарские рассказы в памяти Арса не отложились. Опыт в любовных делах у него был весьма куцый. Он вновь переспросил Рэда, который возвращал его к реальным мыслям репликой:

– Так на охоту идём?

– Ты толком доложи, – по морскому потребовал Арс, возомнивший, что существует ему неведомый аттракцион с стрельбой по уткам, – за утками, что ли?

– Какие утки, ты что бредишь уже? Со своими вечными мыслями? Девчонок клеить пойдём! Только, чур, не в баре! Идём на свободную охоту – будем клеить на улице!

Этого предложения Арс выдержать уже не мог! Такого разврата он от брата не ожидал:

– Ты что, намереваешься обманывать бедных девушек несбыточными обещаниями?

– Ох, ох, ох! Какие мы благородные! Да девчонки сами рады поддаться на обещания, это игра такая! Что им надо в вашем мире? Иди, делай что хочешь! Покупай любые наряды и украшения! Благо, что кристаллы драгоценных камней выращивают как хохлы редиску на огороде, любых размеров и цвета! Только названия придумывай!

– Не говори категориями, которые привык применять на Земле! И вообще, перестань мыслить "в сравнении с земной жизнью"! Ты достукаешься, тебя отправят на перепрограммирование в лагерь для телепортированных! Запомни, все девчонки, да и вообще модники, здесь носят потрёпанную одежду с искусственным старением, всё являет вид поношенного и потрёпанного.

– Ага! Значит у общества, у молодёжи нет будущего! Нет цели, ради которой стоит прилагать невероятные усилия. Назови хотя бы один пример, за что молодому человеку стоит биться?!

– Ну, например, поступить в престижное учебное заведение. Там не всех берут, только по рекомендации предыдущих училищ!

– Знаю я ваши рекомендации! Ты мне – я тебе! Что значит "престижное"? Все учебные заведения с одинаковой программой обучения, с одинаковой программной оснасткой. Допустим, толковый ученик из не престижного заведения, он же круче, чем троечник-блатарь, а направление на работу получит в какой-нибудь лепрозорий, где нет никакой научной базы.

– Ну, не скажи! Для этого и существует аттестат-лицензия! – Арс очень любил разговоры с братом по вопросам учёбы. Он

надеялся, что тот когда-то экстерном сдаст экзамены в высшей навигационной школе на лицензию судоводителя. Эта лицензия позволяла выходить в Нижний Космос. Сам Арс таким допуском не владел. – Там сказано, какая научная база была в учебном заведении. Какую нагрузку, в части исследований, нёс ученик. И всё прочее, из этого вытекающее...

Что прочее и куда вытекает – Арс чётко не знал. В больших науках он был не очень силён. Он был человек необыкновенной отваги. Эту черту подметили в своё время датчики Посвященных. Он при кораблекрушении был переведён в этот Мир и экстерном сдал на лицензию судоводителя, с правом выхода в Верхний океан. Теперь, его способность реально смотреть на происходящее вокруг него подсказывала, что если он не пресечёт в себе развитие воспоминаний, которое расплзлось квадратично, его карьера будет закончена. Про судьбу Рэда он и вовсе старался не думать. Его реалистичный ум подсказывал, что брат не пригоден для "зашивки" памяти. Этот дефект рано или поздно вскроется. Но в отчётах Арс показывал, что процесс ассимиляции Рэда продвигается успешно. Всё это было хорошо, пока на их игру не обратят пристального внимания Посвященные или их прихвостни.

– Короче, – форсировал разговоры Рэд, – ты на охоту идёшь?

Отчасти, что слово "охота" ностальгически подействовало на мысли Арса, отчасти, что он хотел в бытовых отношениях приблизиться к брату и помочь ему адаптироваться в этом Мире, Арс согласился, но с оговоркой:

– Только мы никого обманывать не будем. Не станем несчастным девушка обещать составить им протекцию для поступления в престижное училище!

– Ага! – эмоционально воскликнул Рэд, – кто сознался – тот и обосрался! Всё таки в престижные училища попадают по протекции?!

– Ну, это я образно выразился, чтобы ты меня кратко понял, я сказал твоим языком. На самом деле, престижных и непрестижных училищ не существует!

Они подошли к кару и, усаживаясь в него, завершали начатый разговор.

– Так что же, в одни ломаются, как лосось на нерест, а в другие – палкой загоняют?

– Обучение во всех заведениях одинаковое. Более того, ты можешь сам подключиться к программам, потратить время и стать специалистом получше, чем спец из самого престижного училища. Но...

– Что – "но", что – "но", договаривай!

– На работу тебя никто не примет.

– Вот, вот! – возбуждённо восклицал Рэд, – главное, бланк, на котором написана твоя лицензия!

– Может быть и так. Только ты можешь экстерном сдать в любом выбранном тобой заведении, но для этого необходимо направление...

– Ага!.. – Опять завопил Рэд. – Протекция, "словечко замолвить"!

– А как ты хотел?! Надо, что бы авторитетные члены общества за тебя поручились, своим риском гарантировали твою благонадёжность. Вдруг ты скрытый сумасшедший?.. Или закамуфлированный маньяк. Это потом ляжет пятном на учебное заведение и так далее... И вообще! Заканчивай эту полемику на тему морали. Не хочешь же ты сказать, что за рекомендацию просто берут матсредства?!

– Не матсредства, а пашут интеллектуально на давателей рекомендации!

– Я же попросил, прекращай гнилые беседы! Ты ещё ни на кого не пахал!.. – начал обижаться Арс, который уже жалел, что поехал с Рэдом.

– Да, давай меняем тему... Вон гляди, две тёлочки стоят на станции социального кара!

– На станции кара тёлки не берутся! – вдруг грамотно стал рассуждать Арс.

– Ага! – восхищённо воскликнул Рэд, – ты тоже оказывается "ходок"!

– Да, не без этого. Только мы девчонок не обманывали. Они нас так любили, бескорыстно!

– Никто их обманывать не собирается! – совершенно искренне, не оправдываясь, сказал Рэд и завопил для девушек, – Ну чё, девчонки?!!

Те молча жестом показали, чтобы Рэд подвернул кар к ним поближе. Что тот моментально сделал. Он вышел и стал общаться с девушками. Те были вида невзрачного, но и не уродливые. Так себе, звёзды малой величины. Рэд, рассмотрев их, не стал "винтами работать назад". Он был фаталист и свято верил, что если по своей инициативе пропустишь первую поклёвку – то в этот день удачи не видать! По этой причине он не сильно уговаривал девушек с ними прокатиться. В надежде, что те одумаются и скажут типа: – Нас мама дома ждёт!

Но девушки тоже не сильно сопротивлялись. Они сказали, что гуляли пешком для большего здоровья и очень утомились. В руках у них было по баночке "Эрария". Это такое новейшее изобретение маркетологов: эта баночка не подпадала не под один из законов, запрещающих сильно тонизирующие напитки и вдыхаемые газы, которые было запрещено употреблять на территории улиц Порта. Это был эдакий аэрозольный баллончик, выдающий употребляющему его струю пены. Как миниатюрный огнетушитель. Молодёжь слизывала эту пену на ходу, при ходьбе, получая опьяняющий кайф. Блюстителю закона возразить им не могли. Это не было употреблением чего-либо запрещенного законом на улице. Девушки уже изрядно наупотреблялись, и их душа требовала приключений. Рэд про себя подумал:

– Вот и ладушки! Меньше их накачивать, манежить надо будет. А то вытанцовывай вокруг них, пока уговоришь. А тут – готовенькие!

Арс стал выпрашивать новых знакомых:

– Вы учитесь, или работаете где-нибудь?

– Работаем, – ответила та, которая пообщительнее.

– А кем вы работаете? – продолжал свой допрос Арс.

– Судьёй! – неожиданно бойко ответила другая девушка.

Рэд понял, что они замыкаются. Намекают, чтобы к ним не приставали. Судья, как ни как! Он посоветовал Арсу:

– Ты бы познакомился вначале, а потом выпрашивал, как следователь!

– Да, кстати, девушки, а как вас зовут? – вроде бы к слову спросил Арс.

– Анн! – протянула ему руку девушка, что сидела слева от него и пшикнула себе в рот из Эрария.

Тот же самый жест проделала другая, тоже пшикнув себе в рот провозгласила: – Ини!

Рэд сразу подумал:

– Врут, врут обе! – он так подумал не потому, что уловил признаки привирания, а из личного опыта знал, что они всегда привирают, инстинктивно, боясь, что потом их новые партнёры начнут хвастаться сверстникам о своих победах и каким-нибудь образом подробности встречи разнесутся по округе с достоверными именами развратниц.

"Это хорошо, что врут, – продолжал думать про себя Рэд. – Значит, знакомство будет иметь более существенное продолжение!"

– А куда мы едем? – вдруг вернулась к реальности Анн.

Рэд, который вёл кар по принципу "просто покататься", воскликнул, начав со своего любимого выражения:

– Ну чё, девчонки, поедем на Экранный двор? – он вспомнил, что ему советовали посетить это место, где на большой площади были собраны множество видеопанелей панорамного вида. Находящийся внутри одного из таких модулей мог, как участник событий, наблюдать за происходящим вокруг. Его окутывали запахи, соответствующие происходящей картине, он даже получал в нужном месте толчки и лёгкие удары волной. Нельзя было лишь контактировать с окружающими, которые существовали как бы в голограммном облике, сотканые лучами лазеров. Зато там можно было запросто употреблять Эрарий и, спрятавшись за виртуальными кустами, можно было позажиматься с партнёршей или партнёром. За вход там платить не следовало ничего. Вся система была направлена, заточена на воспитание молодёжи в нужном ракурсе, поэтому правители на такие проекты средств не жалели.

– О-о-о! Поехали! – сразу воскликнула Ини.

Возможно, она опасалась, что её с подругой станут приглашать в какой-нибудь загородный особняк. Секса подруги не боялись, может быть, даже к нему стремились. Вот только в каком-либо укромном месте существовала опасность напороться на оргию и даже, может быть, на маньяков! Поэтому в первый вечер знакомства побывать в публичном месте было очень даже органично...

Рэд лихо подрулил к комплексу Экранного двора и удачно запарковал кар в тёмном месте за какими-то нелепыми постройками явно хозяйственного назначения. Его одолевали разные сюрреалистические мысли. Он уже думал, как самобытный философ: "Странно себя ведут девчонки в здешних местах. Их уговорить, кажется, можно даже на хоровод. Какие-то податливые, как куры на птицеферме. Никакого спорта в этих упражнениях не вижу". Он не ведал, что вся молодёжь попала под программу правителей "Об улучшении демографии в Порту". Косвенным следствием этого стала такая сексуальная податливость девушек. Мужчины же, напротив, не чувствуя сопротивления со стороны противоположного пола, стали сексуально менее активными. Стал даже быстро развиваться однополый секс среди мужчин. Мужчину мужчине уговорить "на акт" было сложнее, поэтому это сопротивление разжигало охотников. Правители из Руди подумывали, не применить ли репрессии против гомосексуалистов? Этой категории граждан развелось в Порту, как тараканов за печкой, и они всё активнее заявляли свои права. Причём, гомосексуалистами принято считать как особей мужского пола, так и женского, но в этой части прослеживалась аномалия – педики превалировали над лесбиянками с существенным отрывом. Может, человек – он ощущения оценивает на вкус, языком, так сказать, удовольствие меряется? А значит, в одном случае секс был вкуснее!

Пока так думал Рэд, Арс сходил с девчонками в лишь им ведомый лабаз и накупил им Эрария разных сортов, причём самого дорогого. От такой щедрости те перестали экономить и впилась в соски сосудов, вдыхая вожделенную пену. Их на глазах стало развозить, и Арс устремил их всех в один из модулей огромного Экранного двора. Там показывали что-то связанное с сексом. Смотрящие всю эту вакханалию невольно становились участниками оргий. Через три минуты просмотра Рэд явственно почувствовал, как его эмоции начали вставать! Он нащупал наугад Анн и предложил ей

сходить в автомобиль, расслабиться. Та сама потянула сама его к выходу, и он еле поспевал за ней. Кар был довольно-таки замаскирован на местности, поэтому Анн перед актом сумела ещё исполнить в довольно таки компактной кабине какой-то танец с раздеванием в позиции "космонавт на старте". Рэд стал удовлетворять её со всей степенью разврата, каким владел. Он страстно желал, что бы после анального секса она поцеловала его конька, но она этого самого анального секса не позволяла. Это был единственный вариант, который они не отведали в тесной кабинке кара. Анн успела научить Рэда паре-тройке приёмчиков, ранее ему не ведомых. Но он, как истинный мужчина, сделал вид, что он этим владеет как бог Эрос, это ему не в первой! Когда раскачивание кара закончилось и амортизаторы успокоились, Анн стала канючить, что она хочет домой. Может, ей захотелось спать после секса, может захотелось под душ, и Рэд пошёл в Экранный двор и доложил Арсу, что они уезжают. Думая, что что-то случилось, Арс и Инн тоже поехали с ними. По дороге Арс, пребывая со слегка спавшим чувством тревоги, попросил завести его в Управление флота. У него всегда любое возбуждение переходило в излияние "в работу". Он сказал Рэду:

– Узнаю, что там нового, что изменилось!

– Ты что, по видео переговорному узнать не можешь? – почти раздражённо спросил Рэд.

– Я уже по видео поговорил, но вживую сведения будут точные, нельзя кое что передавать дистанционно!

– Ну, как знаешь!

Арс вышел возле проходного терминала порта, а Рэд с девчонками поехали далее. Анн все время клонило ко сну, и она непрерывно просила завести её домой. Наконец, она попросила остановить кар в каком-то жилом квартале и покинула экипаж. Инн осталась с Рэдом. Он спросил её:

– Ты разве не вместе с Анн живёшь?

– Нет, я живу в другом квартале! – сказав это, Инн прижалась щекой к плечу Рэда.

Он сразу нашёлся, что спросить:

– А возле твоего дома есть укромное местечко?

– Можем зайти ко мне домой, чай попить! – сразу ответила Инн.

– Нет, – категорически ответил Рэд, он, почему-то панически боялся всяких родственников, знакомств с мамой, прихода мужа... Для мужа Инн была слишком молода, а про маму ничего не говорила. Однако Рэд опасливо продолжил, – Посидим в каре, поболтаем, а-а-?

– Ну, есть возле моего дома заброшенный стадион, – живо ответила девушка, видимо не раз посещавшая это спортивное место.

Когда подъехали к стадиону, она безошибочно указала подходящее место парковки. После недолгих поцелуев они живо перешли к делу, что представляло "карусель", выполненную с тем же темпом, что и с Анн. Рэд, быстро терявший силы, отдавши их подруге час тому назад, подумал:

– Возбудителя какого они обожрались вместе, что ли?

Инн стала просить у него возможность связаться с ним в другой раз. Рэд назвал первый пришедший в голову код видеодифона. Он сказал при этом, что его трудно застать на месте, а код мобильной безаппаратной связи он дать не может, так как он работает в секретной государственной фирме и все звонки его контролируют службы государственной безопасности!

– Наверно, женат! – подумала девушка и о коде мобильной связи не стала допытываться.

Расстались они столь же стремительно, как и познакомились. Инн оставила Рэду чип, на котором, как она сказала, записаны все её фотографии и контакты.

– Этот микрофильм, – сказала она, – я сделала для модельного агентства. Если вспомнишь меня, – позвони!

– Ладно, ладно! – успокоил её Рэд и отъехав некоторую дистанцию выкинул чип в мусороприёмник.

Дома его ждал Арс. Рэд стал его тормошить:

– Ну, ты чего не стал девок кувыркать? Я же тебе всё подготовил!

Арс болезненно поморщившись, дал понять, что ему эти разговоры не интересны. Он сказал:

– Плохие известия. Тебе, хотя и выдали временную лицензию на выход в море, в Управлении дали дополнительное распоряжение, чтоб ты прошёл краткие курсы по глобальному праву.

– Так я же проходил?

– Это ты сдавал морское право, а теперь надо глобальное.

– Сколько это можно! – воскликнул вмиг сдвигшийся Рэд, – морское, не морское! Мы же вообще по морям не ходим, только в океаны!

– Ну извини, так назвали, – отшучивался Арс, – наверное, так назвали, что вода солёная и в океане, и в море!

– Моча – она тоже солёная!

– Прекращай мерзкие высказывания! – резко оборвал его Арс. – Сам видишь, что законов ты не знаешь, а значит соблюдать их не можешь надлежащим образом! Там с тобой поработает ещё психолог, я уже договорился. Это поможет тебе мозги прочистить! Ты что, не понимаешь, что полголовы у тебя всё ещё на Земле?! Так дело не пойдёт! По твоим правилам никто жить не будет. Тем более, ты претендуешь получить, в конечном итоге, лицензию судоводителя. Не скрою, я об этом тоже мечтаю, поэтому стараюсь изо всех сил ради нашей общей мечты!

– Ну, я же ничего, учиться так учиться! Я что, я не против! – понурил голову Рэд.

– Ты не переживай, курсы ускоренные. Всё пойдёт тебе на пользу. Законы знать необходимо. Всё равно фэн пока на профилактике. Пока ты курсы закончишь, его уже подготовят к выходу в море.

– Там поломка какая-то, сложное что-то? – сразу забеспокоился Рэд.

– Нет. Просто после буксировки надо переоснастить всю ваерную систему. Подремонтировать лебёдки. Что-то там ещё со шлюзами для дисколётов. В общем, по мелочам, но много набирается. Все канаты перепутаны, надо весь такелаж менять, проверять!

– Ну ладно. Когда на курсы ехать?

– Это не курсы, я договорился, чтобы с тобой занимались индивидуально. Кстати, твой преподаватель и есть психолог.

– Ладно. Только у меня два последних, вопроса. Не стукач ли этот психолог и чего это со мной так нянчатся?

– Так, про стукача. Здесь, в принципе, все стукачи, в какой-то мере и я. Тоже докладные пишу, если это требует служба. А с тобой не нянчатся, а готовят судоводителя, возможно на смену мне. По моей же рекомендации, – и предвосхищая возражения Рэда, Арс сказал, – это я такой план придумал. Я у тебя какое-то время побуду замом, понаставничаю, так сказать. Возьмешь?

– Возьму, но лишь рано ещё говорить. Курочка в гнезде...

– Главное, ты учись. Учись, сколько есть сил. Всё, что выучишь – всегда, когда-нибудь в жизни пригодится. Давай, ложимся спать. Завтра рано вставать. Этот хрыч Вас требует глаз да глаз. То лишнего чего на корабль притащит, то стырит что-нибудь. У него дома, наверное, полкорабля собрать можно, а он всё тащит. Прямо со склада – домой!

– А как же проходная, электронный контроль? И зачем ему дома запчасти?

– Что ему проходная? Он рассказывает, когда жил на Земле – сидел срок на зоне. Так там чай-сушняк через вахту в мошонке таскал. Замотает в кожу мошонки и ни один контролёр найти не может! А запасные части, говорит, что вдруг понадобится на фэне, а у него есть! Врёт всё. Ещё ничего не принёс из дома. Сидит как Кощей на сокровищах. Привычка у него. Несун советский.

– Так Вас в прошлой жизни отсидел срок?!

– Да-а! Серьёзный срок сидел на зоне в Бодайбо, со строгим режимом. Там произошёл случай, как говорит Вас, "зехер". Блатные разморозили зону. Вас ушёл в побег. Записали в его деле потом, что он сгинул в бурятских сопках. А он оказался здесь. Талантливый стармех. Судно балластирует как бог! Лишь прёт всё с флота. Ничего. Когда помрёт, всё вернут назад.

– Так, выходит, вы ведёте разговоры про прошлую жизнь?!

– Никто никаких разговоров не ведёт! Это мне справки кадровики дают, чтобы командир знал, с кем имеет дело. Ну ладно, спи давай. Ученик!

– Слушай, Арс, есть же много Руди, родившихся здесь, коренных, так сказать. Что-то я их не встречаю. Все какие-то "из бывших"?

– Встречаешь, но не замечаешь. Например, Инн и Анн были типично местными жителями. Да мало ли! Это и есть большой, весьма большой и основной процент коренных жителей. Моя жена, дети, наконец. Также все шаромыжники, которых ты встречал на рыбалке. Просто на флот и другие опасные места набирают, в основном, из телепортированных. Вернее, их подбирают ещё на Земле и телепортируют. На такие должности местные не годятся. Характер слабый, отвага не та. Для этого дух крепкий необходим, здесь такой не куётся! Коренные местные жители – они сидят во всяких комитетах, подкомитетах и всяких бюро. Руководят, другими словами. А индукторы, волноводы для передачи энергии, откачку и переработку планктона и всё другое, важное, обслуживают маргиналы. Мы, в общем. Спи давай! А то будешь завтра дремать на занятиях.

Утром проснулись рано. Как попало позавтракали. Ещё по утрам Арс любил пространно разглагольствовать про гимнастику. Никогда её не делал, а только говорил, что со следующего утра займётся, как пить дать! И начинал рассказывать про новую методику, которую ему поведал очередной такой же, как и он, гимнаст. Под эти рассказы – как легко делать гимнастику, лёжа в кровати – они доехали до Управления Флота. Рэд явился в предписанный кабинет. Там его ждал высокий мужчина с интеллектуальным приветливым лицом. Он просто представился:

– Гел, инструктор по юриспруденции!

Рэд представился в ответ и сразу завалил Гела вопросами, которые возникли у него вследствие вчерашнего последнего разговора с братом:

– Вот, я тут подумал, – неуклюже начал Рэд, понимая, что он задает не совсем корректный вопрос, – выходит, что страны нет. Руди живут городами, как в Древнем Мире?

– Я тебя понимаю, ты всё сравниваешь с Наземным миром. Хорошо, условились, пока будем строить беседу так, как тебе удобно. Да, стран, в твоём понимании нет. А зачем они? – и сам себе Гел ответил на свой вопрос, – Государство надо охранять, поддерживать малоимущие народы, содержать погранотряды, длинные коммуникации и другие неудобства. А здесь собрались Руди, которые являются единомышленниками, производят товары, им подвластными технологиями и торгуют с соседними городами.

– А место, где стоят индукторы?

– Так это так называемая метрополия. Это ничейные территории, под юрисдикцией Руди.

– А если вас захватят?

– Перестань говорить некорректные вещи! Уже давно никто никого не захватывает. Зачем? – Гел применял любимый приём, задавать сам себе вопросы и сам на них отвечать, – Захваченных Руди, или любых других захваченных, надо ещё заставить работать. Работа – это волеизъявление личности. А так что? Захватишь – потом их кормить надо! Жильё строить им, одевать, лечить, учить и так далее. Руди нельзя закрепостить. Это в Верхнем Мире когда-то Борис Годунов придумал закрепостить крестьян. Потом сотни лет это расхлёбывали и всё расхлебать не могут! Владение большими территориями – это проявление амбиций императоров. У вас это Александр Великий, Македонский, придумал в трёхсотом году до вашей эры. У него идея была – владеть всем Миром. С тех пор дурная мода и пошла, а дурная мода заразительна! А территории не нужны. Вот, допустим, живёшь ты в доме сто метров площадью. И зачем тебе дом в сто тысяч квадратов? Одни заботы! Сто квадратов – и то много. Убирать надо, отапливать, налоги платить и так далее.

– Ну, а допустим, в лес погулять?

– Лес общий. Иди и гуляй, хоть заблудись. Даже в соседнем городе можешь погулять в парке. Никто ничего тебе не скажет! Вот ты ездил в другой город, там тебе запрещали гулять?

– Нет, наоборот, очень гостеприимно было и доброжелательно.

– Ну, вот! Зачем их завоёвывать? Иди и гуляй!

– Послушай, уважаемый Гел! А у нас уже занятия начались, или мы просто беседуем?

– Конечно, начались, поэтому мы и беседуем! Наши занятия состоят из двух частей. Каких – сам потом поймёшь. Только цель у этих двух частей одна – помочь тебе преодолеть связь с прошлым. В противном случае, ты будешь вынужден лечь в клинику для телепортированных, где тебе электронно-медикаментозно воспоминания удалят!

– Почему это плохо? Чем мне это грозит?

– Ты будешь, после такой терапии как зомби. Почти как зомби.

– Кто такие зомби? – вдруг спросил Рэд. Он сразу начал в своей памяти искать

зомби среди новых знакомых.

– О, господи! – Гел закатил глаза, показывая, что его обескураживает такое невежество, – Зомби – это человек с повадками робота. Их делают на Больших Сейшельских островах, ну, ещё на Гаити. Обкуривают жертву тетродоксином. Тот вначале впадает в летаргию. Потом его колдун оживляет и тот начинает выполнять команды хозяина. Пашет, допустим, или стирает бельё. В зависимости, на какой труд дефицит рабсилы, а платить много не хотят. Вот у вас, в наземном мире, при Сталине и других большевиках зомбировали народ химреагентом "водка". Те пахали как заведённые за кружку крупы для еды. Им при этом втирали разную пропаганду о "светлом будущем". Но это зомби большого, планетарного масштаба. А так зомби – это индивидуальное искусство!

– Я знаю! – на всякий случай воскликнул Рэд, – Мне-то, что от этого – плохо?

– Ты что, совсем не понимаешь? Сделают тебе лоботомию без вскрытия черепа, разным там способом гри-гри...

– Каким, каким?

– Это неважно! Мы будем заниматься, или перерыв?

– Будем! Что делать?

– Задавай вопросы, любые. Которые тебя мучают, в первую очередь, это поможет тебе избавиться от твоих воспоминаний!

– Откуда взялись Посвященные?

– О, господи! Я говорю, спрашивай то, что тебя мучает!

– Откуда взялись Посвященные?

– Ну, хорошо, – смирился Гел, – только ты об этом распространять сведения не должен, не можешь! Это в обществе не приветствуется. Эту тему в разговорах не затрагивают никогда!

– Это почему же? – Рэд наслаждался, что можно спрашивать всё подряд и на него почти не шикают

– Вот, к примеру, все Руди и ты тоже, занимаются мастурбацией, но никто об этом не говорит! Не принято в обществе.

Гел понял, что он срубил Рэда – тот стушевался и покраснел. Но через долю мгновения он оправился и спросил:

– Так откуда взялись Посвящённые?

– Хорошо. Скажу. Они прилетели на Землю, вернее, их предки, много тысяч лет тому назад. Они выходцы с большой планеты, которая приближается к Земле один раз за несколько тысяч лет. Там у них что-то случилось со звездолётом и Посвящённые задержались и ассимилировались на Земле, вернее, под Землёй, но не смешались с людьми. Более того, когда Посвященные прибыли на Землю, и людей никаких не было, были одни мамонты и крокодилы, а в воде акулы и кистепёрые рыбы. Это Посвящённые людей искусственно вывели клонированием из местных земных приматов, обезьян, способом скрещивания с крысами и мышами.

– А на фиг им такие опыты?

– Им нужна была рабсила для их жизнеобеспечения. Они сначала людей клепали поштучно, только мужчин, для работы на рудниках. А потом вывели женщину, из одной части подходящего мужчины.

-Из его ребра! – иронически воскликнул Рэд, – знаем эту историю!

-Может, из ребра – не ведаю. Просто выбрали мужчину покрасивее, взяли у него секвестр ткани и клонировали особь

противоположного пола. Потом пустили дело на самотёк. Люди стали размножаться самопроизвольно, сами по себе, без вмешательства Посвященных.

– А почему людей держат на Земле, а не здесь?

– Там у них этакий садок, инкубатор. После примерно чуть больше полувека жизни человек перемещается в другое измерение. Все люди, без исключения. Никого не оставляют там! Бывает, правда, досрочно переводят в это измерение. Если индивид подошёл по каким-либо параметрам...

– Отважный, например!

– И это тоже. Храбрых забирают, делают из них звездолётчиков и других операторов отважных профессий.

– Ну, а если, к примеру... Непригодный индивид. Прокоптил на Земле полста лет, или чуть больше. А здесь не пригоден. Куда их тасуют?

– Ну-у-у! Таких много! Таких тунеядцев и бестолочей – их в другое какое-нибудь измерение. Типа к дикарям или в средние века, на галеры или в свинцовые рудники, например...

– Вдруг люди на Земле раздухарятся и жахнут какую-нибудь водородную бомбу! Океан вскипит и весь планктон сварится?

– Этого не допускают. Во-первых, на Земле контролёры-разведчики есть. Они отслеживают геополитическую обстановку. Во-вторых, человек запрограммирован на самосохранение. Не допустит никто большой катастрофы. Регулируют это дело постоянно. Подкидывают людям всякие катаклизмы, чтобы боролись и забывали о всяких амбициях. Как только лишь начинает какой-нибудь верховный правитель баловать, к примеру, захватывать страны, угрожать кому-либо действием. Этой стране – сразу проблемку кидают. Ураганы, наводнения. Раньше, в другие века пользовались биохимическими ограничителями. Чума там, холера. Потом издали конвенцию, запретили этот метод. Ещё религия здорово помогает умирять массы людей. Плохо, что правители от религии тоже в амбицию впадают. В основном, наводнениями и цунами остужают. Пожарами подпаливают зарвавшихся, чтобы напомнить о разумной мере. Или засуху напустят, для профилактики.

– Так, а зачем же Посвященные допускают голод, дети от голода гибнут?

– Здесь ничего не поделаешь! Биология мой друг, биология! Сокращением питательной базы регулируют рождаемость.

– А-а-а... Если... – начал новое приставание Рэд. Гел резко перебил его:

– Так, разминка закончена!

– Учитель, последний вопрос!

От неожиданного обращения Гел малодушно позволил последний вопрос. Рэд спросил, как ему казалось, самое важное:

– Зачем на Земле разнополярные системы и Мировые войны?

– Для продвижения прогресса, чтобы не было стагнации. Так – всё! Приступаем к твоим проблемам. Что тебя беспокоит?

– Ничего не беспокоит. Самолёт свой вспоминаю. Жалко его. Хорошая машина была!

– Тебе дадут машину получше, когда выучишься и получишь все лицензии. Что тебе тот драндулет-раздроба? – языком Рэда прошёлся Гел.

– Нет. Эти здешние машины – это как в лайнере лететь. А моя "ласточка" была как добрый старый мотоцикл. Управлять трудно. Комфорта никакого. А он как живой, добрый и отзывчивый!

– На ручку газа, что ли, отзывчивый? – иронически спросил Гел.

– Душевно отзывчивый, тебе не понять. Вы всё меряете количеством планктона и сколько индукторы энергии отобрали. Кроме этого, есть душа!

– Душа – это то, что ты есть. Вот умирает человек на Земле. Душу его в другое измерение, а оболочку на склад длительного хранения!

– Это зачем ещё, на склад? – как очухавшись, спросил Рэд.

– На случай, если детелепортировать придётся. Бывает, затеряется оболочка, всунут в подходящую, что под руку подвернётся, от бомжа какого-нибудь, и запатронят назад, на доживание. Я после

училища в этой системе работал. Насмотрелся всякого. Ну, давай дальше. По протоколу. Какие ты сны видишь наиболее часто?

Рэд не мог прийти в себя после переваривания сведений про оболочки от бомжей, видя в этом для себя угрозу. Он спросил Гела:

– А про всю эту фигню – оболочки, детелепортации – все знают?

– Конечно же, нет! Да и ты скоро забудешь. Просто тебе положено знать, как будущему командиру корабля. Это будет лежать у тебя в анналах памяти и на уровне подсознания, и ты будешь принимать правильные решения. Допустим, при столкновении с землянами.

– А такое бывает?

– Чаще, чем твоя фантазия подсказывает! Ну, давай, рассказывай, что тебе часто снится? Мама или любимая девушка?

– Не было у меня никакой девушки. Так, бл...дешки крутились разные. "На самолёте покатай!" – и так далее. А серьёзной девушки не было. Не люблю я их!

– Это почему же? – Гел принял стойку, его профессиональное "я" напряглось, он узнавал сущность своего пациента.

– Практицизм их всех обуял! Всё им бы – "гнездо свить, шубу купить, детей родить!"

– Так. А что, детей родить, это что, нехорошо?

– Хорошо, если они от любви получаются. Тогда они хорошие, справные! А зачастую их рожают по разным причинам. Только не по любви!..

– По каким причинам? – "работал" Гел.

– К примеру. Аборт сделать не успела, а похоть любит. Понесла ненароком, по пьянке. Другие – по расчёту, чтобы удержать парня. Третьи сознательно, чтобы квартиру получить. Да мало ли причин?! Все, кроме любви. Одна мне выдала "пенку": "Ты знаешь, сколько богатые люди платят, чтобы им родили ребёнка? А мы с тобой на шару смастырим. Если подумать – то сколько денег заработаем!"

Рэду уже надоел этот допрос и он стал наседавать на учителя.

– Слушай, Гел, ты мне по теме объясни, – Рэд искренне считал, что про сны и детей Гел спрашивает из личного, почти женского,

---

любопытства, – мы сейчас теоретически можем пересекаться с измерением, где я жил в юности, до этого Мира?

– Теоретически – всё может быть. Можем быть в Африке или ещё где-либо. Рассчитать траектории невозможно! Измерение – это поле. Поля находятся в постоянном движении, независимо ни от чьей воли, совершенно спонтанно! Причем они находятся в постоянном зацеплении, от чего идёт интерференция, дифракция и другие эффекты. Поэтому местами могут вспыхивать иногда объекты из других измерений. Тогда субъекты видят снежного человека, лох-несское чудище, прочие видения и отпечатки их следов. Рассчитать место сиюминутного пребывания никто не может. Даже Посвященные. Тем более, что место пребывания переменное. Теория Поля самая сложная, она охватывает всю Вселенную. Я лично её не изучал, но некоторые индивиды пытаются прогнозировать что-то. Но это всё относительно. Муха сидит на потолке и удивляется, что люди ногами только на земле могут стоять. А человек стоит в Европе и удивляется, что в это время в Америке стоят люди кверху ногами. И все вместе, и муха тоже, несутся в Космосе, вместе с Землёй с огромной скоростью. И никто, и муха тоже, это не чувствует! Так, что тебе часто снится?

– Снится, что я нахожусь в северном портовом городе. Мурманске, что ли. Ну, и всякие приключения, с этим пребыванием связанные. Девочки там... Застолья в ресторанах, в основном. Сегодня снилось, что на авто-толкучке автомобиль продавал...

Гел стал обескуражено анализировать сказанное Рэдом, особенно про авто-толкучку!

Глава 12

Таня решила с салогреем расстаться.. Вояжи на огромном "Бьюике" закончились неожиданно. До этого это огромное американское сооружение на четырёх колёсах перемещалось по Мурманску на второй передаче. А, может, и на первой, что на второй – это определил сам салогрей. Машина так ревела на высоких оборотах, двигаясь при этом двадцать километров в час, что многие прохожие полагали, если не оглядывались, что это "КрАЗ" тащит трейлер с экскаватором. В один день "Бьюик" встал, как уставший ишак, и ничто не смогло уже сдвинуть его с места, только буксировочный автомобиль. Салогрей долго таскал свою любимую машину по разным секретным гаражам, где работали подпольные автомеханики- шабашники. Те исправно брали за осмотр раненного друга салогрея по сто баксов за сеанс, но самостоятельно двигаться "Бьюик" уже не хотел. Друзья утешали салогрея. предлагали какую-то безумную комбинацию. Один второй механик с его БМРТ сказал ему:

– Я знаю тут одного навигатора из ББГЛ. Он разбил свой "Олдсмобил", тоже с коробкой автомат, в хлам! Перевернулся в Карелии. Я что говорю! – сам себя подстегивал механик, – давай от него коробку переставим тебе!

– Так с "Олдсмобила" на мой не подойдёт, по креплению!

– А мы вместе с мотором перекинем!

– А номер мотора вписан в техпаспорт мой!

– Номера перебьём, я знаю ребят, чисто делают. Даже английские буквы-цифры колотят!

Салогрей бежал к знакомым ремонтникам. Те его просвещали по этому вопросу. Подкованный теоретически салогрей прибежал к механику и вопил:

– Так крепления мотора не подойдут же!

– А мы лапы крепления переварим от твоего!

Салогрей вновь бежал консультироваться. В один из сеансов консультаций с него потребовали гонорар. Здесь его нервы не выдержали он распалился и стал предъявлять претензии, что он на консультации истратил денег больше, чем стоит гараж консультантов.

Спор зашёл далеко и салогрею накостыляли по шее, видя, что с него больше нечего взять. Побитый и несчастный, он пришёл домой жаловаться Тане на несправедливость. Таня в это время жарила на электроплитке камбалу, что не добавляла озона в убогое жилище салогрея. Почувствовав родной дух рыбьего жира, тот выпил пол-литра водки, потом подумал – и выпил ещё две пол-литры. Его развезло в прах! Салогрей был из когорты таких алкоголиков, которые, если находятся в сознании, то они могут остановиться на каком-то пределе выпитого. Но он этот барьер преодолел, как удачливый депутат на выборных гонках. Очередное его пробуждение было как в тумане. Он вышел на трассу, остановил шабаря и купил у него бутылку водки за тройную цену. С тех пор у него понёсся неукротимый запой.

Таня терпела все выходки гражданского мужа. Взбодрившись уже в пять утра, он непременно будил Таню. Ему требовался собеседник. Начинал рассказывать ей про свои прежние заслуги. Сам себе он казался, то лоцманом, то тралмейстером, то штурманом и рассказывал очередной подвиг, где он был главным героем. Позже рассказы перешли в эпос о его победах в кулачных боях моряков с портовыми докерами. Салогрей стал демонстрировать, как он нанёс решающий удар. Таня оказалась с синяком. Из-за этого фингала её предполагаемый переход на другое место жительства, который она коварно затеяла втихаря от мужа-алкоголика, пришлось отложить из-за непрезентабельного вида. Салогрей был алкоголик опытный – он спрятал сбережения в надёжном месте и доставал лишь расходную часть на один день. Когда он вырубался, Тане удавалось "снять остаток", который весь уходил на продукты. В один момент, предшествующий удару в глаз, ей удалось снять значительную сумму, на которую она и хотела ангажировать угол для жилья. Однако салогрей оказался матёрым выпивохой, он раскрыл заговор и реквизировал трофей Тани. У неё потянулась почти невыносимая жизнь. Салогрея, за опоздание к отходу судна, давно с траулера списали, и он продолжал "гудеть", Таня на снятый остаток покупала себе в утешение бисквитные тортики и этим питалась, постепенно набирая вес, который был и до тортиков не маленький. В одно хмурое утро салогрей опохмелился неудачно, не с той руки поднёс себе

стакан. Настроение у него сразу не задалось. Он навёл мутный взгляд на свою жену и сказал ей:

– Что-то ты стала сильно висложопая! Сраку отключила, висит, как стоведерный самовар! Только искры не сыплются! Считай, двенадцать кружек от рубца размером! – потом, пригубив ещё два лафитничка подряд, вынес решение, вспомнив свой последний поход в ЛТП. – Будем исправлять тебя трудотерапией!

На глаза ему попала банка с крупой. Он тщательно рассыпал крупу по полу и велел Тане её собирать.

– Так давай я её веником смету?! – нашлась Таня, не смея протестовать.

– Нет, так дело не пойдёт, давай по зёрнышку, что бы живот у тебя ушёл, от наклонов! – изобретательно обосновал свой метод муж и пригубил ещё два лафитничка.

Его потянуло ко сну, последнее время он стал очень быстро терять силы, и иногда его могло срубить со ста грамм. Таня на всякий случай смела крупу веником. Села передохнуть и оглядела своё скверное пристанище. Кроме убогой обстановки, в комнате стоял дух, который преследовал всех салогреев, даже вне их работы. Это был запах окисленного рыбьего жира. Чрево салогрея, работа которого было нарушена лавинными дозами этанола и плохим питанием, издавало громкие ветры. Это обстоятельство невыносимо усиливало смрад, стоявший в комнате. Не в силах выносить все эти отягощения, Таня собрала свой нехитрый чемодан, при этом побоявшись забрать наряды, которые яростно скупал ей салогрей в последние недели их счастливой жизни, и ушла. Правда, последний раз "сняла остаток". Свой чемоданчик она поместила в камеру хранения и подалась на улицу Траловую, где, по её сведениям, обосновался Толик на новой работе, по спасению уже дизель-электрохода. Она стояла возле Первой проходной Рыбного порта, не зная в какую сторону Траловой улицы идти, когда увидела Толю, спешащего на остановку автобуса. Призывными криками ей удалось привлечь его внимание. Он ей кратко рассказал, что контору закрыли, так как дизель-электроход спасли, гребной вал с винтом ему поставили и судно пришло в порт Мурманск. Штаб по его спасению стал ничтожным. Ещё он рассказал,

---

что на судне из всего экипажа был лишь один матрос, по фамилии Смирнов. В этом месте Таня проявила профессиональный интерес:

– Про пропавший самолёт он ничего не рассказывал?

– Нет, он вообще выглядит сумасшедшим. Улыбается и говорит всякими загадками. Его отправили на релаксацию, в психлечебницу.

– Лечить, что ли?

– Нет. Лишь обследовать будут, в общем, его сейчас в Мурманске нет!

– Жаль, а то я бы могла исполнить роль "ждушей невесты"! – невпопад сказала Таня, показывая, что она сейчас не у дел. Толя понял её отчаяние и сказал: – Я бы поучаствовал в твоей судьбе, но я уезжаю, жена ждёт, сама понимаешь! Может, тебе к Аркадию пойти? Я слышал, он сейчас на местной авто- толкучке обитает, то есть деньги зашибает. Куда ты пойдёшь? В черлидинг тебя не возьмут.

– Кто мне Аркадий? С тобой-то мы, вроде как, не чужие! – применила Таня мягкий шантаж.

– Ну, хорошо. Давай я возьму тебе билет до Москвы. Только кем я тебя устрою работать там? Я сам ещё не знаю, что буду делать...

– Да мне всё равно! Хоть в бригаду проституток пристрой, только чтобы не на морозе стоять. Где-нибудь в салоне. А я тебя бесплатно обслуживать буду!

"Совсем свихнулась девка!" – подумал про себя Толя, а вслух сказал:

– Только авиабилетов в кассе нет! Вчера мне последний взяли по брони "Тралфлота", – врал напропалую он, – поедешь поездом?

– Да поездом ещё лучше, я самолётов ужас как боюсь!

Она не знала, что от Мурманска железка идёт однопутная и тащиться придётся чуть ли не трое суток. Толя знал этот нюанс и рассчитывал в уме:

– Пусть, пока доедет на майдане, я уже буду вон где. А так, вроде я моральные обязательства выполнил, вернул – где взял!

Пока стояли в очереди за билетом в вокзальную кассу, Таня спросила Толю:

– А что ты в Мурманске не остался? Здесь же хорошо! – она, при близости Толи вспомнила, как они целыми днями заседали в ресторане, изображая "штаб по спасению". Эти воспоминания нахлобачились на скупку нарядов с салогреем и слились воедино. Прошедшие дни казались самыми счастливыми в жизни, даже счастливее, чем детство! Мытарства с запойным салогреем ей уже казались далёкими. Она лишь жалела об утраченных нарядах и вынашивала план операции, как бы перед отходом поезда нагреть в убогое жильё салогрея и реквизировать весь свой гардероб! Скуки для, а так же от убеждения, что её наряды страдают в обществе подонка!

Толя рассказал ей расклад о его вероятных возможностях в Мурманске:

– Единственное, что мне предложили, это работать на "размагничивающем устройстве".

– Это что за аппарат? – в голове Тани сразу стали мелькать сексуальные картинки с извращениями.

– Нет, ты не так поняла! Это такое огромное устройство с электромагнитами переменного тока. В этот аппарат вталкивают буксирами траулер. И его корпус размагничивается, чтобы моряки головными болями не страдали во время рейса.

– И что, в этот электромагнит целый траулер входит?

– Представь себе! Кроме БАТа.

– Что за БАТ?

– Большой автономный траулер. Но, – продолжил Толя повествование, – я не пошёл на этот аппарат работать. Мало там остатки волос вылезут, так ещё член совсем стоять не будет! Такие там электромагнитные волны!

– Да-а-а! – Сочувственно протянула Таня, – и сразу завопила, увидев женщину, которая хотела влезть без очереди впереди них. – Девушка, вас здесь не стояло!

– Я инвалид! – кричала та, размахивая какой-то грязными корочками.

– Вот и иди в кассу для инвалидов, – резонно воскликнул Толя, – а то ты у меня настоящим инвалидом станешь!

Очередь сзади одобрительно загудела в поддержку Тани. Ей стало совсем хорошо. Бабка куда-то скрылась, незаметно, как и возникла. Когда купили билет, Толя сводил Таню в столовую, которая располагалась напротив вокзала, в таинственном по архитектуре здании, на втором этаже. Над входной дверью здания, ещё довоенной постройки, было выложено кирпичом таинственное слово "Торгсин". Там в столовой, поедая "треску с соусом польски", он объяснил Тане, как она сядет в поезд, как взять бельё у проводницы. Слушая инструкции своего бывшего начальника, Таня поняла, что она видит его в последний раз! Ей на глаза навернулись слёзы. Её преследовали самые лучшие воспоминания жизни, как они сидели целый день в ресторане, а Аркадий завирально рассказывал им разные варианты проектов, как обнаружить в эфире позывные пропавшего лётчика, имя которого Таня уже не помнила...

Аркадий в это время сидел в чужом "Жигуле" на авто-толкучке и ждал сразу двух okazji. Первая и основная была в том, что Бриттов сводил его и познакомил с главным редактором газетёнки, которая, во-первых, была частной, а, во-вторых, учредители её были в Санкт-Петербурге. Главный редактор обещал взять Аркадия в штат журналистом, но для этого надо было согласие учредителей. Вот это согласие и ждал Аркадий. Второе – это он ждал, когда набегит надёжный, верный покупатель. День недели был рабочий, по авто-толкучке даже зевак ходило мало, не то, что покупателей. Только Аркадию ничего не оставалось делать, как сидеть и ждать. Проходил мимо один якобы покупатель. Это был этакий взрослый мальчик. Он подходил ко всем более-менее хорошо покрашенным, блестящим автомашинам и спрашивал недавно выученными терминами:

– Гидроусилитель, климат-контроль есть? – невзирая на ответ, опять задавал вопросы, – АБС, вебасто, курсовая устойчивость?

После отрицательных ответов он переходил к следующей машине. Особенно он радовался, когда хозяин машины спрашивал:

– А что это такое?

– "Взрослый мальчик", подавляя улыбку, радостно докладывал значение терминов, всё, что узнал из недавно прочитанных журналов.

Приметливый на лица Аркадий просёк этого знатока давно. Тот ходил по рынку уже много дней и всех допытывал о наличии подушек безопасности и прочей атрибутики. Наконец он подошёл к Аркадию и спросил:

– Стеклоподъёмники, центральный замок есть?

– А тебе-то зачем?

"Взрослый мальчик" покраснел и ответил неожиданно: – Хочется же знать!

– Деньги-то у тебя есть? – участливо спросил Аркадий с издёвкой.

– Ну-у... есть! Будут, если машина понравится!

Аркадий наставительно ему сказал:

– Я спрашиваю, на автобус, на билет на обратную дорогу у тебя деньги есть? Взрослый мальчик понял, что его раскрыли, что он на толкучку ходит ради забавы, покраснел, убежал и больше на авто-толкучке его Аркадий никогда не видел.

Стало опять скучно. Остаток дня даже таких покупателей не было. Делать было больше нечего. Хозяин "Жигуля" был скалдырник умопомрачительный! Каждый день Аркадий был обязан ставить "Жигуль" в гараж, сразу после закрытия авто-толкучки, где-то часа в три дня. Потом относить ключи до утра хозяину домой. Положительное в этом случае было то, что хозяин кормил его обедом, изображая радушного хозяина. Еда, правда, была однообразная, в основном уха и варёная рыба. Как сообразил Аркаша, рыбу хозяин тырил где-то на причале, где стоял его траулер. Поэтому он так обильно потчевал работника рыбой. Рыба была, в основном, скумбрия, но крупная и жирная. Запах у скумбрии всегда специфический, Аркадию казалось, что она пахнет каким-то лекарством. Он про себя причитал: "Что за город такой вонючий!" – от бессилия потреблять дальше рыбное меню.

Хозяин при очередном прощании сулил:

– Вот завтра хозяйка запечёт (забланширует, сделает пряного посола) скумбрию! Также он сулил, что кто-то обещал ему палтус, или клыкач. Когда Аркадий приходил завтра, то в меню была всё та же уха, из той же скумбрии. Бензин в бак хозяин заливал сам, на въезд

на авто-толкучку денег тоже давал в обрез. Аркадий пробовал шельмовать и сказал, что его оштрафовал гаишник, на что хозяин сказал:

– Это твои проблемы!

– Но двести долларов за такую работу мало!

– А какая работа? Ты ещё ничего не выполнил, только катаешься и жжешь бензин!

Аркадий понимал, что машина не продаётся потому, что нет люфта цен.

Покупатели, которые, вроде бы, хотели купить, пытались сбить цену. Но Аркадий понимал, что эта скидка и будет его заработок. Тогда он поднял первоначальную цену на триста долларов. Вечером хозяин закатил истерику:

– Ты хочешь получить себе сверхприбыль, вот машина и не продаётся, а я терплю убыток на бензине! Тебе наверное, нравится бесплатная кормежка, вот ты и тянешь время!

– Так как же я без вас деньги получу? Вы же велели вас звать при продаже! Я хотел, чтобы на торг был зазор, вот и поднял!

– "Вот и поднял"! – ёрничал хозяин, передразнивая интонациями Аркадия, – поднял, а я терплю убытки на бензине, тебя кормлю!

"Откуда он узнал про цену?" – думал Аркаша, – видимо лазутчиков подсылает, боится, что я уеду на материк с концами на его "раздробе"!

Тут пошло перемирие, поели ухи, от которой Аркашу давно тошнило. Идти ему было совершенно не к кому. Бриттов, с которым у него неожиданно завязалась нешуточная дружба, жил в Североморске, куда у него не было пропуска. Устроил он Аркашу жить у матери своего дружка. Старуха была серьёзно головой подвинутая, видимо на почве смерти своего мужа. Она всё время рассказывала про то, как она счастливо жила со своим "Алексеичем", мужем, который умер уже лет пятнадцать или двадцать тому назад. Старуха, как белый медведь караулит нерпу, так же караулила своего постояльца Аркадия, когда он придёт спать. Тот, что бы оттянуть начало randevу часто даже просто сидел на железнодорожном вокзале в зале ожидания. Благо, что вокзал находился в центре города и не

наступили ещё те времена, когда на вокзал впускают охранники. Самое изнурительное в бдениях бабки было шоу с просмотром альбомов с фотографиями. К приходу Аркадия она раскладывала их по тематике и заставляла его смотреть эти пожелтевшие чёрно-белые фотки. Много было снимков с похорон каких-то родственников. Натуралистические изображения, как те возлежат в гробу, навевало дурные сновидения и головную боль. Бабка от этого морального мазохизма кайфовала и как бонус за утраченные нервы кормила Аркашу пирожками. Пирожки были пряные, не кислые, суховатые и с неважнецкой начинкой. Часто с голода, заглотив большие куски, как баклан, боящийся конкурентов, жертва бабкиных просмотров фото начинала икать. Попить ему удавалось лишь воды из-под крана, остро пахнувшей железом. От этого вода казалась кисловатой на вкус. Такая житуха начинала Аркадия злобно угнетать. Ещё его гнобило одно немаловажное обстоятельство. Когда Главный редактор спросил его об его образовании, тот, видя, что надо идти "ва-банк", дерзко ответил, что имеет диплом журналиста. Главный вкрадчиво спросил:

– Какое же вы учебное заведение окончили?

Аркадий дерзко, наугад, как алкоголик при последней попытке добыть опохмелиться, выкрикнул, почти вслепую:

– Свердловский университет, факультет журналистики! – его заявление основывалось на предположении, – должен же быть на Урале университет, а ежели есть университет – то там наверняка факультет журналистики!

Главный опять же вкрадчиво сказал:

– Знавал я там замдекана. Сидоров Иван Петрович. Не слышали ли про такого?

– Нет, не слышал! – уверенно прокричал Аркадий, – у нас замдекане (он намеренно искажил слово, что бы подчеркнуть, что он корифей этого факультета) часто менялись! – его уверенность на пятьдесят процентов основывалась, что Главный редактор "берёт его на прихват".

– Так вы дипломчик занесите мимоходом, чтобы я важных людей не зря беспокоил. Вдруг они спросят! – вкрадчиво попросил Главный. Его опасения зиждились на предположении, которое он

проговорил лишь "про себя": уж очень он не похож на нашего брата-журналиста, недоразвитый он для этого дела!

– Всенепременно! – проорал Аркадий. – Только он дома, я ехал в моряки наниматься, хотел материал для книжки подсобрать. Но я мамане напишу, пусть срочно вышлет мой диплом по почте!

– Да уж, отпишите! – опять вкрадчиво сказал Главный, – а что же не стали собирать материал?

– Здоровье подвело! – брякнул первое, что пришло в голову, Аркадий, не поосторожничай, что со здоровьем шутить нельзя!

– Здоровье, оно дело такое! – философски закончил Главный. – Ну, до встречи!

– До скорого свидания!

Теперь, проснувшись утром, Аркадий первым делом звонил Главному редактору, чтобы подчеркнуть, что он рано встаёт и человек работоспособный и заодно справиться об ответе учредителей. Он получал ответ, что положительного ответа всё ещё нет, но надежда всё ещё есть! Съедал остатки бабкиных пирожков и мчался к хозяину "Жигуля" за ключами. Если бы не это занятие с продажей машины, он бы не знал вовсе, что ему делать. Неожиданно фортуна "прорвало". Фортуна она, как и беда, ходит косяком. Приехал Бриттов с ходовых испытаний! Они сходили с Аркадием в ресторан, а потом и в кабинет Главного редактора газетёнки. Главный редактор чем-то "торчал" Бриттову, и вмиг принял Аркадия в штат, но при этом не преминул спросить:

– Так, а дипломчик-то когда занесёте?

– Мама его выслала, но он где-то затерялся на почте. Почта у нас знаете какая?! Порядка нет, а старушка не сообразила письмо отправить ценное...

– Да уж, порядка теперь нет! – воскликнул Главный. – Вы уж дубликат закажите, вам самому пригодится в жизни!

– Закажу! Уже заказал! – радостно сообщил Аркадий о виртуальных действиях с мнимым дипломом.

Дальше события пошли ещё гуще. Вначале Аркадий хотел написать заметку про авто-толкучку. Его идея была такова. На

толкучке действовала система, что когда продавец продаёт автомобиль, то он отдаёт рэкетирам сто долларов. Это, если он "свой". А если "залётный", то могли взять и пятьсот. Для остроты статьи не хватала казусного деяния, но на счастье, он вспомнил! Был такой случай. Два белоруса пригнали две машины. Им подручный главного рэкетира, по кличке Матрос, объявил, что с них пятьсот. Он был со страшного похмелья, выражался невнятно и не уточнил, что пятьсот, это после сделки, с барышей и с обоих. Вид Матроса был такой свирепый и непохмелённый, что белорусы без звука отдали ему по пятьсот сразу и скрылись из города. Их машин больше никто не видел. Матрос от такой удачи устроил страшную попойку, избил в ресторане посетителя и попал в тюрьму на второй срок. Главный рэкетир пока ещё не подобрал себе нового свирепого подручного. Аркаше потому было не страшно, и он решил описать в своём репортаже про порядки на толкучке. Он поведал о своих планах "вкрадчивому" Главному. Тот выждав паузу и дипломатично изрёк:

– Эдак получится, что мы им маркетинговую раскрутку бесплатно устроим! За такие раскрутки, с объявлением цены услуг, чтобы все желающие продать машину знали тарифы, знаешь, какие деньги берут?!

– Вот, вот!!! Я лично знаком с главным рэкетиром, завтра же объявлю ему ваш тариф, называйте! – Аркадию, подсказка Главного только что родила эту идею. Он ликовал!

– Прыткий шелишпёр! Может, он "засланный казачок"? – подумал Редактор, а вслух сказал, – Ну, ну, ну! Это я к примеру! Мы такими маркетингами принципиально не занимаемся, мы за чистую демократию! – пафосно продолжил он.

И тут же сочинил Аркадию невыполнимое задание, с условием, что это испытательный тест для его приёма на работу на постоянной основе. Если испытуемый с ним не справится, то... и он с металлом и горечью в голосе изрёк:

– ...Тогда, к сожалению, нам придётся расстаться! Каким бы вы товарищем Бриттову не являлись!

Главный выписал Аркадию удостоверение сотрудника редакции и командировочное. Командировал он его ни много ни мало – на лодку Бриттова. Времена в ту пору были удивительные и на АПЛ,

бывало, даже родственники пикники закатывали, чтобы быть ближе с родным подводником. С этим командировочным удостоверением Аркадий попал в штаб Подводного Флота и стал требовать, чтобы его на лодке Бриттова направили в рейс. На его счастье он вёл беседу с каким-то канцелярским мичманом, выше его не допустили, и тот, оттачивая свою фантазию, посоветовал ему ценный ход:

– Вот если бы вас от "Красной звезды" командировали, тогда бы вероятность была бы!

С тех пор Аркадий стал часто рассматривать свою бумажку, где его командировала газета "Мурманский Моряк", и мечтать: "Как бы исправить "Мурманский Моряк", на "Красную Звезду"?"

По причине, что Редактор ему в авансе и командировочных жёстко отказал, Аркадий продолжал вояжи на "Жигуле" на толкучку, дабы не околеть с голода. Делал он это, скорее, из-за инерции движения по привычной колее. Видимо, хозяин "Жигуля" тоже продолжал двигаться по колее и у них образовался, вроде как, миниклуб автопродавцов. Этаким тандем автобарышников. Они встречались по утрам, обсуждали тезисы, типа "наступит весна и покупатель пойдёт!" – и другие, такого же рода.

Аркадий, заимев место социальной принадлежности и корочки журналиста, перестал опасаться хозяина "Жигуля". Он дерзко брал у того деньги на въезд на толкучку. Более того, из-за собственной лени ездить на АЗС, хозяин стал давать ему деньги на самостоятельную заправку бензином. Теперь, не появляясь на авто-толкучке, Аркадий барражировал по городу на этой машине, яростно изображая из себя журналиста. Он познакомился, на почве поиска человека, владеющего компьютером, с каким-то доморощенным хакером Гошей. Вообще-то, того звали Игорь, но позывные в Интернете у того были "Гоша", поэтому его все так и звали. Аркадий изложил ему свою проблему про необходимость командировки на флот от "Красной Звезды". Эта безумная идея очень возбудила Гошу и тот стал, брызгая закипающей в углах его рта слюной, излагать Аркаше про возможности современной компьютерной графики. Он вопил про программы "корел-дро", "акробат" и про сканирование на "прозрачку". Как квинтэссенция результатов совместных опытов Аркадия осенила простая до гениальности идея. Он сделал ксерокс командировочного

удостоверения, выданного Редактором, вырезал из него печать, на этом отпечатке участками вымарал белой замазкой название газеты и пририсовал кое где буквы, чтобы было похоже на "Красная Звезда". Потом Гоша напечатал ему другой текст командировочного удостоверения, Аркаша на него приклеил новую печать и опять всё отксерил. Получилась грубая, но правдоподобная подделка. Вроде как деньги на ксероксе печатают, такого же типа. С этой липой он прибежал в Штаб Флота и тотчас был представлен командиру Бриттову, который делал огромные удивлённые глаза, не выдавая своего товарища при этом.

Редактор газеты, в которой подвизался Аркадий, на заявление, что тот уходит в рейс на АПЛ отреагировал, как на очередную фантазию сотрудника. Он подумал про себя: "Возможно, он творческий человек. Хорошо фантазирует. Да и "Жигуль" где-то выпросил. Неординарная личность!" – на словах же произнёс:

– Я вам желаю счастливого плавания, семь футов вам, как говорится!

С этим напутствием, получив законный пропуск, Аркадий оказался на борту АПЛ Бриттова. Тот основанием для пребывания "корреспондента" принял направление из Штаба, "снельсонил", как говорится. Это событие всколыхнуло эмоции друзей командира. Никаких новых событий на АПЛ давно не было. А здесь – такой "чертополох" Аркадий образовался! Второй штурман сразу налил из запасов, всегда имевшихся на борту, три чайника красного вина, и комсостав, под видом первичного интервью, отпраздновал это событие в кают-компании. Аркадий всем пришёлся по душе своим оптимистичным нравом. Сам он, устав от скитаний и придавленный мемуарами бабки (с иллюстрациями в виде фотографий покойников), был неслыханно весел и резв. Он отъелся на камбузе у кока кусками варёной говядины, которые тот вылавливал из варочного котла перед приготовлением борща. Для остроты, вприкуску, кок дал ему огромный кусок пошехонского сыра. Всего было много, особенно воблы, которую Аркадий очень любил. Он посулил коку, что именно о нём он и напишет наиболее героические эпизоды. Тот, растрогавшись, стал резать ему куски сыра ещё крупнее, открыл баночку тресковой печени и велел приходить в любое время! Насолонившись сыром и воблой у кока, Аркадий совсем повеселел,

пил в каюте капитана прекрасный зелёный чай, заваренный из заветной жестяной баночки, вёл умные беседы с Бриттовым.

В этот момент радист принёс шифровку, в которой было сказано, что АПЛ Бриттова надлежит выйти немедленно в океан для боевого патрулирования в северной Атлантике в районе Больших Антильских островов. Все сразу на лодке забегали, стали слышаться громкие команды, матерки. Все громко и быстро. Не было в этом шуме лишь смеха, а так было всё – от ударов кувалды до проклятий какого-то "ё...аного мичмана", полного "куска", который что-то там не дал до сих пор со склада! Про Аркадия все вдруг забыли и тот, сморенный обилием углеводной пищи – печенья и конфет из "представительских" запасов Бриттова – припал на рундучок, и проснулся, когда лодка уже вышла из Кольского залива, а на траверсе был Лина Хамари. Появление Аркадия в штурманской рубке обескуражило весь комсостав. Был срочно созван совет, коллективным усилием которого решили, что в крайнем случае Аркадий заявит, что на лодку он пробрался самостоятельно, тайно. Что Аркадий пообещал сделать, истово забожившись при этом! Старший помощник Жора Азев, разумно воскликнул:

-Но как он проник? Надо же легенду правдоподобную придумать!

Первый помощник Саша легко воскликнул:

– А-а-а! Потом придумаем. По ходу дела!

На том и порешили. Когда вошли в нейтральные воды, Бриттов радировал в Штаб, что на борту обнаружен несанкционированно проникший гражданин. На что получил команду: "Продолжать движение!"

Глава 13

Благодаря лекциям Гела Рэд теперь узнал то, что интересовало его очень сильно. Он узнал, что Посвященные когда-то прилетели с другой планеты. Чтобы вернуться к себе назад им надо было ждать, когда эта планета приблизится к траектории Земли, иначе они не в силах долететь до неё. А может у них звездолёт сломался? Легкомысленный Рэд думал своим юношеским умом: "Вот бы посмотреть на него, может, я бы его освоил, подремонтировал! Интересно было бы на нём один кружочек сделать!"

С такими мыслями он шастал по разным помещениям клиники порта, в которой он проходил сеансы у доктора Гела и теперь, освободившись от занятий, удовлетворял своё любопытство. Бездумно он забрёл в укромный уголок клиники. В этой части помещения стали чаще попадаться Посвященные, которые на Рэда никакого внимания не обращали. У того был допуск на сверхсекретные объекты, в частности, в закрытые отсеки фэна. Посвященные, очевидно, сканировали этот допуск и не реагировали на появление Рэда. Посвященные были такими же безликими, как и те, что были на фэне. Очевидно, "мастей" у них не было совсем! Они все были такими же серенькими, с грушевидной головой, с лицом временами зеленоватого оттенка, широким кверху. На голове были миндалевидные, открытые, не мигающие, косо посаженные глаза. Это было единственное, что в них привлекало внимание. Всё остальное было ничем не примечательное. Рот был, как трещина. Без губ, в одну ниточку. Они его никогда не открывали, он был словно нарисован чем-то контрастным. Общались они только телепатически, с Руди в том числе. Руди, кстати, тоже мысли передавали телепатически. Рот они открывали на подсознании. Так же человек, толкая речь, жестикулирует, хотя без этих движений рук и так всё понятно! Ноздри у Посвященных были лишь обозначены дырочками, без крыльев ноздрей. Всё, кроме глаз, казалось нарисованным, по-детски, карандашом. Одежда тоже у всех была одинакова. Без всяких пуговиц, молний, кнопок и прочих застёжек. Просто одето что-то светло-стального цвета, а как – неведомо! Передвигались они плавными шагами, быстро и стремительно меняя направление. Как

речные вьюны. А может это казалось из-за их необычной лаконичной одежды?

Заглянув в какое-то круглое оконце-иллюминатор, пребывая в это время в некой камере-кладовке, напоминавшей вентиляционную комнатку, Рэд увидел, что на длинных столах рядами лежали люди! Лежали почти штабелями и казались мёртвыми. Но ощущение подсказывало, что все эти люди всё-таки живые и спят. Разные части тела людей были вскрыты, и по рядам ходил, как казалось, главный Посвященный – специалист и вставлял что-то невидимое в зияющие отверстия в телах людей. Его ассистенты споро вспарывали, предварительно, а потом зашивали раны от операции. Что зашивали, сказано в привычном смысле. Они их "закрывали" и после этого всего действия не оставалось никаких внешних, да и внутренних следов! Рэд так оторопел от увиденного, что не заметил, как рядом с ним появились два Посвященных. В руках их оружия не было и сказать, что это охранники – было невозможно. Тем паче, все Посвященные всегда походили друг на друга, что найти сходство было проще у только что вылупившихся инкубаторских цыплят! Что они были секьюрити, Рэд мог лишь предполагать. Но они спросили строго, не открывая рта:

– Кто вы и что здесь делаете?

– Я курсант, я с фэна! Я здесь для развития знаний и мышления! – невпопад понёс Рэд.

Его молча препроводили в помещение, как надо было понимать, в какой-то кабинет службы охраны. Если сказать, что там была мебель в стиле хайтек, то это будет сказано лишь в первом приближении. В кабинете почти ничего не было. До этого случая Рэд никогда не видел, что Посвященные сидят или лежат. Они просто существовали! Также он никогда не видел, чтобы они набивали что-либо на компьютере. Им они пользовались, когда хотели, что-нибудь показать Руди на мониторе. Текст и схемы просто возникали на экране, привычном для Руди. Вначале казалось, что это возникает какая-то программа. Потом Рэд понял, что Посвященные как-то мыслью набивают текст и картинки. Им же самим и экран не нужен был. Они обходились своей головой! Доставившие в кабинет, хаотично и быстро подвигавшись, исчезли. Рэд остался наедине с

таким же серенького цвета Посвященным. Из всей мебели в кабинете было лишь одно сооружение, скорее напоминавшее орудие пыток, чем мебель. Однако, серенький, не открывая рта, предложил Рэду присесть. Он подумал, что это такой обряд ареста – приседание и стал сгибать колени, и почувствовал под своим задом мягкую опору. Мысль Рэда была уже воспалена, и он решил, что это какой-то полиграф. В подсознании он был в этом уверен. Допрашивающий его с расстановкой сказал:

– Сейчас мы зададим тебе вопросы. Постарайся отвечать правдоподобно!

– Я всегда говорю правду! – воскликнул Рэд, ожививший в памяти разговоры с участковым и с главарями бандитов в его родном уездном городе.

– Почему вы находитесь здесь? – спросил серенький.

– Я здесь на консультации у доктора Гела, по вопросу оттачивания моих юридических и психологических возможностей, с целью подготовки меня как судоводителя!

Конечно, по выражению лица вопрошающего трудно было понять его реакцию. Если косвенно учитывать по количеству суетных движений, то он остался доволен и даже дал возможность Рэду удовлетвориться в части его любопытства:

– Что вы хотели узнать, что поможет вам стать судоводителем?

– Зачем вы сейчас вскрывали людей? Они живы, здоровы?

– Мы производили над этими исследуемыми научный эксперимент. Они абсолютно здоровы, иначе мы бы их не отобрали для эксперимента. Более того, – очевидно серенький прочитал вопрос Рэда, – все они дали нам разрешение, мы получили от них внятное разрешение, – акцентировал он, – на проведение этого эксперимента!

– Куда после исследований вы их денете? Они станут Руди?

– Нет. Это, фигурально выражаясь, груз для следующего рейса фэна. Вы с Арсом доставите их поближе к подходящему району. Допустим, к кратеру Чиксулуб, и мы их детелепортируем в среду их прежнего обитания!

Рэду стало спокойно. На душе у него стало хорошо. Возможно, на него, каким-то образом, воздействовали психологически, но он этого не знал. Поблагодарив и извинившись, Рэд подался домой. Арс уже ждал его. Он сказал по деловому, давая понять, что Рэд станет скоро равноправным членом экипажа:

– Фэн почти готов к погрузке. Ещё немного времени на перетяжку оснастки лебёдок и станем груз принимать! Шлюзовые отсеки для спуска дисколётов сегодня тесты прошли успешно!

– Знаю я этот груз! – загадочно произнёс Рэд и отвёл глаза от брата.

– Я вижу, ты в школе Гела много уже чего познал?!

– Да, уж не без этого! – и чтобы свести разговор в "нейтраль", Рэд спросил Арса: – Слушай, а зачем Посвященные в Космос летают? Чего отвозят?

– Понимаешь, брат, неразговорчивые они. Сам я для полётов в Космос лицензии не имею. Да, и фэн машина лидерная, для подъёма в Космос уже не пригодная. Фэну бы в Верхнем океане устоять!

– Да я не тайны у тебя выспрашиваю, – стал манипулировать Рэд, – Ты свои соображения мне скажи, как брат брату!

– Сдаётся мне, у них на Луне звездолёт есть. И база большая. А может, и ещё какие дела... Не знаю! Ты спать собираешься сегодня?

– А пожрать?

– Нечего на ночь нажираться! Утром поедим поаппетитнее, покалорийнее!

– Да я и утром аппетит не потеряю, это ты всё больше еду ковыряешь, не употребляя. Я пойду есть!

Рэд подошёл к холодильному шкафу и стал мысленно набирать себе еду. Вдруг в его памяти возникло воспоминание. Как они в детстве с пацанами купались в лесном озере, ловили в нём перловиц, пресноводных моллюсков. Потом жарили их на костре. При этом аппетит у Рэда и его друзей был зверский! Неожиданно холодильник зашебуршал и вспыхнул глазок: "Готово!"

Рэд открыл дверку, на тарелке лежали слегка обугленные какие-то моллюски, типа очищенных мидий.

– Ну и дурмашина! – с восхищением подумал Рэд, но есть не стал, а мидии вывалил вместе с тарелкой и палочками в вакуум-контейнер. Аппетит у него от этого видения пропал, и он пошёл спать вслед за Арсом. Засыпая, он подумал:

– Что за жизнь? Как у робота. Только какие-то заботы и обязанности, потом поел, поспал – и опять заботы! Никакой личной жизни. Влюбиться бы, что ли? – с этими мыслями он заснул. Дурман его снов был навеян вздорными воспоминаниями, что люди – это гомункулы, сконструированные Посвященными из приматов и мышей. Рэд был категорически не согласен с таким заявлением, вся его натура стремилась доказать обратное и он был уверен, что он докажет!

Ночью ему снился северный портовый город. Рэд плохо разбирался в них. То ли это был Мурманск, то ли Архангельск. Факт лишь, что было очень холодно, а когда он пытался укрыться в тепле, его доставала грязная старуха показом каких-то чужих фотографий, где часто были изображены покойники в гробу, оббитом кружевами. От всего этого было на душе очень муторно. Рэд за ночь просыпался два раза и пил воду, каждый раз заказывая её холодильнику то в виде сока, то шипучего напитка.

Пробуждение его и Арса было обычным. Как всегда позавтракали. Арс вновь разглагольствовал о пользе физических упражнений. Причём о пользе естественных упражнений, которые "растягивают связки" и хулил электронные аппараты для физкультуры "проку от которых нет". При этом чувствовалось, что он об этом рассуждает всю жизнь, но не приступает ни к каким упражнениям вовсе. Рэд спросил брата:

– Арс, как-то вы живёте... – и сразу поправился, – мы живём!.. Спим, едим и работаем! А когда же жить?

– А ты что, не живой?

– Я имею в виду – встречаться с друзьями, сходить с ними в театр, на концерт! – Здесь нет театра. Это на поверхности Земли театры. Театр – это пристанище для безработных актёров. Им делать нечего, они ничего не производят, вот и придумали эти театр, биржу труда, пока в кино не позовут!

– Ну, а здесь кино снимают?

– А чего его снимать? – безответственно молвил Арс, – набрал программу, там тебе и трюки и игра актёров! Это на поверхности земли, там кино это средство для отмывки денег. Сожгут фронтон из фанеры. А в смете и отчётах пишут, что строили дом в полный профиль!

– Так мы же сами возили киношников на съёмки?!

– Это другой расклад, это для документального фильма, это документ! Рэд, совсем растерялся от такого цинизма и продолжал спорить:

– А музыка, на концерты мы с тобой почему не ходим?

– Какие концерты? Это когда включают проигрыватель и разрезают рот заламывая руки? Пусть артисты споют-сыграют как следует в студии и выдадут нам запись! Вот, к примеру, художники. Они же не рисуют картины на сцене? А вроде – тоже искусство! Хотя, какое это искусство? Здесь уже давно такого нет! Позапрошрое тысячелетие! Это всё равно что на скальные рисунки создавать! Сейчас уже давно картины не рисуют!

– Ну ты и Собакевич! – возмутился Рэд.

– Какой такой Собакевич? – переспросил Арс. – Давно никто эту мазню не смотрит! Это же сплошной фальшак! Мутят чего-то, реставрируют. Потом фальшивые заключения сами себе пишут! Дурдом какой-то! Как ты определишь, какой это век? Если картину в среднем каждые пятьдесят лет переписывали, как они говорили, реставрировали. Это всё равно, что в девятнадцатом веке развалили древнюю крепость, старинную и создали замок. Теперь берут кусочек камня от замка, делают анализ и говорят, что замку пятьсот лет. Ещё бы сказали, пятьдесят миллионов лет, когда этот камень застыл из лавы!

– По твоим словам, всё не так на самом деле, как все думают?!

– Конечно! Это Посвященные принуждают так думать, а на деле всё не так! Поехали, а то мы в разговорах чёрт знает до чего дойдём!

Когда они доехали до порта, Рэд, развращённый высказываниями брата, решил прогулять занятия. Он связался с Гелом по оперативной связи и наврал ему, что его вызвали в

Управления порта. Гел, конечно, знал, что никакого вызова не было, но сделал вид, что он принимает игру:

– Вот и отлично, – откликнулся он, – у меня тоже кое-какие дела накопились! Увидимся завтра!

Рэд вспомнил свои вечерние намерения влюбиться и пошёл бродить по городу, с целью встретить любовь. Занятие это было очевидно трудным. Когда знакомишься с девушками просто с целью пообщаться, то не обращаешь особого внимания на их качества, внешние и внутренние. Просто знакомишься – и всё! Теперь всё было по-другому. С одной он познакомился быстро, отсеяв её по внешним признакам. За кофеподобным напитком в кафе она по-деловому сообщила ему, что за сопровождение, эскорт, она берёт фиксированную сумму. При этом она напирала, сообщая через фразу, что это – "без интима". Быстро расставшись с безынтимной спутницей, Рэд тут же нашёл подобную по фактуре девушку и наплёл ей, как ему самому казалось, полную околесицу. Он сказался очень важным, перспективным специалистом с важным родственником в Правительстве. Девушка весьма заинтересовалась и вертела головой как умная собачка, которая всю старается понять, что от неё хочет добиться хозяин своим менторским тоном. Рэд был в ударе и без перехода обрушил на голову "модели" тираду:

– Сейчас мне предстоит новое назначение в Министерстве. В департамент Внешних связей!

– Я вас поздравляю! Но я то при чём? – набивала себе цену "модель".

– Не надо поздравлять заранее! Это может отвернуть удачу! – каламбурил Рэд. – Проблема в том, что холостых мужчин на такую должность не берут! А я вдовец, соломенный! – добавил он невпопад.

"Модель" сразу стала набивать себе цену. Она по деловому отнеслась к предложению, приняв всё за чистую монету:

– Так. А проект брачного контракта у вас есть?

– Ну, в этом я всецело надеюсь на вас!

– Что я могу сказать?! Если это фиктивный брак, то условия будут одни. Если это всё всерьёз, с деторождением, то, конечно, брачный контракт у нас будет очень сложным!

– Я так и знал! – воскликнул вдохновенно Рэд. – Я сразу увидел в вас умную, мудрую жену. Как сказал один мудрец, первое впечатление – само правильное впечатление!

Он быстро распрощался со своей будущей женой, оставив ей код для связи, принадлежавший Гелу. Тем более, что при знакомстве с моделью он назвался его именем...

Его поспешное прощание с девушкой, с которой он уже было намеревался составить предварительный устный договор о пробах: "Вдруг мы не подходим друг другу?" – было инспирировано чувством долга и порывом приступить к трудовым обязанностям. Как раз в момент договора "о пробах" в его ушах раздался зуммер вызова Арса. Тот отрывисто сообщил, что Рэду необходимо срочно пройти очередное тестирование и срочно явиться на фэн. Рэд поспешил в Управление Порта, к уже известному ему доктору, который быстро облепил его сенсорными датчиками. Для этого Рэд просто сел в особое кресло. Когда сканирование было готово, опытный доктор вновь стал с сомнением осматривать Рэда. Все тесты он проходил на "удовлетворительно". Но что-то казалось подозрительному доктору не так! Он вновь сказал Рэду:

– Я условно выпущу тебя в океан. Но только по разовому разрешению. Мы будем ещё с тобой работать!

Эта тягомотина уже начала Рэда изнурять. Он начал подумывать: "А не устроиться ли мне каким-нибудь техником? Кораблям "хвосты заворачивать"? Или пойти во фрилансеры. Здесь, я понял, с голода никто не умирает!"

С этими мыслями он прибыл на пирс, где стоял фэн. Там кипела бурная работа. Шла погрузка, запитка и прочие оргмероприятия. Когда, наконец, вышли в океан, Рэд расположился в каюте с братом Арсом. У них потекла относительно спокойная беседа. Рэд, чтобы разговорить своего скрытного брата, начал первый:

– Куда идём?

– Чисто исследовательский рейс. Охлаждения индукторов не хватает. Посвященные не хотят понять, что установки уже выработали давно свой ресурс. Ну, выжимают из них все, что можно. Нагрев идёт страшный. Есть, конечно, у Посвященных резерв – это

полярные шапки. Арктика с Антарктикой. Остаётся лишь их пустить на охлаждение. А может, как говорит биолог Окс, все эти кракены, октопусы стали охотиться вблизи Рингов, где идёт забор воды на охлаждение. Ну, к ним, конечно, подтянулись все эти трупоеды-гоплихты и остальная тварь. Медузы там, ежи и прочая нечисть. Мутации такие пошли у морских гадов, необъяснимые. Фильтры забора воды забиваются, вот поток всасывания уменьшается. Закон Дарси, в общем. Идём сейчас в море Уэдделла, а потом в море Росса. Проверим догадки предсказателей, про мутацию морских гадов. Ну, там у Посвященных ещё какие-то свои дела!

– Знаю я эти дела! – воскликнул Рэд, который не считал нужным сдерживать эмоции в разговорах с родным братом, – зачипованных людей им надо ре-телепортировать! А почему они их не телепортируют с места?

– Это не наше дело! Это дела правительства, а ты не Че Гевара! Эти тела надо доставить ближе к кратеру Чиксулуп. Потому что это сакральное место. Большинство ре-телепортируют через Чиксулуп. Насколько я просёк это дело. И вообще! Меньше нос суй, а учи лоцию и навигацию!

– Ну ладно, закончили разговор! – быстро согласился Рэд.

Арс, напротив же, распалился и начал читать нотации Рэду менторским тоном: – Ты вначале определись, что ты хочешь! Если ты сам не будешь знать, что ты хочешь, тебе никто не поможет! Цель выбери и кончай маргиналить!

– Ты меня во всех грехах обвинил! Всех собак повесил! – слабо защищался Рэд.

– Человек должен знать, что он хочет!

– Опа-а-а! – перебил его Рэд, – вот это ты пробросился! А здесь прослушки нет, а, капитан?! Выходит, ты считаешь себя "человеком"?!

– Ну, оговорился, чего ты к словам придираешься! – начал оправдываться Арс.

Рэд же про себя думал: "Если человек оправдывается, значит он виноват!" – ему было жалко брата, что он спровоцировал его на

такую неблагоприятную реплику. Но решил ретироваться, пока "он сверху".

Арс подумал: "Молодец пацан, боец!" – и не стал сбивать брату кураж.

Рэд поспешил от нечего делать к биохимику Оксу, решил разузнать про мутации морских гадов. Окс дремал у себя в каюте, занятый просмотром последних новостей, остронаправленных ему аппаратом "в мысль". Скорость запоминания и восприятия увеличивалось в разы. Рэд боялся пользоваться услугами этого аппарата и предпочитал набираться информации традиционным способом. У них на эту тему было уже несколько споров с Оксом. Последний давил Рэда авторитетом, дескать, это совершенно безвредно и даже полезно. Направил излучатель в определённую точку мозга, аппарат сам её выберет – и всё! Ты через несколько минут уже насытился информацией.

Рэд напирал, что при таком методе подопытный, так он называл "пробавляющегося информацией", не сортирует, что ему нужно, а что не нужно! Валят ему всё подряд в голову. Так и вредную идеологию влить могут!

– То-то ты у нас высокоидейный! Тёлок потоптать, да шоу понаблюдать! Что ты, симфонию написал или поэму про любовь?

– У каждого своё назначение в жизни. Другой индивид волноводы от индукторов в Порт всю трудовую жизнь прокладывал, допустим. Так он сделал для Руди гораздо больше, чем тот, кто симфонию написал. Симфонии слушают только пидоры! – кричал распалившийся Рэд.

– Вот ты куда зашёл! Нам пока не о чем говорить!

Сейчас же Рэд, подхалимничая, стал спрашивать Окса:

– Вот ты Руди учёный, скажи мне, могут так октоптусы мутировать, что подавят Руди?

– Как подавят? – опешил Окс, – щупальцами, что ли? – Нет, я имел в виду – станут доминировать как вид!

– Эк ты куда загнул! Опять панорамное видео для простых Руди смотрел?

– Ничего я не смотрел! Сам подумал об этом!

– Зачем об этом думать?! Подключись к панорамному видео, там давно за тебя всё подумали. Смотри в удовольствие, если съ...бывает на эту порнуху! – Окс впервые выругался в присутствии Рэда, поэтому тот понял, какую он глупость сморозил.

– Да я пошутил, приколот тебе! – начал откорячиваться Рэд, – хотел узнать про октоптусов и кракенов, что атаквали планктонозаборы!

– Ничего они не атаквали! – стал горячиться Окс. – Вода в океане потеплела, вот они и мигрировали в этот район, где заборы воды! Путают серое и белое! Раньше они туда не плавали из-за холодной воды. А у нас шухер на всю галактику: "медузы мутировали, спасайтесь!".

– А солнечная система – это тоже Галактика? – уцепился за последнее слово Рэд, чтобы увести Биолога с любимого конька, где тот мог оголтело распространяться до бесконечности.

Окс любил поумничать и с удовольствием отвечал Рэду и на эти вопросы:

– Солнечная система в Галактике. Галактика во Вселенной, систематика такая!

– А нашу Галактику, её как зовут?

– Ты что, не знаешь? – переспросил Окс, опасаясь нового "прихвата".

– Не знаю! – честно сказал Рэд.

– Млечный Путь!

– А-а-а! Тогда знаю!

– Ну вот, а говоришь, что х...й от пальца не отличаешь! Сходи к стармеху Васу. Он сегодня при погрузке кричал тальману: "Я блатной, два пальца в ж...пу входит!"

– Это он о чём? – оторопел Рэд.

– Ты спроси у Васа, он тебе объяснит!

– Нет, Окс, я к тебе по серьёзному делу. Вот если породниться с Посвященными. Пожениться. Вот, наверное, крутую карьеру сделать

можно! – хитрый Рэд опять стал подводить Окса поближе к его профессиональным вопросам.

– Не выйдет! – серьёзно возразил Окс. – У Посвященных апартеид!

Что это такое, Рэд узнать не успел. Раздался сигнал: "По местам стоять"!

Рэд поспешил в штурманскую рубку. Набираться морского опыта от брата. Арс увидев Рэда подумал: "Сейчас вопросы под руку задавать начнёт!" – поэтому прокричал своему первому помощнику Бэду:

– Бэд, проинструктируй стажёра на случай шлюпочной тревоги. Поведи его на экскурсию куда-нибудь!

Бэд экскурсию сразу начал с секретного помещения. Такой человек был Бэд. Он думал: "Расскажу парню главное, а остальное он сам поймёт!" – с этой мыслью он приступил к обучению:

– Вот это центральный узел управления, так называемый ЦУУ. С него можно заблокировать все органы управления кораблём. Как органы управления движением, так и функции воздействия на внешние условия. Так называется грозное оружие фэна по уничтожению противника. Все органы так поделены, левая и правая часть. Допустим, с правой части можно обездвижить или даже убить очень крупное морское животное. Кита кашалота, например, или что угодно. Воздействие разнообразное. На двигательные органы и на механические части, то есть электрические, электронные и другие!

– Что это за "электрические части" у морского животного? – с подвохом спросил Рэд.

– Ну, не животного. Допустим, напал биоробот. Капитан имеет выбор. Или отразить атаку обездвижив его, парализовав. Либо устроить ему катастрофу в функциях управления или в мозге.

– А что, могут напасть биороботы? – уже с опаской спросил Рэд.

Бэд продолжал повествование своим ровным, монотонным голосом:

– Фэн строился для походов в Верхний Космос. В истории случаев встречи с андроидами не было зафиксировано, но сделали на всякий случай.

– А, что с центрального пульта нельзя бороться с внешним воздействием?

– Конечно же, можно и с большим успехом! Но этот пульт – контрольный. На случай захвата центрального пульта управления отсюда оружие можно заблокировать.

– А кто его захватит?

Бэд про себя подумал: "Какой настырный парень! Не быть ему командиром, командир должен быть дипломатичнее!" – вслух же пошутил: – Кто, кто! Пираты!

Рэд тоже заулыбался, и они последовали дальше по отсекам. Когда выходили из секретного помещения, Рэд развитым боковым зрением заметил, что в закутке висят на крючочках серые шапочки. Точь в точь такие, с помощью которой он попал в этот Мир и которую у него потом конфисковали в миграционном пункте. Этот закуток с шапками ярко отразился в мозгу Рэда.

Дальше Бэд, сообразно со своим именем, без всякой логики привёл Рэда в кают-компанию и стал ему демонстрировать своё искусство игры на музыкальном инструменте. Искусство в этом Мире давно и далеко шагнуло вперёд. Вся музыка с незапамятных времён сочинялась и исполнялась автоматами. Как это происходит, уже давно никого не интересовало. Но музыкальные инструменты изготавливали и почитали как историю культуры, как свидетеля древности цивилизации. Этот инструмент не походил ни на один из виданных ранее Рэдом. Был он сделан весьма искусно, но звуки издавал препротивные. Рэд стал подозревать Бэда, что тот очевидно сожалеет, что рассказал стажёру про секретную каморку и хочет стереть из его памяти информацию этими дикими звуками. Либо хочет отвязаться от него и специально извлекает такую противную музыку. В паузе Рэд поблагодарил Бэда "за доставленное удовольствие" и устремился в поисках нового информатора по океанской жизни. В ушах Рэда звучало:

– Тебе правда понравилась музыка? Это я сам сочинил!

Глава 14

Аркадий полагал, что его дружба с Бриттовым позволит ему вольготно вести себя на АПЛ. Всё оказалось не так. Очень дружелюбный на берегу, капитан на борту своей лодки был очень жёсткий человек, можно даже было сказать, служака. Всё он делал по уставу и по дополнительным инструкциям ВМФ. С виду, по впечатлениям оставшихся после походов в ресторан и совместных распитий на берегу, Бриттов казался "рубахой-парнем", но на деле он не допускал никакого амикошонства. Он дал распоряжение боцману, тот согласно "табелю о рангах" поселил Аркадия в одной каюте со старшим оператором атомного реактора Сергеем. Аркадий такого соседства страшно пугался, всё боялся, что сосед подвергнет его какому-нибудь облучению. Тот страшно веселился по этому поводу и успокаивал его:

– Не ссы! У меня вон молодая жена и двое детей! Так жена пока убегать не собирается! – и весело смеялся при этом.

Аркадий с видом нытика отвечал ему:

– Тебе хорошо, у тебя уже двое детей, а для меня этот процесс ещё предстоит! А какой процесс, если ты меня потравишь своим стронцием?

На кормёжку, правда, Аркадия определили с офицерами, в кают компании. На лодке, несмотря на воспетое "братство", питание происходило у офицеров и матросов отдельно. Еда была из одного котла, но у офицеров это делалось как-то более культурно и чинно. Аркадий, в силу природной расхлябанности, явился как-то на завтрак заспанный и в подаренной Сергеем тельняшке. Ему старпом Жора корректно сделал замечание:

– За стол садиться всегда быть бритым, в опрятной форме и поприветствовав присутствующих!

Аркадий эту науку усвоил. Боцман подарил ему чистую суконную тужурку и он с гордостью носил её. Ходить ему особо было некуда. Во многие, – даже в большинство – отсеков его не пускали. Мичманы не знали, кто он по званию. А по команде: "Офицер в отсеке!" – все должны вставать. В случае с ним – была неувязка.

По лодке также ходил слух, что "журналюгу прислали выведать, а потом будет сокращение штатов и урезание финансирования"! Аркадий сам уже уверовал, что он знаменитый журналист, вошёл в роль бесповоротно и даже делал какие-то судорожные записи. Если бы эти записи нашёл и прочитал особист, он бы подумал, что это зашифрованные сведения о секретах АПЛ. До такой степени эти записи были нелепые. Аркадия это не смущало. За годы своих скитаний он привык к разным ролям и адаптировался к обстановке очень быстро. Он часами лежал на верхней шконке, расположенной над шконкой Сергея, и даже ничего не читал. Он придумал себе версию, как его будто бы посадили в тюрьму, и он лежит в камере. Эту игру он придумал, чтобы не огорчиться, что после окончания "срока" все получают зарплату, а ему редактор наверняка ничего не даст! Вздохнув, Аркадий утешал себя: "Ничего, хотя бы кормят бесплатно – и то дело!"

Тем временем лодка Бриттова пошла на всплытие с дифферентом десять-двенадцать градусов. Решили "подышать" и связаться со штабом флота. Вся бодрствующая смена вышла на палубу пообщаться с волей. Район плавания был море Уэдела. Эту красоту мало кто видел, даже бывалые подводники. Было раннее утро. Вода искрилась, небо было ясное. Лодка шла на турбинах, шла легко, без дрожания корпуса, словно летела, и этот полёт доставлял ей удовольствие! Курс судна был ровно двести градусов, скорость под двадцать узлов. Бриттов с Сашкой и другими старшими офицерами стояли на ходовом мостике и наслаждались, что они моряки, что они в дальнем походе и мечта их детства сбылась! Вдруг снизу с палубы раздались удивлённые крики. Матросы хорошо увидели то, что сверху трудно было заметить: прямо по курсу судна на поверхности океана, перед взорами моряков, возник вращающийся круг на водной поверхности. Диаметр его был сотни, а может тысячи метров! По команде командира вахтенный штурман сделал выверку места положения судна. Он навёл секстан, проверил точное время судового хронометра и сделал доклад Бриттову. Сказал, что в данный момент АПЛ находится в центре стрима течения Гумбольдта. Не стовариваясь, старшие офицеры сразу назвали это явление – воронкообразный прогиб водной поверхности океана – "рингом".

Застопорив обе турбины, моряки заметили, что лодка продолжает движение по кругу, по часовой стрелке. Первый помощник сказал:

– Всё ясно!

– Что тебе ясно? – подхватил Бриттов, – докладывай!

– Если бы мы находились в Северном полушарии, то ринг вращался бы в левую сторону.

Любой тезис в такой обстановке подхватывается. Быстро принесли из недр лодки куски пенопласта и стали кидать его в воду. Бриттов скомандовал:

– Самый малый вперёд! Курс двести десять градусов!

Когда лодка отошла от места сбрасывания кусков пенопласта, то стало совсем явственно видно, что вода в ринге движется по кругу. Старшие офицеры стали высказывать мнение, что с этим явлением необходимо разобраться. Кто-то вспомнил:

– Помните? На прошлом боевом патрулировании, когда мы шли в море Росса, дело было ночью, мы встретили светящиеся круги под водой?!

– Что за круги? – спросил офицер из новеньких.

– Светящиеся белые лучи, выходящие из одной точки. Длина их под водой была по нескольку сот метров! А если наш курс совпадал с ними, то луч как бы проходил сквозь лодку.

– Может, это косяки светящихся рыб? – вновь спросил новенький.

– Скорость движения лучей для рыб уж очень высокая! В десятки раз выше, чем даже барракуда плывёт! Создаётся чувство, что концы лучей, кажется, загибаются от скорости! – и неожиданно добавил, – И жуть такая же...

Бриттов сразу отреагировал на последнюю фразу, он произнёс:

– Офицеры! Наша задача производить боевое патрулирование, а не научными исследованиями заниматься! И если, капитан-лейтенант, вы говорите о вращении,

необходимо говорить не "скорость", а "частота" вращения!

– Вот я и говорю – "чистота"... – промолвил незадачливый офицер.

Невзирая на необъятную мужественность моряков, которая квадратично

удваивалась от мысли, что на тебя смотрят боевые товарищи, по спидам под меховыми куртками у них шёл холодок ужаса. Этот пронизывающий ужас был не сравним ни с чем, как впрочем, необъясним был и его генезис. Чувствуя под ногами мощь своего корабля и локоть товарищей, ни один из подводников никоим образом не выдали своих чувств. Однако, скабрёзных шуток в отношении этого явления тоже не допускали.

Куски пенопласта продолжали своё движение. Бриттов дал команду застопорить ход. Постепенно подводный корабль был вновь увлечён в этот хоровод, теперь образованный ещё и кусками пенопласта. Старшие офицеры стали совещаться. Командир высказал мысль, что всю информацию по данному явлению необходимо засекретить. Вахтенному штурману он отдал приказ никаких записей в вахтенный журнал не производить. На предложения товарищей по службе, что стоило бы погрузиться и понаблюдать с подводного положения за данным явлением, Бриттов ответил, что таких инструкций от Штаба Флота он не имеет. По радио докладывать о наблюдении этого явления он тоже не намеревался, в соответствии всё с теми же инструкциями...

...Командиру фэна Арсу поступило донесение, что судно наземных жителей застопорило ход ровно над тем местом, где стоит Фэн. Команда Арса разбиралась по заданию командования с морскими гадами, которые собрались в окрестностях заборника планктона уже в угрожающих количествах. Вся эта пищевая цепочка кружила над фильтрами, угрожая в любую минуту забить весь планктонозаборник. Лучшие умы Порты находились в бились над решением задачи не допустить скопления всей этой морской живности, начиная с малых свободноплавающих червей, приплывших в место скопления планктона, до огромных кракенов. Концентрация планктона у жерла всоса увеличивалась, вот вся живность и устремлялась в это место.

Когда поступило сообщение о присутствии на поверхности океана корабля, обстановку, напряжённую из-за присутствия гигантских, в несколько десятков тонн, медуз, ещё осложнил приплывший в одночасье гигантский октопус. Он хватал своими когтистыми щупальцами с присосками кракенов величиной с хороший катер и прятал их у себя в необъятном клюве, набивая ненасытную утробу. Арс давно отдал команду разгонять всю эту нечисть электрическими, волновыми и ультразвуковыми импульсами, и дело близилось к успешному концу, но присутствие чужого корабля не позволяло производить дальнейшие отпугивающие импульсы. Вот поэтому и приплыл этот неизвестно откуда взявшийся октопус. Это меняло дело, так как тот смотрел глазами, величиной с огромные параболические антенны, на фэн, как на конкурента его охоты. Посвященные дали команду и из шлюзов фэна вышел дисколёт. Он был оборудован устройством оптической невидимости. Но через минуту оператор дисколёта доложил, что эта система вышла из строя. Цель дисколётчикам была поставлена краткая. Определить оценочно, по возможности, намерение подводного корабля людей и навести на его командиров "волны ужаса", чтобы те отправились дальше по своим делам...

...Бриттов и его команда с удивлением обнаружили, что из-под воды с шипением вырвался удивительный летательный аппарат и бесшумно стал кружить над АПЛ. Формой он был как шляпа модницы. Края шляпы были опущены, а тулья низкая и абсолютно сферическая, обтекаемая. Размеры аппарата определить было трудно, можно было с уверенностью сказать, что величиной он больше цирковой арены, сравнивать было не с чем. На Земле таких объектов не бывает. В ту же секунду с центрального поста управления, ЦПУ, доложили, что все навигационные приборы и системы связи вышли из строя. Бриттов из окружающих его офицеров срочно образовал штаб, они коллегиально пришли к выводу, что это могут быть происки натовских вооружённых сил, которые на их АПЛ испытывают новое оружие, воздействуют на управление лодкой. Бриттов дал команду дать самый малый ход в режиме ручного управления, но с места происшествия не уходить. При повторном выраже "шляпы" он дал команду: "Боевая тревога!"

Все на лодке забегали и стали готовить оружие к боевым действиям...

С дисколёта доложили, что корабль – атомная подводная лодка русских. И что на ней прозвучала команда "оружие к бою". Посвященные переглянулись и посмотрели на Арса, тот чётко доложил:

– Согласно инструкции я должен покинуть район плавания АПЛ!

Но в это мгновение случилось непредвиденное: октоптус, до конца решивший, что фэн намеревается лишить его объектов охоты, схватил корабль Арса за хвостовое оперение. Движитель фэна был старого типа, механический, и все возможности по его передвижению были парализованы. Оператор внешней безопасности от внезапности атаки слегка растерялся и в соответствии с инструкцией дал слишком мощный разряд током. Октоптус, очевидно, посчитал, что это электрический скат ему угрожает, и с удвоенной силой сдавил оперение фэна. Оператор дал ещё более мощный разряд. Щупальце октоптуса парализовало, хотя это не мешало ему свободными щупальцами хватать оглушённых разрядом восьмижаберных и пряморотых акул и отправлять их в свой ненасытный клюв.

Посвящённый дал команду создать отвлекающий эффект для команды АПЛ – произвести на лодке лёгкий диверсионный подрыв. Это действие оператор произвёл с помощью дистанционного воздействия волновым генератором...

В этот момент на АПЛ, который лежал в дрейфе, произошёл, как доложил командир боевой части, самопроизвольный подрыв топлива двигателя боевой ракеты. Лодку Бриттова потряс взрыв, люк шахты боевой ракеты сорвало с крепления и отбросило далеко в море. Из шахты повалил густой интенсивный столб дыма, вздымающегося в лазурное небо. Прозвучал сигнал пожарной тревоги. Отсек боевых ракет был аварийно герметизирован от остальных, люк для прохода между отсеками наглухо закрылся. В зоне пожара остались два матроса. Следом из четвертого отсека, в котором располагался атомный реактор, пришло донесение, что рукава кабелей управления реактором повреждены и охлаждение всей системы нарушено! Инструкция требует срочного принятия мер по остановке рабочего

реактора. Бриттов скомандовал, чтобы правый реактор был остановлен. Команда приступила к выполнению работ по остановке. В автоматическом режиме это сделать не удалось. Аварийная команда занялась глушением реактора вручную. Тем временем Бриттов был занят проблемой, которая противопоставила его сразу всей команде. Из отсека, в котором остались два матроса, доносились стуки морзянкой, что в области шлюза опасности нет, и они настойчиво просили их освободить. Все, включая лучшего друга старпома Азева Жоры, просили Бриттова дать команду открыть отсек. Открыть хотя бы на секунду, для спасения матросов. Бриттов даже не объяснял просителям, что вся лодка и жизни всех членов экипажа будут подвергнуты смертельной опасности. Он просто отвечал:

– Инструкции запрещают вскрывать горящий отсек!

Тем временем в помещении реактора становилось всё жарче. Дышать там было абсолютно нечем из-за повреждения кабелей питания вентиляторов притока воздуха. В помещении атомного реактора охлаждения не осталось никакого, а температура в отсеке была уже за семьдесят градусов. Температура в самом реакторе превысила шестисотградусную отметку. Если температура будет расти а дальше, то реактор при температуре выше тысячи градусов просто превратится в атомную бомбу мощностью пару мегатонн, причём, на боевом взводе! В отсеке реактора при аварии, по инструкции, работать людям, даже в защитных костюмах, более чем десять минут запрещено. Сергей пробыл там более получаса и его заменил вахтенный оператор. Судя по его эмоциям, остановить реактор и ему не удавалось. Температура в системе поднялась уже выше семисот градусов. Сергей готовился вновь идти на глушение, он был в защитном костюме и собирался с духом. Это был его долг! На беду, для зарядки кислородно-изолирующего прибора, в котором ему надлежало работать, оставалось только лишь два картриджа. Это хватало для работы лишь на несколько минут! Сергей вошёл в помещение реактора, оператор жестами объяснил ему результат своих работ и оставил, по команде Сергея, его одного, так как регламентное время у него вышло. Как только он вышел из отсека, люк с громким шумом автоматически закрылся – сработали датчики перегрева. Автомат изолировал опасный отсек. Все, кто находились в третьем, соседнем отсеке принялись пытаться вручную отпереть

отсек. Один мичман, старший по команде, непрерывно докладывал командиру по аварийному переговорному устройству во второй отсек, где находилась штурманская рубка, состояние проводимых работ. Бриттов дал команду: "Любыми средствами открыть четвёртый отсек!"

Но все усилия были тщетны! В этот момент температура аварийного реактора, дошедшая до восьмисот градусов, стала падать. Это Сергею удалось вручную заглушить реактор. Теперь он, находясь в кислородно-изолирующем приборе с иссякающим картриджем, стучал подвернувшейся железкой в закрытый люк. С другой стороны его товарищи пытались запертый люк открыть и выпустить его. Это им не удавалось никакими способами! Постепенно стук Сергея стихал, а затем прекратился вовсе...

Во втором отсеке собрались все офицеры. Бриттов кратко сообщил:

– У нас потери личного состава. Всего три человека. Связи со штабом ВМФ нет. На море надвигается шторм. Уровень радиации внутри лодки растёт.

Второй штурман доложил:

– Шахту ракеты, с которой сорвало люк, закрыли временно трюмным брезентом. Волна перехлёстывает через палубу лодки и ракетный отсек всё равно заливает водой.

Старпом доложил:

– Поступление воды в ракетный отсек – самое опасное для АПЛ на ближайшее время. Помпы по откачке воды не работают, электропитания на борту нет.

Бриттов взвесив все аргументы дал команду:

– На аккумуляторах идём малым ходом "домой". Курс двенадцать градусов. Через сутки мы должны пересечь морской путь. По нему наши траулеры идут в Южную Америку и в Антарктиду на промысел рыбы. При подходе к морскому пути включить аварийную радиацию на "SOS". Траулеры нас должны услышать. Они помогут.

Всю бодрствующую смену команды вывести на палубу для снижения вероятности облучения...

...Фэн от парализованного октопруса освободиться не смог. Посвященные выдали команду:

– Выпустить два дисколёта!. Октопруса умертвить, щупальце рассечь! – и неожиданно главный Посвященный добавил: – АПЛ, участника инцидента, догнать и затопить!

Арс, да и все командиры из Руди, опешили и онемели. Арс посмел задать вопрос:

– Какой резон топить АПЛ, они стали жертвой случая! Они нам не мешали!

– Без комментариев! – не открывая безгубого рта, сказал главный, и немного погодя добавил: – Они могли нас видеть!

– Ну и что! – стал горячиться Арс, – ну и что! Мало ли кто чего видел!

– Командир! Соблюдайте субординацию! – оборвал его безгубый главный. – Мы их фиксировали, они нас видели на протяжении года уже два раза, это много! Затопить!

Операция по освобождению фэна прошла молниеносно. Два дисколёта несколькими лучемётами искромсали мёртвого октопруса и также быстро вернулись через шлюзы. Лица Руди, участвующих в операции, были весьма счастливы, их ожидали очередные алюминиевые медали. Фэн быстро разогнал морскую нечисть, гадов, которые больше фэна напугались октопруса. Они хватили на ходу ключья октопруса и всё, что вываливалось из его прорванного брюха, и уплывали прочь от планктонозаборника. Фэн бесшумно, под водой, на большой глубине, двинулся следом за АПЛ Бриттова...

Боцман доложил Бриттову, что поправлять трюмный брезент на изуродованной шахте боцманская команда уже давно не может. Матросов смывает волной за борт. Их товарищи на страховке уже устали вытягивать их за фал. Дальнейшие работы по герметизации лодки бессмысленны. Бриттов рявкнул:

– Это мне решать, мыслимы или бессмысленны! Стармех, доложите о динамике роста уровня воды в ракетном отсеке!

– Уровень забортной воды растёт ускоряющимися темпами. Дифферент на нос три градуса. Отбалластироваться не можем, помпы

не работают! – сурово доложил старпом, – необходимо бортовое электропитание!

– Сам знаю, что необходимо! Запустить левый реактор!

– Но пожар в загерметизированном отсеке продолжается!

– В инструкции о запрете пуска резервного реактора во время пожара ничего не сказано!

"Он, наверное, вы зубрил все инструкции наизусть!" – восхищённо подумал старпом Жора.

По прошествии нескольких часов реактор был запущен. Но это живучести

лодке не прибавило. Рукава кабелей питания откачивающих помп были, очевидно, перебиты взрывом. Ракетный отсек освободить от воды не удавалось. Бриттов неожиданно скомандовал:

– Обе турбины малый вперёд, курс четырнадцать градусов!

Корпус АПЛ задрожал. Лодка пошла малым, а затем и средним ходом на север. Бриттов скомандовал:

– Курс одиннадцать градусов. Дать сигнал "SOS"!

– Есть сигнал "SOS"! – ответил радист по внутреннему переговорному...

...На фэне все переглянулись. Арс произнёс:

– Они пошли средним ходом под турбинами!

– Куда пошли? – кукольным голосом проверещал главный Посвящённый.

– В Мурманск, в Мурманск пошли! – восхищённо прокричал Арс.

– Остановить! – проверещал главный, не размыкая трещину вместо губ. Посвящённый, оператор, произвёл волновой импульс, узко направленный на производство повреждений в управлении реактора АПЛ землян.

Дежурный оператор доложил из реакторного отсека Бриттову:

– Температура реактора необоснованно растёт! В ручном режиме снизить температуру тоже не могу!

– Остановить реактор!

На этот раз остановка реактора произошла в штатном режиме. Теперь почти вся команда коротала время на палубе, на корме АПЛ, лежащего в дрейфе. Хотя шторм стал немного утихать, как говорят моряки – образовалось "окно", дифферент лодки был большой. Передние кнехты лодки обдавало волной. Боцман, испросив разрешение, загодя заготовил толстенный буксировочный канат. Матросы укрепили его за передние кнехты, завели и укрепили за скобы надстройки. Стали ждать. Вдруг крики радости огласили океан. На горизонте показался силуэт корабля.

– Наши! Наши!!! – кричали восторженные моряки.

Когда корабль подошёл на двадцать кабельтовых, в бинокль определили по опознавательным знакам, что это американец. Бриттов дал команду:

– По аварийной радиации передать: "В помощи не нуждаемся!"

Радисты команду выполнили. Эсминец подходил до десяти кабельтовых, больше не решался. Аркадий, видя американцев так близко первый раз в жизни, усиленно думал:

– Вот она свобода! Вот она! Рукой подать! А там – лимузины, Бродвей, шикарные девочки! Масса удовольствий и развлечений!

Не понимая, что он делает, он шагнул через леера и оказался в воде. Плавал он очень хорошо. В голове его пульсировало:

– Лишь бы американцы заметили, там они уже спасут, вышлют шлюпку. Не должен же я, гражданский человек погибать от радиации в расцвете лет!

На АПЛ раздалось:

– Человек за бортом!

Бриттов командовал:

– Шлюпку не спускать, кинуть спасательный жилет!

Жора, как отвечающий за идеологическую часть, прошептал:

– Дай я его с винтовки сниму! Он преднамеренно прыгнул за борт и плывёт к американскому эсминцу, он изменник Родины!

– Отставить! – сказал Бриттов, – Никто не давал тебе права судить человека, тем более, что он гражданский человек. А по инструкции мы отреагировали, жилет бросили ему!

– Тебе только бы инструкцию соблюсти! – бурчал Жора.

– Капитан третьего ранга! Соблюдайте дисциплину, вы должны быть примером для личного состава! – рявкнул Бриттов.

Их спор перекрыли выкрики:

– Дельфин, дельфин!

– Как бы не так... – пробурчал опытный боцман.

Волны вспарывал плавник большой белой акулы. Через мгновение несчастный скрылся с глаз наблюдавших его моряков...

...Арсу доложили, что у наземных жителей "человек за бортом". Арс отреагировал и предложил Посвященным:

– Его необходимо срочно телепортировать!

– Чего телепортировать?.. – проверещал птичьим голосом Посвященный, – требуху акулы телепортировать? Мы справились по реестру. Это будет ненужный, никчемный Руди! Ради его персоны сложную систему реинкарнации задействовать не рационально!

Во время этого разговора Рэд стоял рядом и всё слышал. Его раздирало множество чувств. Было у него мальчишеское возмущение, что его брат вроде как главный на корабле, а этот – командует! Было какое-то непонятное чувство, что с гибелью этого парнишки он потерял как бы часть себя. Было неприятное чувство, вызванное прозрением, что Руди – вроде как крепостные крестьяне у этих упырей. И много других чувств, в которых он не мог сразу разобраться. Он просто, делая вид, что перенимает опыт судовождения, внимательно слушал всё, что "произносят" и делают Посвященные. А дали они такую команду:

– Надо вынудить команду АПЛ перейти на эсминец, который предлагает им помощь. Ведь альтернативы у них нет!

Здесь высказался старпом Бэд:

– Господа! – Обратился он как бы ко всем, но его речь была направлена Посвященным. – Есть один нюанс, преодолеть который ни физическим, ни моральным воздействием невозможно!

– Что это за причина такая? – прочирикал голосом без интонаций главный Посвященный. – Назовите её!

– Дело всё в том, что при принятии помощи, гибнущей АПЛ, согласно правилам, придётся спустить свой флаг.

– Ну и что? В чём дело, пусть спустят флаг!

– В том-то и парадокс! Дело в том, что это АПЛ из России!

– Ну и что?! Какая разница, как поделились эти люди?! Русские, не русские. Правила-то одни, международные!

– Дело в том, – опять продолжал Бэд, – что русские никогда не спускают флаг!

Не было ещё ни одного случая, чтобы русские спустили на судне свой флаг. И я уверен – такого случая не будет никогда!

Посвященные опешили и что-то стали совещаться на неслышимом никому языке между собой. Наконец, "самый умный" Посвященный задал вопрос:

– Это что религия такая? Или они боятся наказания? Их посадят в тюрьму на Родине?

– Нет. Они не боятся наказания, они о нём не думают ни доли секунды! Это выше религии! Так повелось столетиями, что русские моряки свой флаг не спускают.

Даже если у них кончается боезапас и весь ресурс, они идут на таран, на последнем обороте гребного вала, но с поднятым флагом!

– Очень интересная у них история, – вдруг заинтересовался главный посвящённый, – расскажите подробно, это нам надо знать!

– Насколько я понимаю, это началось триста лет тому назад. Тогда вместо флагов был ростр на носу корабля. Так вот, русские у побежденных кораблей отрубали эти ростры и предоставляли в столице напоказ. У них до сих пор стоят ростральные колонны с носами побеждённых кораблей. Ещё можно отметить промежуточный случай. Был крейсер у них. Его окружила целая эскадра неприятеля и предложила сдаться. Они приняли бой с целой эскадрой. Орудия кораблей били целый световой день. Крейсер победил несколько кораблей противника, но у самого крейсера боезапас кончился, а главное, все канониры были контужены. Пленение было неминуемо.

Тогда они сами пустили крейсер на дно. Но с поднятым флагом! Прошло сто лет, и сто лет жители страны, на глазах города этой страны был бой, учат в школе детей на этом примере героизму. И памятник поставили этому крейсеру. В общем... Не спустят они флаг!

– М-да... – сказал главный Посвященный, – дело в цейтноте! Пусть жарятся в своей радиации. Будем наблюдать!

Неспокойный по характеру первый помощник Арса Бэд бойко спросил Посвящённых:

– Так, а зачем нам нужен этот экипаж?

– Экипаж нам не нужен! – проквашал один из Посвященных, – у нас есть данные, что на АПЛ есть приборы, которые зафиксировали нас. Сфотографировали, зарегистрировали на сонары и прочее... АПЛ надо затопить! Будем ждать, когда они эвакуируются.

Арс скомандовал, чтобы фэн лёг в дрейф...

...На АПЛ Бриттова, на палубе, прошло среди моряков оживление. В створе эсминца показался ещё один силуэт корабля. Он ходко приближался к месту событий. Радист, не соблюдая устава, закричал:

– Командир! Есть, есть связь по аварийной радиации! Это наш, большой автономный траулер, БАТ!

– Ура-а-а! Ура-а-а!!! – кричали матросы и мичманы.

Прогнозы радиста подтвердились, через какое-то время огромный БАТ стоял на траверсе в одном кабельтове от АПЛ Бриттова. Матросы пытались переговариваться, свернув картон рупором. Командиры им не мешали в этом, всё равно ничего из-за свиста ветра и работы машин БАТА слышно не было. Бриттов и капитан траулера приняли решение: АПЛ будут буксировать до Мурманска. Из команды лодки никто не пожелал перейти на борт БАТа. Все твердили одно и то же:

– А вдруг я здесь понадоблюсь? Кто заменит меня на моей БЧ? – все готовы были сразиться, если чужой эсминец приблизится к их АПЛ!

Началось изнурительное линеметание и перетаскивание сначала фалов, а затем уж буксирного каната. Благо что погода позволяла,

качало не сильно. И вот наступил момент. БАТ взял через свой портал двумя ваерами буксирный канат, который заранее подготовил боцман, через чекели – этикие такелажные скобы, изготовленные из очень прочной стали. Начали буксировку малым ходом. Нос АПЛ от натяжения ваеров через портал приподнялся над водой. После опробования системы буксировки увеличили ход, но и волнение на море нарастало! Бриттов сообщил через рацию БАТа в свой Штаб Флота, что он взят на буксир траулером, который запеленговал его при включении радиации от бортовой сети во время запуска второго реактора. Сообщил также, что пожар в ракетном отсеке продолжается, он локализован, но горение топлива идет от окислителя двигателей ракет. А также, что усиливающаяся волна продолжает заливать шахту ракеты через сорванный люк. Командование одобрило действие команды и решения Бриттова. Тот во время принятия сообщения наблюдал в бинокль за эсминцем недружественной страны, который преследовал их, не выпуская из вида. Не знал Бриттов, что его под водой преследует ещё один недружественный объект!..

...В ходовую рубку фэна сообщили:

– Они опять идут!

– Куда идут? – задал нелепый вопрос, не разжимая рта-трещины, главный Посвященный, обращаясь к Арсу.

– В Мурманск! – вновь ответил тот кратко.

– АПЛ должен быть затоплен! Это решение должно быть выполнено неукоснительно! – проверещал Посвящённый

– Но там же почти вся команда! – пробовал возразить Арс, – согласно генерального решения мы не должны воздействовать на команду, если они не свидетели! Я давал присягу!

– Расширить пробоины у них в носовом отсеке, увеличить течь, вынудить их перейти на траулер!

– Есть! – кратко ответил Арс и передал распоряжения по эстафете.

– Если кто-то из членов команды АПЛ начнёт догадываться о чём-либо, закупировать им память, всем догадливым! – бушевал Посвященный, вереща своим жестяным голосом.

– Есть! – чётко отвечал командир.

...По корпусу АПЛ прошли какие-то мелкие толчки. Все подозрительно и злобно стали смотреть на идущий сбоку американский эсминец. Через несколько часов нос АПЛ стал совсем зарываться в воду, а ещё спустя некоторое время он уже резал волну корпусом надстройки. Бриттов дал команду: "Готовиться к эвакуации!"

Моряки зашумели, гомонили, что может всё ещё обойдётся! Бриттов скомандовал:

– Я приказал "готовиться", а не эвакуироваться!

Ему было не до полемики. Со штаба ВМФ через траулер шли непрерывные радио. Суть всех их была одна: "Команде АПЛ не покидать! Бороться за живучесть судна! Объявить водяную тревогу! Ликвидировать пробойну!" И так далее...

Бриттов готов был объявить "шлюпочную тревогу". Но моряки всем своим видом показывали, что они его не одобряют...

...На фэне Посвященные не находили покоя. Никто из команды никогда не видел их такими обескураженными. Наконец, главный Посвящённый не выдержал и дал команду:

– Сдетонировать двигатели ещё трех, нет, пяти ракет у АПЛ! Пусть нос ему оторвёт!

Рэд, которого все на время перестали замечать, рванул из ходовой рубки. Он прокрался в каморку, где хранились серые шапки. Там впопыхах вместо одной схватил две из пачки сразу две и зажал их в руке, потом прошмыгнул к "секретной комнате" – замок на его радость поддался – и проник в неё. В его голове созрела мысль:

– Смоюсь домой! И пусть они мне память выжигают! Зато я не окажусь причастен к гибели моряков!

Когда он увидел, что шапок у него в руке две, его решение круто изменилось. Нет, не Арса вызволять он решил! Он молниеносно запер дверь комнатки на электронный замок и повесил на болванку этого устройства одну серую шапку. Затем он на подсознании разобрался с пультом управления оружием фэна. Везде мелькали указатели: "Блок." и "Разблок.". Он даванул на гашетку "Блок.", а на

"Разблок." накинул вторую серую шапку и крепко сжал её рукой! В голове его пульсировало:

– Будь что будет! Если есть один процент, что они спасутся, значит я оправдан! Наши не сдаются! – звучало в его ушах.

Эту фразу перекрыл резкий голос Арса:

– Рэд, открой! Не дури! Выходи, тебе ничего не будет. Мы запишем твою выходку как учебную тренировку!

Рэд, зажмурив глаза, крепко держал серую шапку на гашетке "Разблок."...

...АПЛ всё больше набирал воды в носовые отсеки. Ваера натянулись, как струны, хотя при начале буксировки они даже давали слабинку. На БАТе стармех, как его здесь зовут – "дед", докладывал капитану траулера:

– Кэп, балласт весь перекачали. В кормовых танках чисто! Дифферент на корму угрожающий!

Капитан и без него видел это. Даже не глядя на приборы тангажа было видно, как палуба в ходовой рубке накренилась на корму. Даже ходить с борта на борт было неловко.

Дед – старший механик – продолжал бормотать капитану свои жалобы. Капитан БАТа и без него все знал, но жалобы Деда ещё ярче иллюстрировали картину, происходящую в машинном отделении БАТа. Главный двигатель, или как во все времена зовется – "машина", надрывался всеми своими двадцатью четырьмя цилиндрами. Топливные насосы высокого давления давно были поставлены в режим полной подачи топлива, но эта "полная подача" не успевала сгорать в цилиндрах, поэтому из трубы БАТа, как из старинного парохода, валил дым, который шлейфом уходил за горизонт. Некоторые цилиндры по очереди, а то и по два-три, выходили из строя, не выдерживая чрезмерной нагрузки буксировки и встречного, который развернулся не вовремя, ветра. Ветер тоже сильно мешал ходу, упираясь в корпус судна, особенно в его высокую надстройку.

В машинном отделении мотористы бок о бок с вахтенным вторым механиком трудились над очередным аварийно отключенным цилиндром. Вентиляция не справлялась. Влажность воздуха была сто процентов при температуре финской сауны. Не спрашивая капитана,

Дед давно перевел команду машинного отделения на двухчасовые вахты. Отдыхающие от вахты мотористы, выйдя из шахты главного двигателя, уже не отмывались, а просто не раздеваясь лежали на шконках, жадно глотая принесенный коком компот из сухофруктов.

В будние дни команда мотористов то ли в шутку, то ли всерьез враждует с палубными матросами, которых окликают: "Рогали!" Те не отмалчиваются и орут: "Маслопупые!", и бросаются в погоню. Маслопупые со смехом скрываются в машинном отделении, куда рогали соваться при таком диалоге опасаются. В остальное время, конечно, рогали в машину ходят. Ну, там – подточить что-либо на наждачном круге или послушать байки, которые не слышали. И все, в общем-то, обедают в одном салоне. Но такое разграничение по кастам – рогали и маслопупые, существует. Теперь же, видя, как мотористы буквально угорают в машине, палубные матросы заботливо и сочувственно ухаживают за ними: подают папиросы, компот и сообщают время окончания двухчасового тайм-аута. Палубные матросы в эти часы тоже не на курорте пребывали, они всю вахту перекидывали брикеты мороженой рыбы в трюмах, помогая трюмным матросам балластировать БАТ. Но мотористам доставалось крепче всех.

Волнение усиливалось. Из-за сильного дифферента водозаборники охлаждения машины стали хватать воздух. Машине не хватало охлаждения, и температура в машинном отделении все росла. Сама машина работала с перегревом, если бы не замкнутый контур охлаждения, который работал под давлением, пресная вода в рубашке охлаждения давно кипела бы.

Примерно описывая всю эту ситуацию и грядущие угрозы, Дед бормотал Кэпу без пауз. Ему казалось, что тот его внимательно слушает и внемлет. Дед думал, что еще немного – и нагрузка на его машину будет ослаблена. Однако, при всем стаже совместного хождения по морям, он плохо знал своего капитана. Это наивные Посвященные могли примитивно думать, что БАТ не выдержит нагрузки от тонущей подводной лодки, и капитан примет решение прекратить буксировку или, как минимум, лечь в дрейф, что для набравшей воды АПЛ станет смертельным. Но капитан БАТа никогда не ждал, что развязка наступит сама. Он всегда шел навстречу

грозящей опасности, не оглядываясь на Деда и показывая мимикой, что он его слышит.

Капитан, подумав, прокричал в переговорное устройство:

– Второй штурман! К тебе обращаюсь, что там у нас по корме?

– А что по корме? Держим лодку ваерами, нагрузка давно уже запредельная! – ответил второй штурман невпопад.

– Я без тебя знаю, что мы там держим. По грузу что?

– Кормовые трюма упакованы брикетами с мороженой рыбой, "ледяной"!

– Боцман! Всех на подвахту! Ледяную – за борт! – проревел капитан. Проревел так, что никто не вспомнил про заработки, премию и паи. Вскоре матросы в оранжевых рокенбуках забегали по корме. Вдруг в этот момент траулер принял кормой страшный толчок! Это не выдержали чекеля на концах ваеров, и буксир был оборван. Капитан дал команду, и вахтенный матрос переложил машинный телеграф на "стоп-машину". Несколько матросов от этого толчка улетели за борт и их оранжевые куртки качались на волнах. За борт полетели спасательные жилеты, шлюпбалки пошли "на майна". Даже без объявления шлюпочной тревоги матросы были моментально подобраны и подняты на борт вельботов. Они непрерывно спрашивали, не слушая ответ:

– Что это было? Что это было?

Вельботы поднимать не стали, и они пошли сразу к АПЛ. Тот торчал из воды лишь кормой и частью ходовой рубки. Капитаны посовещались и единодушно решили, что вновь буксир не завести. Это надо было бы устраивать водолазные работы. Бриттов весьма отчётливо понимал, что его АПЛ гибнет, и толкает его к этому невидимая, злая сила. Не знал он главного, что они уже несколько минут назад должны были все погибнуть от взрыва, если бы рыжий паренёк, ровесник его матросов, не держал бы рукой, через серую шапочку, гашетку "Разблок"!

По радиации на БАТ со штаба Флота непрерывно кричали:

– Немедленно загерметизировать носовые отсеки, завести пластырь!

Капитан БАТа уже не передавал Бриттову всё это радио. Шторм усиливался, и вельботы с трудом справлялись с волной. Брали нагрузку в людях только в половину допустимого. Хотя моряки с подводной лодки были измучены, их в соответствии с инструкцией окатывали с брандспойтов, для дезактивации и давали чистые тельняшки и бушлаты. С палубы они уходить отказывались.

Боцман АПЛ подошёл к Бриттову и тихо сказал:

– Я знаю, командир, когда ты покинешь лодку. Вот, я тут хранил лётную надувную шлюпочку "ЛАС-5", я тебе её дарю!

– Отставить неуставные разговоры! – проревел Бриттов.

– Так я же вам подарок на день рождения! – улыбнулся боцман.

Вскоре весь экипаж покинул АПЛ. Впрочем, лодки уже и не было видно, лишь мостик ходовой рубки выглядывал из воды. На нем, крепко взявшись за поручни, стоял капитан Бриттов. Когда вода стала заливать ему ботинки, он сел в "ЛАС-5", отвязал верёвочку и оттолкнулся веслом о поручень, который тотчас скрылся под водой. Бриттов думал, приближаясь, гребя вёслами к БАТу:

– Удивительно тихо умерли, даже водоворота не было!

На борту БАТа раздалась команда:

– Капитан на борту!

Весь личный состав подводной лодки, за исключением троих, чьи тела ушли под воду в АПЛ, построился на палубе и встал по стойке "смирно".

Наступали сумерки, на горизонте растаяли ходовые огни уходящего американского эсминца...

Фэн на крейсерской скорости шёл в сторону Бермудских островов, чтобы с меньшими затратами энергии перейти в Нижний океан. Кораблём управлял автомат. Арса вызвали в совещательную комнату. Там заседали лишь одни Посвящённые. Серебристые костюмы оттеняли зеленоватость их лиц, а может, здесь освещение было другое, но когда заговорил главный, его лицо, клином вниз, ещё сильнее позеленело. Косо посаженные широко расставленные глаза ничего не выдавали. Однако, по позеленению лица Арс решил, что главный очень зол. Вдруг Арсом овладела шальная мысль:

– Вот бы ткнуть его ножичком в бок, кровь, наверное, хлынет тоже зелёная?..

Однако, он сделал трагическое, понимающее лицо. Посвящённый, наконец, не раздвигая трещины рта, проскрежетал:

– Надеюсь, Вы понимаете, в какую ситуацию вы повергли нашу экспедицию своим безответственным поведением?! Стармех Вас доложил. Механизмы хвостовой части фэна повреждены. Корабль идёт с сильной вибрацией! – Арс подумал: "Никакой вибрации приборы не регистрируют! Вас что-то опять интригует, мудака старый!" – Посвящённый продолжал: – Фэн по приходу в порт будет списан и утилизирован. По причине, что его блокировочные системы вооружения и хвостовой движитель конструктивно несовершенны. Нет защиты от внешних воздействий. Вы, капитан Арс – пока ещё капитан, отправляетесь на отдых!

Арсу уже было всё равно, куда он отправляется, его интересовало лишь одно: – С парнем, что держит блокировку, что будет?

– Блокировку мы освободили давно, – голос Посвящённого в первый раз изменил интонацию и последний слог он проблеял, – этого нарушителя конвенции мы коллегиальным решением отправили в Нирвану!..

...Корпус АПЛ, с телами трёх моряков внутри, с глухим стуком опустился на дно океана. Его сразу окружили рыбы гоплихты-трупоеды. Устремились к нему белые и десятиногие крабы, а так же свободноплавающие черви. Все эти, и другие прибывшие трупоеды, посчитали, что это гигантский кашалот почил в бозе и опустился к ним, для замыкания пищевой цепочки. От корпуса АПЛ ещё исходило остаточное тепло и это усиливало иллюзию. Последнее интенсивное тепло внутри лодки было от выжженных фотографических приборов и регистраторов сонаров. На этой глубине было абсолютно темно, и только рыбы фотофоры, от наведённой радиации с АПЛ, усилили свой свет. Это энергия могучего корпуса лодки передалась в жизнь!..

Глава 15

Бриттов, Жора Азев и Сашка жили по соседству в Мурманске на горе Жилстрой. Все они после жестоких допросов были списаны, как и вся команда, по инвалидности, как получившие облучение. Пенсии получали соответственно своим группам. Матросы и боцман устроились в "Рыбкин флот", кто куда, кто в рыболовецкий колхоз, кто в гослов. Офицеров туда не брали. Даже после стотысячного обращения можно было услышать: "Мы вам позвоним!"

С горы Жилстрой, где стояли дома-новостройки, открывался прекрасный вид на город, на Кольский залив. Бриттов, гладко побрившись, каждое утро выходил на лоджию как на мостик. Телефон у него стоял там же. В этот раз позвонил Жора первым. Он победно прокричал:

– Капитан! Шуряк наконец-то вынес мне "перекид" с атомохода! Канистру пять литров спирта!

– А он не со смывов, не радиоактивный? – на всякий случай поинтересовался, для порядка капитан.

– Не-а! Да, если даже и радиоактивный, зараза к заразе не пристанет!

– Ну, давай. Поднимайся ко мне. Жена давно на работу ушла. Дети в школе. Что там с закуской?

– У меня денег ни копейки! Сейчас заскочу домой, жена когда на работу уходила выдала циркуляр: "Грибы позапрошлогодние надо пропускать, совсем в уксусе закисли!" – сейчас притараню банку!

Бриттов перезвонил Сашке, своему первому помощнику:

– Сашка, у тебя дома хлеба много? Жора идёт ко мне с "шилом" и грибами. Давай, подтягивайся немедленно!

– Мне жена на парикмахерскую дала денег! – отвечал разбитной Сашка, – помнишь, как ты нас с Жоркой в морском училище стриг? Вспомнишь молодость, пострижёшь? А я на заработанные тобой деньги хлеба и курева куплю!

– Вечно ты меня эксплуатируешь, – шутливо ворчал Бриттов, – давай в магазин, только мигом, одна нога там... вечно, как черепахи!

Когда Сашка был подстрижен и сдобрен одеколоном турецкого разлива, из подарочных запасов, под крики телевизора разлили неразведённый спирт. Выпили, закусили кисленькими грибами. Саша сказал:

– Скоро боцман с рейса придёт. Будем с рыбой!

– Не нужна мне больше эта рыба! – пробурчал Жора, – ворует он её на траулере!

– Ты отсталый человек! Сейчас капитализм, у него бизнес! Бизнесмен он!

– Жалко, нам не удаётся этот бизнес! Хорошо, хоть матросы пристроились в дальнее плавание. Джинсы вон нам привезли! Теперь мы современные люди, в джинсах! – провозгласил Бриттов. – Это того стоило! – провозгласил он тост.

В телевизоре показывали церемонию выдачи певцам и артистам орденов "За заслуги перед Отечеством". Энергичный Сашка продолжил давний спор:

– Ну, нам наград не дали. Ладно. Так ты капитан похлопочи, пусть Сергею посмертно дадут! Командование-то сменилось! Может, они в контрах с прошлыми командующими, назло им распорядятся, дадут Серёге орден посмертно?!

– Не нужна Сергею награда за заслуги... – промолвил Бриттов, – он герой!..

Все молча согласились, и, чтобы сгладить паузу, разлили ещё по одной. Хотели выпить молча, но Бриттов сказал:

– У меня тост. Я сегодня видел удивительный сон. Будто шли мы на своей лодке под пятьдесят узлов. И все боролись с пробойной. Все были заняты на этой пробойне. А за штурвалом, в штурманской рубке, стоял молодой парень. Такой рыжий, как огонь! Я, надо сказать, первый раз в жизни цветной сон видел. Но, что примечательно, на паренёке этом весёлом была, почему-то, лётная форма! Вот давайте выпьем за этого рыжего паренёка!

Все выпили до дна, не чокаясь...